

А. И. НОВИКОВ

Мещанство и мещане

Против
мелкобуржуазной
философии
жизни

А. И. НОВИКОВ

Мещанство и мещане

ЛЕНИЗДАТ
1983

Новиков А. И.

Н73 Мещанство и мещане: Против мелкобуржуазной философии жизни. — Л.: Лениздат, 1983. — 152 с.

В книге доктора философских наук А. И. Новикова на основе ленинских идей раскрывается сущность мелкобуржуазного, мещанского сознания и его различных проявлений (потребительского подхода к жизни, индивидуализма и эгоизма, пренебрежения к социальным и духовным ценностям общества).

0302020300—224
Н М171(03)—83 96—83

87.3в02

© Лениздат, 1983

Судьба слова, судьба явления

Давно было замечено, что слова, как и книги и люди, имеют свою судьбу.

Это полностью относится и к словам русского языка, необычайно богатого, как бы вобравшего в себя всю сложную, многогранную и противоречивую историю страны, народа, его политической и духовной жизни, его борьбы за освобождение от всех форм социального гнета.

Российская жизнь породила многие явления, которые получили впоследствии международное значение, заставили все мыслящее человечество пристально вглядываться в историю России, где марксизм получил всестороннее развитие, где сложился ленинизм — марксизм новой эпохи, где совершилась первая в мире социалистическая революция. Русская общественная мысль отразила эту сложность и богатство общественной жизни, напряженных поисков нравственного идеала, социальной справедливости, а русский язык зафиксировал в своих терминах эту сложность и богатство мысли.

В идейных битвах на рубеже нашего века возникло и сразу приобрело глубочайший интернациональный смысл слово «большевизм». Такие понятия, как «интеллигенция», «западничество», «славянофильство», «народничество», «толстовство», также родились в России.

В ряду понятий, обнаруживших в России свою подлинную суть, находится и понятие «мещанство». В языках других народов есть похожие понятия: «обыватель», «мелкий буржуа», «филистер», «мелкий собственник». Все это — понятия, родственные мещанству, но не исчерпывающие его. Русское слово «мещанство» многозначно, необычайно богато смысловыми характери-

ками, в которых своеобразно отразились социально-экономическая история нашей страны, изменение ее социальной структуры, идейные споры, происходившие почти полтора столетия и продолжающиеся поныне.

«Мещане» — это слово со второй половины XVIII века звучало официально-деловито как обозначение одного из пяти российских сословий (наряду с дворянством, духовенством, купечеством и крестьянством). Именно в таком смысле оно было зафиксировано в метриках и паспортах миллионов жителей дореволюционной России.

Мещанами называли себя с достоинством в начале XIX века люди, жившие своим трудом, противопоставляя себя спесивым аристократам, получившим свои титулы и богатство нечестными путями, низкопоклонством, а иногда и предательством.

«Мещане» — этим словом прогрессивная русская мысль начиная с 40-х годов прошлого века клеймила бездуховность, узость интересов, боязливую тупую ограниченность, стремление внешней формой скрыть посредственность, пустоту содержания.

Сотни раз к понятию мещанства обращался В. И. Ленин, используя его для обличения и критики различных ложных воззрений: и реакционных поползновений сохранить неизменным мелкое хозяйство в противовес прогрессивному промышленному развитию, и трусливого реформизма либералов-кадетов и меньшевиков, и закорюзлого национализма различных мастей, и для характеристики идей и настроений мелкособственнической стихии, стремившейся удержаться в условиях социалистического строительства.

Продолжая и развивая ленинские традиции, Коммунистическая партия решительно борется против всех рецидивов мелкобуржуазной, мещанской психологии и морали, против потребительских идеалов, деформирующих души людей, ложной престижности, эгоизма и общественной пассивности.

Мещанство — сложное явление, имеющее и социально-экономические, и социально-психологические, и нравственные, и эстетические аспекты. Поэтому борьба с ним не может вестись упрощенно. История, как известно, знает немало примеров такой упрощенной борьбы не против мещанской идеологии и психологии, а против... вещей, которые в разные периоды объявлялись символами мещанства.

Периодическая печать и художественная литература

20—30-х годов запечатлели эти упрощенные формы «критики». Мещанскими назывались отдельные предметы быта (занавески и салфетки, самовары и абажуры), цветы (например, герань), музыкальные инструменты (гитара), обычаи и предметы одежды (обручальные кольца, галстуки). В разряд мещанских попадали даже птицы — маленькие безобидные канарейки или попугаи... К разряду проявлений мещанства подчас относили и лирическую поэзию, и некоторые жанры музыки, например романсы, а также натюрморты и пейзажи в живописи.

Об этом нелишне вспомнить, ибо нет-нет да и в наши дни кое-где под видом борьбы с мещанством выступают против джинсов и дубленок, против мебельных гарнитуров или украшений. При таком подходе отношения людей подменяются отношениями вещей. И критики мещанства фактически становятся на одну почву с его носителями: и те и другие придают вещам некий особый символический смысл, обожествляя или проклиная ни в чем не повинные вещи.

Но мещанство не в вещах, а в отношении к ним: служат ли вещи человеку или человек поклоняется вещам и деньгам. Отрицание, неприятие мещанства — это не отрицание моды, тех или иных вещей, обычаев. Это отрицание узости мышления, ограниченности духовного мира, бездумного самодовольства, конформизма, то есть стремления подражать, повторять чужие образцы в словах, суждениях, в одежде. Мещанство — это и эгоизм, раздутое «я», нежелание считаться с обществом, с интересами других людей. Мещанство всякое — и тихое, накопительское, и воинствующее, открыто бросающее вызов нашим ценностям и идеалам, — антиподы социализма, противники истинной, непоказной культуры.

Антикультурная природа мещанства была подмечена замечательным советским педагогом Антоном Семеновичем Макаренко. «Зажиточность без культуры» — так определял он природу мещанства. Это определение, конечно, не претендует на полноту, но в нем выражена существенная черта явления.

Более полную характеристику сущности мещанства и необходимости борьбы с ним дал советский ученый и критик Феликс Кузнецов: «Мещанство было и осталось мелкобуржуазной философией жизни, мелкобуржуазной психологией, нравственностью и моралью... В противопоставлении и борьбе новой нравственности с нравственностью мелкобуржуазной, то есть мещанской, — ос-

новная духовная коллизия нашего времени. Таков наш главный противник сегодня» (76, 201) *.

Какова же судьба понятия «мещанство», какие идейные бури кроются за ним?

* * *

В 1830 году, в период знаменитой болдинской осени, Александр Сергеевич Пушкин пишет стихотворение «Моя родословная», имевшее первоначально более длинное название — «Моя родословная, или Русский мещанин» (95, 197—199).

Все стихотворение, полное глубокой внутренней силы, убийственной иронии и чувства гордости, было обращено против «писак» во главе с Фигляриным — реакционным журналистом Фаддеем Булгариным, который писал политические доносы и травил не одного Пушкина. Рядясь в псевдонародные, сверхпатриотические одежды, этот выходец из Польши, воевавший против России под наполеоновскими штандартами, усердно замаливал свои грехи, упрекал Пушкина в аристократизме и высокомерии.

Великий поэт в «Моей родословной» с гордостью говорит о своих предках — старинных боярах, о целых поколениях русских людей, служивших своей стране начиная со времен Александра Невского.

Пушкин мудро замечает, что он «крови спесь угомонил», что он не выставляет напоказ свою родовитость. Он не имеет ничего общего и с новой знатью, недавние предки которой «торговали блинами», «ваксили царские сапоги», «пели с придворными дьячками». Ни с Меншиковыми, ни с Орловыми, ни с Разумовскими поэт действительно ничего общего не имел. Потомственный дворянин Пушкин с гордостью пишет о себе: «...я просто русский мещанин». И далее в разных вариантах, подчас с тонкой иронией: «...я, братцы, мелкий мещанин», «...дак мне ли быть аристократом, я, слава богу, мещанин». Подчеркнуто независимо звучат слова поэта: «...я не богач, не царедворец, я сам большой, я мещанин».

Эти полные достоинства слова были произнесены человеком, который почти всем был обязан только себе,

---

* Здесь и далее первая цифра означает номер источника в списке литературы, помещенном в конце книги, вторая — страницы источника.

своему труду. Это был первый манифест профессионального литератора, чей труд давал основание для истинной гордости. «Я сам большой, я мещанин» — эти слова в устах дворянина Пушкина звучали смелым вызовом «надменным потомкам», особенно такому предтече худшего мещанства, не сословного, а нравственно-психологического, каким был Булгарин...

Широкое толкование понятия мещанства было характерно и для западноевропейской литературы. Генрих Гейне и в стихах, и в прозаических сочинениях — статья, эссе, путевых заметках — беспощадно высмеивал немецкое мещанство, издевался над филистером — самодовольным, ограниченным и мелочным обывателем, считавшим свой мирок центром мироздания. Лучше быть несчастным человеком, чем самодовольной свиньей, говорил Г. Гейне. В то же время Г. Гейне, как и А. С. Пушкин, употреблял термин «мещанство» в его первоначальном социально-сословном значении. Так он именует вождя якобинцев Максимилиана Робеспьера «великим мещанином с улицы Сент-Оноре», об Иммануиле Канте — основоположнике немецкой классической философии — пишет как о добропорядочном человеке, в котором тип мещанина был выражен в высшей степени (61, 96—97).

Что же представляло собой мещанство исторически?

Почему Пушкин сто пятьдесят лет тому назад мог произносить его с гордостью, а через двадцать лет после него Александр Иванович Герцен всемерно отрешивается от мещанства, считая его бедой, господством «сплоченной посредственности»?

Слово «мещанство» родилось в западных губерниях России. «Място» — по-польски город, мещанин — городской житель, в отличие от крестьянина и помещика-дворянина. В XIV—XVII веках мещанами официально именовались жители городов западной и южной Руси, входивших тогда в состав польско-литовского государства. В русских городах с 1775 года мещанами назывались посадские люди, имевшие капитал до 500 рублей.

Мещане официально стали одним из сословий, включившим в свою орбиту ремесленников, мелких торговцев, мелких землевладельцев. Мещане отличались не только от первых двух сословий — дворянства и духовенства, но и от близкого им, особенно в низшем слое, купечества.

Мещанство, к примеру, в отличие от купечества, платило подушную подать, оно несло рекрутскую повинность, было ограничено в передвижении, и до 1863 года мещане, как и крестьяне — представители податных сословий, могли быть подвергнуты телесному наказанию. При определенных условиях разбогатевшие мещане могли перейти в купеческое сословие. Но этот процесс был замедленным. Значительно более динамичным был другой процесс — пополнения мещанского сословия за счет крестьянства. Выкупившиеся у помещиков или отпущенные на волю вчерашние крестьяне могли переходить в мещанское сословие. Особенно интенсивным этот процесс стал после отмены крепостного права в России, после буржуазных реформ 60-х годов прошлого века.

Развитие капитализма в России привело к существенным переменам в ее социальной структуре, которая стала более сложной и в то же время более дифференцированной. Изменился и облик мещанина. После реформ 60-х годов мещанство стало включать в себя не только ремесленников и мелких торговцев, вчерашних крестьян, но и резко выросший слой чиновников, а также лиц свободных профессий. К мещанскому сословию были приписаны люди, давно порвавшие с традиционными мещанскими занятиями бывших посадских. В числе мещан оказывались и государственные служащие, и врачи, и адвокаты, и статистики, и журналисты, и коммерсанты, особенно в звеньях распределения, обмена, служащие частных контор и банков — представители многочисленных профессий, рожденных капиталистическим хозяйством и жизнью буржуазного города. Статистика говорит о том, что в 1811 году в России было 949,9 тысячи мещан, составлявших 35,1% городского населения, а в 1897 году — уже 7449,3 тысячи человек, то есть 44,3% городских жителей принадлежали к мещанскому сословию (96; 98).

Таким образом, за несколько десятилетий мещанство из сословия городских трудящихся низов, угнетенного, близкого к крестьянству, включавшего в себя лично свободных, хотя и бесправных людей, превратилось в широкий социальный слой мелкой буржуазии, которая становилась классом буржуазного общества. К этому классу примыкали социальные слои и группы, имевшие, как, например, большинство служащих и интеллигенции, мелкобуржуазный идейно-психологический облик. Поэтому сословные границы в условиях растущего капитализма размывались. С понятием мещанства все более

связываются не сословные, социально-экономические и правовые, а нравственные и идеологические характеристики.

Русские писатели середины и тем более конца прошлого века уже не могли бы, как Пушкин в 1830 году, с гордостью говорить: «...я, слава богу, мещанин».

Русская демократическая общественная мысль — и философия, и социология, и литературная критика все решительнее размежевываются с мещанством. При этом субъективные оценки мещанства не всегда совпадали с его объективным содержанием. Многие представители русской демократической мысли, например, не осознавали органической связи мещанства и мелкобуржуазности. Так, некоторые из них полагали, что Россия вообще избежит мещанства, другие были искренне убеждены, что характеристики «мещанский», тем более «мелкобуржуазный» применимы лишь к городскому жителю-собственнику, но не к российскому крестьянству. Русские марксисты убедительно доказали иллюзорность этих идей и взглядов, раскрыли классовую мелкобуржуазную природу мещанства.

Ленинские традиции всесторонней критики мещанства — в политике и тактике, в сфере философии и культуры — продолжены и обогащены в документах КПСС.

В тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина подчеркивалось, что формирование коммунистического мировоззрения и нравственности требует последовательного проведения классовой линии в вопросах воспитания, «последовательной борьбы против аполитичности, частнособственнических пережитков и мещанских настроений, проявлений нигилистического отношения к завоеваниям социализма» (44, 276).

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии отмечалось, что если рост материального благосостояния не будет сопровождаться культурным ростом и идейным воспитанием, то мы можем получить рецидивы мелкобуржуазной, мещанской психологии (42, 78).

Эти важные выводы получили свое новое развитие в документах XXVI съезда партии, где понятие мещанства было глубоко раскрыто в связи с проблемой личности и ее интересов. Прежде всего было показано, что мещанство принципиально чуждо социализму, в условиях которого оно охватывает своим влиянием не общество, не классы, не социальные слои, а отдельных лиц из разных социальных групп. Тем самым отвергаются буржуазные измышления о «мещанском перерождении» ра-

бочего класса, социализма. На съезде точно определены пути борьбы против мещанства и других уродливых явлений — эгоизма, накопительства, равнодушия к заботам и делам народа, в один ряд с которыми поставлено мещанство (43, 63—64).

«Существенный вклад в разработку проблем уровня жизни и критики тенденций потребительства внес июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС. В речи Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова подчеркнуто, что повышение уровня жизни не сводится лишь к росту доходов населения и производству предметов потребления. В понятие уровня жизни входят рост сознательности, культуры, включая культуру быта, поведения, разумного потребления, общественный порядок, рациональное питание, качество обслуживания, использование свободного времени (46, 9). Упрочение социалистического сознания идет в упорном противоборстве с рецидивами мелкобуржуазной психологии, говорится в постановлении Пленума (46, 43).

Носители мелкобуржуазной, по своей сути мещанской, психологии и морали в нашем обществе являются по существу передатчиками буржуазных идей, они выполняют функции ретранслятора буржуазной идеологии внутри социалистического общества.

Агрессивное отрицание принципа социализма «от каждого по способностям, каждому по труду», преклонение перед материальным жизненным успехом, пренебрежение к идеалам и ценностям социализма — это по своему существу идеи чисто буржуазные. Промежуточное положение, двойственная суть мелкой буржуазии в условиях, когда этого класса уже не существует, трансформируется и проявляется в своеобразной форме: некоторые люди, живущие при социализме и пользующиеся его социальными завоеваниями в сфере труда, образования, социального обеспечения, руководствуются в своей жизненной практике идеями, чуждыми социализму, мелкобуржуазной философией жизни.

Таким образом, мещанство — явление сложное, приспособляющееся к различным условиям существования. Чтобы его распознать и эффективно бороться с ним, следует обратиться к его истории, сущности, к анализу основных этапов борьбы против него прогрессивных сил общества.

Мещанство в зеркале русской общественной мысли

Одна из самых ценных и плодотворных традиций прогрессивной русской, в первую очередь революционно-демократической, мысли — неприятие самодовольного эгоизма и индивидуализма, стремление к общественному служению, к «социальности», говоря словами Белинского. Эта тенденция объективно была анти-мещанской, антиобывательской.

Далеко не всегда критика мещанской идеологии и психологии носила четкий характер, подчас она была облачена в расплывчатые терминологические формы, но в этой критике всегда присутствовал высокий нравственный накал.

Русская литература, являясь одновременно и формой общественной мысли, в лучших своих образцах последовательно выступала против буржуазности, против подчинения всех форм человеческой натуры и человеческих отношений наживе, обогащению, достижению власти над ближними, возвышению над ними любой ценой. Буржуазность, столь ненавистная Герцену и Чернышевскому, Толстому и Достоевскому, Чехову и Успенскому, оценивалась часто с позиций не столько политико-экономических (хотя, к примеру, в творчестве Глеба Успенского и дан глубочайший социально-экономический анализ сущности российских буржуа — кулаков и торговцев), сколько с позиций нравственных, общедемократических. Воинствующая антибуржуазность, ненависть к меркантильности, собственническим инстинктам, подавлявшим в человеке все истинно человеческое — его духовную жизнь, нравственность, эстетическое чувство, патриотизм, сыграли неоценимую роль в формировании лучших традиций русской общественной мысли. На них воспитывались це-

лые поколения российских интеллигентов, грамотных рабочих, проникнутых неприятием мира наживы, показного богатства, чванной образованности. Составной частью этой антибуржуазности русской литературы была ее антимещанская направленность.

С исключительной чуткостью прогрессивная русская общественная мысль улавливала растущую вместе с утверждением буржуазных отношений опасность мещанства, которое захватывало своим влиянием немалую часть трудящихся и образованных людей.

В трудах русских философов и писателей понятие «мещанство» обрело не только юридический и сословный смысл, но и стало обозначать определенные идеи, определенную психологию и мораль. Искажение потребностей, подмена естественных человеческих отношений эгоизмом, голым расчетом, стремление жить напоказ, рабская зависимость от мнения окружающей среды — эти черты мещанства были выявлены демократической русской литературой еще в прошлом веке. Уже в 1847 году журнал «Современник» публикует письма А. И. Герцена из Парижа, в которых русский мыслитель употребляет термин «мещанство» не только в сословном смысле. Он с чувством презрения и искреннего негодования пишет о том, что человек, «не отмочивший себе руки в пролетарской крови, становится подозрительным для мещан» (55, 47). Конкретно применяя принцип историзма к анализу многих явлений в жизни европейских народов, Герцен справедливо полагал, что мещанин безразличен к социальному прогрессу, к идеалам революции, хотя и готов воспользоваться ее результатами, как это было во Франции после великой революции конца XVIII века. Мещанин «во всем видит торг», «все лежащее вне торговых оборотов и эксплуатации своего общественного положения несущественно для мещанина» (58, 285—288).

Проблема отношения А. И. Герцена к мещанству, его роль в анализе этого явления привлекала внимание исследователей. Одним из первых, кто осветил эту роль, был Иванов-Разумник, автор двухтомной «Истории русской общественной мысли» (68, 281—328).

Современная оценка деятельности этого «выдающегося критика, публициста, историка русской литературы и общественной мысли» представлена в содержательной статье А. В. Лаврова (76, 367), а также в статье М. Г. Петровой (90, 156).

В своей книге Иванов-Разумник попытался предста-

вить всю историю русской общественной мысли как борьбу «индивидуализма», главной, по его мнению черты интеллигенции, против мещанства, для которого характерны «узость формы, плоскость содержания и безличность духа». Несмотря на демократическую направленность, значительный фактический материал, позволивший раскрыть антимещанский характер прогрессивной русской общественной мысли и литературы, в том числе творчества А. И. Герцена, книга Иванова-Разумника страдала существенными изъянами. Главный из них — внеклассовое и внеисторическое толкование и интеллигенции, и мещанства, которые лишались своих реальных очертаний, социально-экономической основы и превращались в единую абстрактную конструкцию, охватывающую разнородные явления — «от официальной идеологии екатерининских времен до декадентов-ницшеанцев конца XIX века» (87, 10). Методология и многие выводы труда Иванова-Разумника вызвали критические выступления российских марксистов — Г. В. Плеханова (93, 528) и А. В. Луначарского (80, 5).

Анализ отношения А. И. Герцена к мещанству и критика буржуазной фальсификации наследия русского революционного демократа продолжают привлекать внимание советских исследователей (70, 104).

Обращение к ленинскому теоретическому наследию, к ленинским конкретным классовым оценкам природы и роли мещанства позволяет по достоинству оценить критику мещанства А. И. Герценом и другими представителями демократических традиций русской общественной мысли и культуры. Впервые русский мыслитель подметил существенную и характерную черту мещанства — сочетание социальной пассивности, приспособленчества с энергией и активностью в сфере сугубо личных, прежде всего меркантильных интересов.

Ярко и остро Герцен характеризует сущность тех изменений в общественной жизни и общественной мысли, которые совершались в буржуазной Европе. Великие идеалы революций вырождались, «ледяное царство расчета» пришло на смену романтическим иллюзиям об освобождении человечества. Буржуазные отношения, буржуазные идеи утверждались в среде не только чисто буржуазной, но и мелкобуржуазной, среди растущего населения городов, захватывая и лавочников, и ремесленников, и служащих, и некоторую часть интеллигенции, и верхушку рабочего класса.

В цикле писем Тургеневу, которые под названием «Концы и начала» были напечатаны в «Колоколе» (59, 129—142), Герцен нашел достаточно точные формулировки не только формы, но в ряде случаев и сущности проявлений мещанского образа жизни и образа мысли в тогдашней западноевропейской действительности.

Мещанство, по Герцену,— последнее слово цивилизации, основанной на безусловности самодержавия собственности: демократизация аристократии и аристократизация демократии. Мещанство разлилось по всему буржуазному миру: «Американские штаты представляют одно среднее состояние, у которого нет ничего внизу и нет ничего вверху, а мещанские нравы остались. Немецкий крестьянин — мещанин хлебопашества». Герцен так воодушевлен ненавистью к мещанству, что подчас допускает преувеличенную оценку распространения мещанства. Работник всех стран — будущий мещанин, пишет Герцен, неправомерно распространяя черты небольшого слоя западноевропейских рабочих на всех пролетариев.

И все же характеристики мещанства как явления, данные Герценом, поражают своей точностью. «С мещанством стираются личности, но стертые люди сытее, платья дюжинные, незаказные... но число носящих их больше».

В Англии и Франции Герцен увидел это торжествующее мещанство, его стремление к конформизму, однородности, к господству безличного начала. «Все получает значение гуртовое, оптовое, рядское, почти всем доступное, но не допускающее ни эстетической отделки, ни личного вкуса. Возле, за углом, везде дожидается стотысячеголовая гидра, готовая без разбора все слушать, все смотреть, всячески одеться, всем наесться — это та самодержавная толпа сплоченной посредственности Ст. Милля, которая все покупает и потому всем владеет». Используя работу английского буржуазного философа Дж. Стюарта Милля и его выражение «сплоченная посредственность» для анализа сущности мещанства, Герцен характеризует мещанство как «постоянное понижение личностей, вкуса, тона, пустоту интересов, отсутствие энергии... вырабатываются общие стадные типы... душа убывает... Несмотря на умственное превосходство нашего времени, все идет к посредственности, лица теряются в толпе. Эта коллективная посредственность ненавидит все резкое, самобытное, выступающее; она приводит над всем общий уровень».

В «Концах и началах» Герцен выявляет еще одну типологическую особенность мещанства — «противное нам, но естественное равнодушие к жизни ближнего и судьбе лиц: дело в типе, дело в роде, дело в деле, а не в лице».

Герцен удивительно тонко, скорее интуитивно, чем на основе скрупулезного социально-экономического анализа, уловил объективные, экономические основания того полного обезличивания, того тотального отчуждения, которое несет с собой буржуазный мир, вовлекая в сферу своего влияния и мелкого собственника, и часть трудящихся. Он показал, что собственник новой формации, прежде всего буржуа, с презрительной улыбкой практичного дельца смотрит на пустых людей, толкующих об убеждениях и об особом чувстве справедливости (60, 241).

Буржуазия, по Герцену, ядро мещанства. Она своим отношением к миру и человеку наложила неизгладимый отпечаток на эпоху, которая наступила вслед за буржуазными революциями. Мещанство, подчеркивает Герцен, чуждо подлинной культуре: «...искусству не по себе в чопорном, слишком прибранном расчетливом доме мещанина» (59, 137). Французский театр, отмечал Герцен, все более выражает потребности, интересы мещанства (56, 33).

Здесь уловлены такие специфические для мещанства черты, как чинность и чопорность.

Еще в «Концах и началах» Герцен писал: «У мещанства, как у Молчалина, два таланта и те же самые: умеренность и аккуратность».

В центре этого мещанского мира — буржуа, «кормчий этого мира... купец, он поставит на всех его проявлениях свою торговую марку».

С сожалением констатирует Герцен, что и образованная, просвещенная Европа, часть европейской интеллигенции заражаются мещанским духом. Хотя лучшая часть интеллигенции чужда этой самодовольной, полубразованной посредственности, однако это «несколько не мешает всему образованному миру идти в мещанство и авангард его уже пришел». В «Концах и началах» Герцен даже был склонен считать, что «мещанство — окончательная форма западной цивилизации». Вместе с тем он различал в западноевропейском мещанстве разные слои и уровни. «С одной стороны, мещане-собственники, упорно отказывающиеся поступиться своими моно-

полями, с другой — неимущие мещане, которые хотят вырвать из их рук их достояние, но не имеют силы».

Герцен не отождествлял мещанство лишь с лавочниками и ремесленниками. Для него мещанство — не только торжествующая и самодовольная буржуазная посредственность, оценивающая все сквозь призму расчета, выгоды, узко понимаемой пользы, но и аристократия, и работники, пролетарии и даже интеллигенция. Вот почему он говорит, что весь образованный мир идет в мещанство, что «мещанство — окончательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие».

Пессимистический вывод о том, что на Западе существуют не только «мещане-собственники», но и «неимущие мещане», конечно, односторонен. Но при всей односторонности этих суждений в них содержалось глубоко разумное начало. Они не только фиксировали утверждение буржуазного образа жизни и образа мысли, но и, по объективному смыслу, содержали критику иллюзий западничества с его романтической идеализацией Европы, как светоча мысли и гуманизма, единственного носителя цивилизации. Известная гиперболизация мещанского господства в Европе была для Герцена исходным пунктом формирования его взглядов об исторической роли России и ее влиянии на судьбы мировой цивилизации.

В этих взглядах было много иллюзорного, теоретически ложного. Представление о цельной и единой России, якобы не затронутой буржуазно-мещанским гниением и распадом личности, столь же мало соответствовало реальным историческим процессам, как и вывод о повсеместном господстве мещанства в Европе. Мещанство для Герцена было синонимом застоя, конца развития, стремления «осесть, скристаллизироваться, найдя свое прочное общественное положение в *мещанском устройстве*». Но эту тенденцию русский мыслитель не считал всеобщей перспективой человечества. Существенную роль он отводил историческим особенностям национального развития отдельных народов.

«Мы можем сказать одно,— замечал он,— что некоторым народам мещанское устройство противно, а другие в нем как рыба в воде. Испанцы, поляки, отчасти итальянцы и русские имеют в себе очень мало мещанских элементов». Герцен подчас связывает черты мещанства с некоторыми сторонами образа жизни и мысли, особенностями поведения, характерными для западноевропейских народов. Прожив почти четверть века на

Западе, Герцен необычайно чутко воспринимал эти черты растущей мелкобуржуазности в условиях утверждения капитализма. Торжествующая буржуазия, близоручко полагавшая, что ее временный триумф в результате победы не только над феодализмом, но и над пролетариатом, — вечен, поддерживала среди ремесленников, торговцев, рабочей верхушки, части интеллигенции иллюзии бесконфликтного бытия, идеалы обогащения, эгоизма, самодовольства. Все это при непосредственном житейском восприятии вызывало — и не могло не вызывать — чувство протеста, особенно у таких предельно честных и духовно богатых людей, как Герцен, который искал антитезу этому мещанскому миру и находил ее на востоке Европы, в России. Он был искренно убежден, что мещанская плесень не коснется здоровых основ русской жизни. Эта иллюзорная вера приводила великого мыслителя к выводам односторонним, но вполне объяснимым, имея в виду личность Герцена, особенности восприятия им процессов окружающей жизни. В романе «Кто виноват?» он утверждал, что «нашей душе несвойственна эта среда», то есть мещанство. В «Былом и думах» он шел и дальше. Даже «„помещичья распущенность“, признаться сказать, нам по душе, в ней есть своя ширь, которую мы не находим в мещанской жизни Запада». Эти суждения, конечно же, были плодом чисто субъективных заблуждений русского мыслителя.

Особую миссию России Герцен основывал на ложном убеждении — будто бы основной массе российского населения, то есть крестьянству, присуще органическое, коренное антимещанство. Россия, по его мнению, может и должна идти особым, своим путем. Такова же логика Герцена в его суждениях об антимещанстве русской интеллигенции. Еще в 1843 году он писал, что «нам. (русским) решительно невозможна мещански-филистерская жизнь немцев» (57, 73).

Реальный ход истории показал иллюзорность этих суждений великого мыслителя. Общие закономерности исторического развития, смена феодального строя буржуазным, расслоение крестьянства, рост городской и сельской буржуазии, с одной стороны, пролетариата — с другой, были свойственны не только странам Западной Европы, но и в полной мере проявились и в пореформенной России. Здесь также складывалась реальная социальная основа для формирования мещанства, его идеологии и психологии.

Однако в идейных исканиях Герцена как бы предчувствовались позитивные идеи об особенностях исторического развития народов, о том, что европейская буржуазная цивилизация отнюдь не является всеобщей моделью развития человечества. Он выступал против рабского копирования западных образцов и путей развития общества, высказывал глубоко истинные мысли о недопустимости половинчатого освобождения русских крепостных крестьян без земли, за что ратовали сторонники либерально-дворянской тенденции в русской общественно-политической мысли. Такое освобождение привело бы к пауперизации крестьян, к закреплению в новых формах отсталых полуфеодальных отношений собственности, к увеличению власти помещиков. Эту реальную перспективу точно уловил Герцен, обратил на нее внимание, хотя и выразил свои опасения в субъективной теоретической форме: «Господство мещанства — ответ на освобождение без земли, на открепление людей от земли».

В этих суждениях, таким образом, противоречиво сочетались трезвый демократический протест против помещичьего решения аграрных проблем России и ранне-народнические иллюзии об особом положении России, которая, якобы, может избежать мещанского (то есть буржуазного) развития в своем будущем.

Однако Герцен не был бы глубоким мыслителем, если бы, не считаясь с реальными обстоятельствами, продолжал упорно придерживаться априорной установки. Мысль Герцена — в непрерывном поиске, его сомнения и заблуждения в тысячу раз ценнее повторения установившихся оценок. В «Концах и началах», восьмом письме, написанном в 1863 году, когда уже проявились первые последствия реформы, когда русские крестьяне бунтами и волнениями ответили на новую форму порабощения, Герцен высказывает суждения более реалистические, чем прежде: о том, что Россия, может быть, пройдет полосу мещанства. Этот свободный от иллюзий взгляд, который проявился в его «Письмах к старому товарищу», высоко оцененных Лениным в статье «Памяти Герцена» (25, 255—262), был отголоском движения рабочих и понимания роли Первого Интернационала, соотношения революционных сил Запада и России.

Александр Ивановичу Герцену принадлежит заслуга выявления тенденций мещанской узости и в сфере научной деятельности, которая в сороковых годах прошлого столетия находилась на периферии сравнительно с

другими областями духовной жизни и общественной практики. Опережая свое время чуть ли не на век, Герцен удивительно чутко уловил и тонко проанализировал различные варианты мещанской узости в науке — и самодовольную цеховую узость, связанную с нетерпимостью и воинствующей ограниченностью, нежеланием считаться с иными мнениями и точками зрения. И не менее ограниченное в своем самодовольстве поверхностное дилетантство, всезнайство, стремление к безапелляционному суждению по любому вопросу.

Типы этих мещан в науке Герцен рассмотрел в своей работе «Дилетантизм в науке». Дилетантствующие мещане, показал он, готовы изучать все. «Дилетант занимается всем... да еще сверх того тем, чего знать нельзя, то есть мистицизмом, магнетизмом, физиогномистикой, гидропатией и пр.» (57, 40).

Как это похоже на современные поверхностные мещанские увлечения и суждения! Меняется их содержание, вместо одних мифов возникают другие, но характерные черты мещанского сознания — полузнание, получуждость, недоверие к разуму, к науке, рабская зависимость от моды, мнения группы, к которой принадлежит или хочет принадлежать человек, — все это осталось. Это типичные черты мещанства. И многие из них были впервые прозорливо указаны великим русским мыслителем А. И. Герценом.

Другой тип мещанства в сфере научной деятельности, как отмечает Герцен, — это «цеховые ученые», узкие специалисты, характерная черта которых — противоречивое, на первый взгляд, сочетание «огромных сведений с всесовершеннейшею тупостью». Их девиз: «на что химику Гамлет?, на что физику Дон Жуан, на что ботанику общественная деятельность?, на что математику история? астроному — искусства?» Специалистов такого рода Герцен называет «вечными недорослями между людьми».

Критика Герценом этой цеховой мещанской замкнутости, самодовольной заскорузлости основывалась на глубокой диалектической постановке вполне реальной проблемы: как соотносятся общее мировоззрение и узкая специализация в науке? Как проецируется этот двуединый процесс на духовный мир человека?

Если Герцен с удивительной глубиной выявил философско-социальную и нравственную сущность мещанства, то русские писатели середины и второй половины XIX века раскрыли его конкретные формы, его опас-

ность для духовной жизни человека, способы его мимикрии, приспособления ко все усложняющимся условиям жизни.

Н. Г. Чернышевский резко противопоставил новых людей — героев романа «Что делать?» с их бескорыстием, умением мечтать, пренебрежением к внешним условиям быта — затхлому миру мещанства с его характерными чертами: боязнью за свое место и свою собственность, ограниченностью интересов, внутренней апатией и полным безразличием к судьбам общества и страданиям своего народа.

Русские революционные демократы, прежде всего Н. Г. Чернышевский и его школа, практически первыми в домарксистской общественной мысли не ограничились критикой клерикальных и дворянских концепций морали, но и, что особенно ценно, выступили против буржуазных теорий утилитаризма, против выдвинутого английским философом И. Бентамом принципа полезности, который широко использовался для оправдания не только буржуазных отношений, но и служил идейным оправданием мещанского взгляда на жизнь, мещанской оценки людей.

Ограниченность буржуазно-мещанского утилитаризма была убедительно показана русскими революционерами-демократами — непримиримыми противниками эгоизма, собственнической психологии.

Хотя Чернышевский, Добролюбов, Писарев и не порвали с антропологизмом, отвлеченно-натуралистическим взглядом на человека, не избавились до конца от рассуждений о «человеке вообще», о «естественных потребностях», тем не менее они существенно углубили научное, материалистическое понимание основ морали, придали ему демократическую направленность.

В противовес религии и идеализму они также подчеркивали роль пользы, личной выгоды, удовлетворения потребностей как побудительных мотивов в человеческой деятельности. Каждый, казалось бы, совершенно бескорыстный поступок, продиктованный чисто нравственным порывом, имеет в своей основе, по Чернышевскому, определенный личный интерес. По Писареву, вне «разумного эгоизма» не может быть освобождения личности. Казалось бы, мысль русских философов развивается в тех же направлениях, что и мысль английских позитивистов Бентама и Милля. Но это чисто внешнее сходство. Русские революционные демократы разработа-

тывали этику, обосновывали практическую мораль, в принципе чуждую мещанскому эгоизму.

Полезность у них неотделима от добра, она составляет «истинную натуру» добра. Это не эгоистическая польза, а выражение интересов большинства человечества. Польза, добро, интерес — это служение народу. В этом великое нравственное содержание принципа «разумного эгоизма», абсолютно несовместимое с мещанскими принципами «своей пользы». Русские демократы и мещанские идеологи — разные типы людей, говорят на разных языках. Одни готовы отдать силы, здоровье, самое жизнь за счастье других людей и в этом видят не принудительную жертву, а подлинный личный интерес. Другие заняты только своекорыстными расчетами, стремлением обеспечить свое собственное благополучие.

А. В. Луначарский так изложил суть «разумного эгоизма» Н. Г. Чернышевского: «...он (новый человек. — Авт.) ставит лично перед собой вопрос, как ему быть и куда идти и как... поступать впредь... Чернышевский говорит ему: ...твой класс воспитал в тебе такого рода человеческую натуру, которая превратится в угрызающую тебя совесть, если ты отступишь от ее высоких велений и снизишься до мещанства. И помни... что жертва, когда она принесена для великого дела, оправдывает себя и дает высшее счастье» (81, 238).

Именно эти антимещанские исходные принципы оказали могучее влияние на целые поколения российских революционеров, в том числе и периода пролетарской революции, определяли внутреннюю убежденность мировоззрения, готовность переносить любые трудности в борьбе за общее дело.

Особенно интересен анализ многообразных проявлений мещанской идеологии, психологии и форм поведения, осуществленный в работах замечательного мыслителя, публициста и критика Дмитрия Ивановича Писарева. Можно только поражаться проницательности русского революционного демократа, который уже в шестидесятые годы прошлого века, когда мещанство лишь складывалось как внесловное явление, связанное с мелкобуржуазностью, сумел разглядеть и выявить его характерные черты, многие стороны мещанского сознания, жизненной позиции мещанства, интенсивно складывавшегося в России по мере укрепления капиталистических отношений. В статье «Стоячая вода» он пишет о таких чертах мещанства, как «безличность, безгласность, инерция». В «Мотивах русской драмы» он говорит

о мещанах, как о «карликах», которые «страдают узкостью и мелкостью ума» (91, 389). В одной из своих последних статей «Романы Андре Лео» он одобрительно высказывается о «самом беспощадном осуждении самодовольного, трусливого, тщеславного, корыстолюбивого и легкомысленного мещанства... [которое] портит и развращает все, что подчиняется его влиянию».

Д. И. Писарев, следуя традициям школы Н. Г. Чернышевского, выступал против любых трусливых, половинчатых решений и оценок, требуя ясности и бескомпромиссности в решении принципиальных вопросов общественной жизни, в том числе и в сфере нравственной. «Мещанская [нравственность]— эпитет довольно выразительный,— утверждал Писарев,— нравственные понятия, установленные общественным кодексом, узки, мелко, робки, непоследовательны, как мещанский либерализм, эмансипирующий личность *до известных пределов*, как мещанский скептицизм, допускающий критику ума *в известных границах*» (курсив Писарева) (92, 182).

Уже в шестидесятых годах прошлого столетия Писарев фиксирует проявления мещанства не только в сфере морали, но и в сфере политики и философии. В такой четкой форме понятие мещанства, почти полностью очищенное от сословного и социально-экономического смысла, прозвучало впервые в истории русской общественной мысли. Писарев оперирует термином «мещанство» и всеми производными от него для характеристики разнообразных явлений в сфере духовной жизни и практической нравственности. Тем самым создается возможность сопоставить многие стороны этих явлений, выявить их общую мещанскую природу, их бездуховность, узость, половинчатость.

Помимо критического анализа идейных и социально-психологических основ мещанства, велико значение идей социальной активности, которые утверждались революционными демократами. Их борьба против маниловщины и обломовщины, против культа пассивности, созерцательности, бессильной мечтательности сыграла великую роль в пробуждении и активизации неисчислимых сил народа.

Проблема формирования активной жизненной позиции и в современных условиях выступает как одна из центральных задач воспитательной работы. Поэтому и сегодня традиции Чернышевского, Добролюбова, Писарева, их выступления против идеализации пассивности и созерцательности звучат актуально. Это следует под-

черкнуть, так как подчас в некоторых литературно-критических и историко-литературных сочинениях звучат отдельные голоса с призывом отойти от «традиционной», имея в виду добролюбовскую, оценки образа Обломова. Раздаются голоса и в пользу пересмотра оценки «Грозы» А. Островского, данной революционными демократами.

Конечно, историко-литературная наука не стоит на месте, она чужда какой-либо канонизации оценок. Но есть вопросы принципиальные, есть традиции нетленные, которые нельзя ни замолчать, ни отвергнуть, не потеряв нечто весьма значительное в духовной жизни народа. К подобным традициям в полной мере относятся и традиции русской революционной демократии, которые так ценил Ленин.

Эти традиции — живой огонь. Нельзя не согласиться с Жаном Жоресом, сказавшим: «Мы хотим взять из прошлого огонь, а не пепел». Мы должны сохранить этот огонь.

Вот почему ленинская оценка роли Чернышевского важна и для борьбы против современных идейных противников.

Искажение действительно великой роли идей Чернышевского в истории русской общественной мысли сегодня нередко проявляется в форме противопоставления им буржуазного либерализма, который многие современные американские исследователи пытаются выдать чуть ли не за высшее достижение русской социальной мысли и общественной жизни второй половины XIX — начала XX века (Д. Биллингтон, Н. Перейра).

Особой формой извращения идей Чернышевского выступает их мещанско-потребительская оценка, особенно отчетливо проявившаяся в книге американского историка Р. Мэтьюсона «Положительный герой в русской литературе», выдержавшей два издания — в 1958 и в 1975 годах. В ней откровенно отвергается героическое начало в русской литературе и общественной мысли, полностью отрицается образ Рахметова, как якобы противоречащий человеческой натуре. Всякое преодоление эгоизма и индивидуализма, любое стремление помочь другим людям, любая форма коллективизма объявляются неестественными. Под флагом критики «рахметовщины» на деле утверждается типично мещанский, конформистский образ жизни и мысли, оправдание эгоизма (89, 235).

Один из самых главных и ценных заветов передовой русской общественной мысли, ярко и талантливо распо-

знавшей опасность мещанской, обывательской стихии,— это отрицание мещанства с позиций глубочайшей веры в человека, в возможности его прогресса и совершенствования. И Герцен, и Писарев, и другие классики русской литературы не ограничились только собиранием бесчисленных фактов, проявлений мещанского самодовольства, тупости и стяжательства, наглой агрессивности эгоистов. Они, видя это реальное зло, иссушавшее душу человеческую, всегда искали противовес ему, верили в силу добра, человеческой совести, стремились пробудить ее в каждом человеке. И эту нравственную силу они считали могучей преградой на пути мещанской наступательной стихии.

Вера в силу духовного обновления человека, в возможность воспитания лучших человеческих качеств, антимещанская направленность русских демократов подчас не формулировались в законченных терминах и выводах. Здесь иногда сказывалась и известная расплывчатость, аморфность социальной жизни России переходного периода от крепостничества к капитализму, когда «все смешалось». Антибуржуазная, антимещанская направленность многих идей, настроений и поступков воспринималась и как антисословная вообще, и как разрыв с традициями дворянского, крепостнического уклада. Но со страниц «Современника» и «Русского слова», в статьях Чернышевского и Писарева уже отчетливо слышался протест и против городского мещанства, буржуазного по своим идеям и ценностям.

Характерно, что в 60—70-е годы XIX века в России антимещанский протест приобретал не только теоретические формы, но и воплощался в практические действия, в формы поведения, проникал в сферу общественных настроений, общественной психологии и морали.

Признаками раскрепощения становились стриженные волосы у девушек, бороды у юношей. Казалось бы, это дело вкуса. Однако, как вспоминает близкая к демократическим кругам писательница Авдотья Яковлевна Панаева, стриженные волосы «новых женщин» и отказ носить кринолины вызывали насмешку и негодование ревнителей официальной морали, воспринимались как вызов не только моде, но и существующим устоям.

Передовая молодежь шестидесятых годов прошлого века, разночинцы бросили вызов самодовольному богатству, надутой знатности, буржуазно-мещанским условиям не только своими прическами или платьем. Они бросили этот вызов своей жизнью. Отказались от обес-

печенного, но совершенно бездумного существования. Не обсуждали на своих встречах и вечеринках, какие платья, жилеты или сигары сейчас в моде. Они спорили и смеялись, обсуждая книги и события. Тысячи из них пошли по России «в народ» — просвещать крестьян, учить их грамоте, готовить к революции. Пусть наивными и неверными были эти планы, но у кого повернется язык осудить этих юношей и девушек, добровольно променявших городские апартаменты столичного Петербурга на бесконечные проселочные дорожки с их непролазной грязью, на избы под соломенными крышами, с коптящей лучиной.

Именно из этой когорты вышли герои-народовольцы — Андрей Желябов, Софья Перовская, Александр Ульянов. Их революционный аскетизм, готовность к жертвам в борьбе за интересы народа явились реальной, хотя и выраженной в особых формах антитезой мещанству. Конечно, эти формы протеста не были массовыми, но они не были и единичными. В среде русской демократической молодежи и интеллигенции прочно утвердились антимещанские настроения (88, 54—60).

П. А. Кропоткин, ученый, революционер, «князь-бунтовщик», по достоинству оценил истинный героизм сотен русских девушек своего времени. Это могли быть наследницы старинных дворянских фамилий, выросшие в усадебных гнездах где-нибудь в Тверской, Пензенской, Воронежской губерниях. Это могли быть дочери чиновников разных рангов, офицеров. Но всех их объединяло одно: свободу, независимость, честь они ценили выше денег и вещей. Не богатство составляло смысл их жизни. И если надо было отказаться от него — отказывались. Никто не отнимал у них вещей. Сами отказывались от них.

Кропоткин писал: «Девушка, которую родители заставляли быть куклой в кукольном домике и по расчету выйти замуж, предпочитала лучше оставить свои наряды и уйти из дома с целью добиться личной независимости» (74, 86).

Прогрессивная публицистика, художественная литература поддерживали в российском обществе антимещанские настроения, высвечивали различные грани мещанства, выявляя его бездуховность.

В творчестве Ф. М. Достоевского ненависть к буржуазности во всех ее вариантах, в том числе и в плетейско-мещанском, звучала с особой силой. Власть денег, стремление к собственности, животный эгоизм, без-

различие к страданиям ближнего были свойственны, как показал писатель, не только обитателям усадеб или богатых петербургских квартир, но и многим из тех, кто ютился на задворках столицы, в меблированных комнатах, дешевых квартирах недалеко от трущоб.

С точки зрения воинствующего мещанина лакея Смердякова — все дозволено, преград, нравственных препон на пути к «прелестям жизни» нет и быть не может. Писатель исследует крайние формы, экстремальные проявления мещанской собственнической бездуховной души, с ужасом заглядывает в ее бездны. Страшная пустота, бесчеловечный эгоизм, жизнь в изолированном мире — таковы ее признаки. «Пусть свет провалится — лишь бы мне чаю попить» — таково кредо «подпольного человека». Бездуховности буржуазно-мещанского мира Достоевский противопоставлял нравственное очищение. Христианско-евангельская правда — вот что, по его убеждению, могло спасти мир. Герои Достоевского и утверждают этот иллюзорный путь спасения, и сомневаются в нем.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» писатель с большой художественной силой воспроизвел ничтожный мирок благопристойного западноевропейского мещанина с его внешней респектабельностью, за которой скрываются и трусость, и жадность, и готовность к обману, и главное — стремление ничем не выделяться из своей среды. Достоевский считал, что мещанство — не чисто западное явление. Он показал и многообразные лики мещанства российского и вынес ему беспощадный приговор (88, 109).

В творчестве Л. Н. Толстого, который, как правило, не употреблял термин «мещанство» в его социально-этическом значении, а лишь в сословном, тем не менее вскрыта глубинная сущность мещанства как умонастроения, стиля жизни, строя чувств и системы норм. При этом не столь уж существенно, что великий писатель земли русской обращается к среде, формально говоря, немещанской — к жизни аристократии, служилого дворянства, офицерства. Но и в этой, далекой от мещанства в сословном смысле, среде складывались и проявлялись типичные для мещанства черты жизни, его нравов, интересов. Здесь и идеалы «умеренности и аккуратности», приверженности к формальной стороне человеческих отношений, полное пренебрежение к духовным ценностям, чертам красоты и нравственности, не имеющим непосредственной, утилитарной, ощутимой сиюминутной

пользы. И психология стадности, сплоченной посредственности по принципу «быть как все». Л. Н. Толстой осуществил беспощадный критический анализ понятия «комильфо», то есть суммы условных норм поведения и чувствования безотносительно к их нравственному смыслу, которым следуют потому, что этого требует определенный круг людей.

Многие герои Толстого, например в «Детстве», «Отрочестве» и «Юности», «Казаках», условностям дворянского и чиновничьего круга, по объективному смыслу мещанским, противопоставляют подлинность, естественность жизни. Оленин (герой «Казаков») имел, пишет Толстой, «бессознательное отвращение к битым дорожкам», ко всему фальшивому ритуалу встреч, бесед, всех форм общения. Черты стадности, шаблонности, механистичности чувств и поступков Толстой видит не только в маленьких провинциальных городках или имениях, но и в столичных гостиных.

Мещанству посвятил свой роман и известный русский писатель второй половины прошлого века А. Ф. Писемский. В романе «Мещане» (1877) он с большой силой выразил мироощущение дворянской интеллигенции, столкнувшейся с бурным натиском российской буржуазии, которая в пореформенных условиях, рекрутируясь из купцов, кулачества, разбогатевших ремесленников, начала играть все более заметную роль в общественной жизни. Для Писемского мещанство — это буржуа, мещанские черты — это прежде всего накопительство, расчет, пренебрежение к духовным ценностям. «Все сплошь и кругом превращается в мещанство», оно начинает подчинять себе и печать, и культуру, и все общественные институты; «торгаш, ремесленник, дрянь разная, шваль — и, однако, они теперь герои дня».

По мере укрепления российской буржуазии черты мещанства как бы узакониваются. Многочисленный слой ремесленников, мелких торговцев тянется наверх, к разбогатевшим откупщикам, фабрикантам, оптовым торговцам, биржевым дельцам, усваивает их нравы, стиль жизни, лексикон. Типично буржуазные черты — холодный денежный расчет, прагматизм, предприимчивость — соединяются с традиционными чертами городского мещанства: с его приспособительским инстинктом, накопительством, боязнью выделиться из среды себе подобных — выделиться не деньгами (к этому стремится все мещанство), а строем чувств, поведением, оценками жизненных явлений. Тон задают, говоря словами одного из тур-

геновских героев, «крепкие, серые, одноцветные, народные люди».

К началу 60-х годов прошлого века, необычайно быстро, мещанство сложилось в России как особый тип жизни, умонастроений, психологии, образа мысли. О мещанстве уже можно было говорить не только как об одной из сословных градаций в социальной структуре российского общества, но и в нравственно-психологическом смысле.

Русский писатель-демократ, последователь Чернышевского, Николай Герасимович Помяловский оставил талантливое исследование психологии и жизненных принципов раннего российского мещанства. В диалогии Помяловского «Молотов» и «Мещанское счастье» реалистически изображены картины жизни России в переломные ее годы. Два героя диалогии, Негодящев и Молотов, по-разному — один не задумываясь, без сомнений, другой — через мучительные колебания — приходят к единому выводу, к утверждению принципов «мещанского счастья». «Мы родились жить, а не создавать программы. Мы не чувствуем любви к той или другой службе... Прочь вопросы! Их жизнь разрешит...» — говорит один из них. Второй, пройдя через сомнения и недовольство собой, так формулирует свое жизненное кредо: «Были когда-то побуждения иные, высшие, а теперь приобретать хочется, копить, запастись и потреблять. Не поэтично, но честно и сытно. Честная чичиковщина настала, и вот сознаю, что я тоже приобретатель... Что же делать, не всем быть героями, спасителями отечества. Иначе простым людям жить нельзя на свете. Неужели запрещено устроить простое мещанское счастье?»

Термин «мещанское счастье» стал нарицательным. В одной из ранних своих работ его упоминает В. И. Ленин.

Помяловский не просто осуждал своих героев, он хотел понять их, исследовать, как честные молодые люди, учившиеся на «медные деньги», теряют идеалы, усваивают нехитрые принципы мещанской житейской мудрости и живут, плывя по течению. Писатель показал, что жизнь эта недостойна уважающего себя человека, что суррогат счастья не дает удовлетворения, которое может принести полезность другим людям, обществу (94, 25—259).

Законченный тип мещанина в его чиновном облике предстает перед читателем со страниц революционно-демократических журналов «Искра» и «Современник» в

рассуждениях Козьмы Пруткова. Созданный сатирическим пером А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых, надутый, самодовольный мещанин судил обо всем, всех поучал, изрекая банальности. Пустословие под видом глубокомыслия — эта черта обывателя была точно подчеркнута и беспощадно высмеяна. В предельно концентрированной форме выразил типовые черты мещанства как явления общественной жизни Салтыков-Щедрин: «Мелочи, мелочи, мелочи заполнили всю жизнь», «Ни принципы, ни руководящие идеалы — не ко двору».

Многие черты мещанской психологии и житейского поведения обывателя запечатлел замечательный русский писатель восьмидесятых годов прошлого века Глеб Успенский. Один из его героев так характеризует своего современника: «Вот понешнее поколение! Может ли он быть гневен или может быть он добр? Нету! Плюнь ему в рожу — у него рука не осмелится на оплеуху. Понадейся на него — не выручит, будет спать спокойно, хоть бы ты у него стонал всю ночь под окном. Не гневен и не любовен» (105, 123). Равнодушие мещанина передано здесь ярко и выразительно. Мещане Успенского — это не только городские низы, обитатели Растеряевой улицы. Это и образованные. «Образование великолепное, а хвостик заячий» — так формулирует писатель нравственный облик одного из социально-психологических типов.

Русская классическая литература очень точно выявила и другие типы мещан.

Есть среди них и внешне активные, по-своему деловые люди. Но как эгоцентричны они, полагая себя центрами маленькой вселенной. Для них мир — это они сами, их удобство, их комфорт. Все остальное оценивается лишь с точки зрения собственного спокойствия, удобства, выгоды, причем вовсе не обязательно выгоды материальной, денежной. Выгоды житейской. Таков герой «Обыкновенной истории» Гончарова — Адуев-старший, дядюшка Адуев. Это законченный мещанин делового склада. Гончаров-художник раньше, чем социологи-исследователи, выявил его характерные черты и психологический тип (63, 35—84).

Человеческие отношения для Адуева — сфера чисто функциональная. Не дружба, не душевное тяготение, не интерес к людям, а только стремление к пользе движет и определяет его отношение к другим людям. Карты и обед только с нужными — не с близкими, не с интересными и приятными, а только с нужными людьми. «Что же даром-то кормить?» — вот принцип дядюшки Адуева

и людей его типа. Даром, без непосредственной пользы и выгоды не делается ничего. Именно поэтому настоящих друзей у него нет. Он, как замечает Гончаров, «никогда не сближался ни с кем до такой степени, чтобы жалеть». Действительно, если человека надо жалеть, то от такого человека выгоды быть не может.

В мире адуевых — каждый за себя, жизнь — это, по их представлениям, озеро, полное грязи и тины, и каждый должен выбираться на берег сам, чтобы не быть обязанным никому. Вполне закономерно, что бедный человек, человек, который не может прокормить своих детей, вызывает у чиновника Адуева только презрение: «Беден — какая мерзость». Адуев неуязвим, он весь в защитной броне своих принципов, своей, обращенной лишь на себя деловитости. «Надо дело делать» — вот его девиз. Деятельный мещанин — фигура особо опасная, и многие черты этой бездушной и бездуховной деловитости были удивительно точно подмечены Гончаровым еще в середине прошлого века.

Получивший писательскую известность уже в конце XIX века, Антон Павлович Чехов воссоздал гигантскую галерею типов и форм мещанства. Здесь и тихий провинциальный чиновник, и аптекарь, и врач, и недоучившийся студент, и столичный профессор Серебряков, самовлюбленный, поверхностный, читающий лекции о красоте искусства, но не замечающий ни красоты родного разрушающегося дома, ни страданий близких людей.

Чехов не просто выявил многообразные формы мещанского «рабского» сознания, обывательской тины, засасывающей людей. Он стремился найти, раскрыть в самом человеке силы, способные противостоять мещанскому омертвлению, пробудить чувство достоинства. Своеобразным кодексом антимещанства явилось письмо Антона Павловича брату Николаю. Каким же, по мнению Чехова, должен быть человек? Какими должны быть люди, свободные от невоспитанности, рабских привычек, мещанской ограниченности?

«Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы. Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки. Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилье посторонних...»

«Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Так, например, если Петр знает, что отец и мать сидят от тоски и ночей не спят благодаря тому, что они редко видят Петра, то он спешит к ним...»

«Они чистосердечны и боятся лжи как огня. Не лгут они даже в пустяках. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают».

«Они не унижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы в ответ им вздыхали и нянчились с ними. Они не говорят: „Меня не понимают!“» (Чехов тонко замечает, что «на это даже Гете и Ньютон не жаловались!»).

«Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомство со знаменитостями. Они не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили».

Чтобы воспитаться, замечает Чехов, и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прочесть только Пиквика и вызубрить монолог Фауста. Тем самым писатель обнажил самую суть мещанства с его разрывом между словом и делом, формой и содержанием.

А вывод его таков: нужны «беспрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка... Тут дорог каждый час...» И хотя написано это без малого сто лет тому назад, в марте 1886 года, каждое слово здесь обращено и к современникам, и к потомкам (107, 83—85).

Не один Чехов, а тысячи и тысячи его предшественников и сверстников из разночинцев, дети мелких лавочников, торговцев, маленьких чиновников смогли преодолеть дурные привычки, бескультурье, грубость и стать по-настоящему интеллигентными людьми. Вобрав в себя упорство и трудолюбие отцов, русские революционные демократы, «молодые штурманы будущей бури», подхватили антимещанскую традицию Герцена, которая затем развивалась и в других прогрессивных слоях общества в России.

Антимещанская традиция классической русской литературы явилась одной из духовных ценностей, на которых формировались идеи и нравственность целых поколений российских рабочих и интеллигентов. Эти традиции получили свое многогранное развитие и обогащение в творчестве основоположника социалистического реализма М. Горького, в творчестве советских писателей. Русская классическая литература и публицистика воздвигли настоящую преграду на пути мещанства. Об этой принципиальной антимещанской направленности лучших представителей русской литературы страстно писал

В. Шукшин: «И вся жизнь их — путь в неведомое. И постоянная отчаянная борьба с могучим гадом — мещанином... Стоит только забыть их — обыватель тут как тут» (109, 63). Само существование русской классической литературы с ее поисками истины, духовностью, нравственной требовательностью, гражданским мужеством служит постоянным орудием борьбы против мещанских тенденций в области морали и культуры.

Но в истории русской общественной мысли проявлялись и другие тенденции в оценке мещанства. Идеологи консервативного и буржуазно-либерального направлений пытались использовать критику мещанской психологии и морали, для того чтобы дискредитировать демократию и социализм. В их интерпретации мещанство отождествлялось с народными массами вообще, которым приписывалась извечная посредственность, ограниченность, отсутствие каких-либо духовных ценностей, стремление к своекорыстному интересу.

Сторонники консервативной позиции совершали подмену понятий, они отождествляли мещанство, в том числе и в сословном смысле, с буржуазией, видя в нем угрозу традиционному укладу, то есть дворянско-феодальному строю. Именно с позиций воинствующего консерватизма, идеализации аристократии и клерикализма обличал мещанство Константин Леонтьев, называемый иногда «русским Ницше». Через сочинения К. Н. Леонтьева проходит отрицание «буржуазного плебеизма», стандартного «среднего человека» с его филистерскими, мещанскими идеалами «повсеместного благосостояния» и «рационального мещанского счастья». Однако под мещанские идеалы подгонялись и народные требования социальной справедливости, общественного переустройства. Эти требования решительно отвергались Леонтьевым, как, впрочем, и железные дороги — символ буржуазной цивилизации, и европейская одежда — «невыносимо повсеместная», лишенная живописности.

Леонтьев пытался обосновать гибельность ненавистного ему прогресса, требований социального равенства. Нужно сохранять, говорил он, неравенство, разделение людей на высших и низших, иначе человечество погибнет. Мещанство, таким образом, толкуется Леонтьевым необычайно расширительно, абстрактно, как синоним любого социального прогресса. Хотя при этом и были высказаны оригинальные мысли, точные наблюдения, но абстрактность позиции, воинствующий антидемократизм обесценивают их. Идеал Леонтьева — деспотизм, деспо-

тизм во всех формах: в сфере собственности, власти, словесий, цехов, монастырей. Прогресс же, по его мнению, ведет к гибели живого социального организма, к торжеству всеобщего мещанства.

Критика мещанства справа получила свое развитие в творчестве многих русских декадентов, демонстрировавших свое презрение не столько к мещанству, сколько к «простому человеку» и демократии вообще.

Русские идеалисты, будущие «веховцы», уже в самом начале XX века проблемы борьбы против мещанства пытались использовать для борьбы против революционно-демократических традиций и марксизма, за утверждение ничем не ограниченного индивидуализма. Такая позиция особенно отчетливо прозвучала в статье Н. Бердяева «Этическая проблема в свете философского идеализма». Под флагом борьбы против «нивелировки», «шаблона» Бердяев выступил с отрицанием каких-либо внеличных интересов, которые он иронически именует «общественными благополучиями».

В том же духе С. Булгаков еще в 1904 году утверждал, что «личности как социальной единицы марксизм, в сущности, не знает, он этически антииндивидуалистичен». Здесь совершенно очевидна подмена понятий, ибо отрицание индивидуализма не есть отрицание личности; это лишь отрицание абсолютизации личности, замкнутой внутри своего «я» и полностью противостоящей той или иной форме человеческой коллективности. Такое представление о личности, присущее философии индивидуализма, прежде всего абстрактно, лишено реальной почвы. Но именно с этих абстрактных, извращающих реальность позиций российские идеалисты нападали на марксизм, приписывая ему черты... мещанского сознания. Идея коллективизма, принцип социализма «от каждого по способности, каждому по труду» истолковывались ими как проявления мещанства с его стадным чувством «быть как все» и стремлением к материальным ценностям.

Уже в 1917 году, когда рабочий класс России, направляемый ленинской партией, возглавил борьбу трудящихся за свои законные социально-политические и экономические права, веховские идеологи пытались в ложном свете представить эту борьбу, трактуя ее как... «мещанское своекорыстие». С. Булгаков клеветнически писал о «классовом эгоизме рабочего класса», именуя его лучших представителей «социалистическими буржуями», «мещанскими социалистами» (51, 30).

Лучшие представители русской интеллигенции, как, например, А. Блок, смогли преодолеть гипноз этой абстрактной критики мещанства и соединить искреннюю ненависть к буржуа, к самодовольному мещанину с пониманием права трудящихся людей на социальную справедливость.

Научное понимание истинной природы мещанства и путей борьбы с ним связано с деятельностью В. И. Ленина, с новым этапом развития марксизма — ленинизмом, который воспринял все ценные материалистические и демократические традиции прогрессивной русской общественной мысли.

В. И. Ленин о многоликом мещанстве

Классовая природа мещанства в политике и идеологии

Марксизм-ленинизм утверждался и одерживал победы в борьбе не только против феодально-клерикальной, буржуазной, но и против мелкобуржуазной идеологии во всех ее многообразных разновидностях.

Ленинский этап в развитии марксистской теории характеризуется глубокой разработкой проблем борьбы против идеологии и психологии мелкого собственника. В трудах Ленина содержится всесторонний анализ мещанства как социального феномена. При этом теоретическая характеристика природы, форм, проявлений мещанства сочетается в этих трудах с непосредственной практической борьбой против него.

Ленинские традиции критического анализа и неприимой борьбы против идеологии и психологии мещанства вошли органичной составной частью в деятельность марксистско-ленинской партии по преодолению чуждых навыков и традиций, формированию подлинно нового образа жизни, новых социальных и духовных ценностей. «С точки зрения идей,— писал В. И. Ленин,— вся история марксизма в России есть борьба с мелкобуржуазными теориями...» (23, 160).

В. И. Ленин рассматривал мещанство как своеобразную концентрированную форму выражения мелкобуржуазной идеологии и политики, как одно из проявлений социальных и нравственных процессов, порождаемых капитализмом.

Реконструкция ленинского анализа мещанства позволяет рельефно представить его типические черты, многообразные формы проявления, способы приспособительных реакций, идеологического камуфляжа. Без этого не-

возможна и эффективная борьба против современных форм мещанского сознания и поведения. Прежде всего следует подчеркнуть, что В. И. Ленин пользовался термином «мещанство» во всех случаях весьма конкретно. Он различал обыденное и теоретическое использование этого термина, выявил разные сферы его применения — политико-экономическую, политическую, философскую. Ленин писал в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»: «Выражение „мещанский“ употребляю я не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова. Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, — вот два признака, составляющие понятие „мелкого буржуа“, Kleinbürger'a, или, что то же, мещанина. Сюда подходят, таким образом, и крестьянин и кустарь...» (9, 413).

В политико-экономическом смысле термин «мещанство» у Ленина достаточно широк. Решительно отвергая узкоэмпирическое употребление понятий, дефиниций, Ленин всегда требовал, чтобы за термином ощущалась социальная реальность, живая действительность. В одних случаях он говорил о мещанстве в узком смысле — «городское мещанство», включая сюда городских его представителей, мелких производителей. Так, в статье «Большевики и мелкая буржуазия» Ленин писал: «Масса народа, то есть широкие слои городского мещанства и затем крестьянства, чужды этой партии...» (кадетов) (21, 63). В других контекстах Ленин употреблял термин «мещанство» как синоним всей мелкой буржуазии, включая сюда и городской и сельский ее отряд, то есть крестьянство.

Главной социальной базой, опорой мещанства исторически и логически выступает таким образом класс мелкой буржуазии. «...Классов в капиталистическом и полукапиталистическом обществе, — отмечал В. И. Ленин, — мы знаем только три: буржуазию, мелкую буржуазию (крестьянство, как ее главный представитель) и пролетариат» (32, 297).

Идеологи мелкой буржуазии — прудонисты на Западе, народники в России — нередко затушевывали эту классовую структуру, «очищая» капитализм от мелкой буржуазии, отказываясь считать крестьянство классом мелкой буржуазии. Сам термин «мелкая буржуазия» воспринимался идеологами этого класса скорее эмоционально, чем рационально, оценивался с точки зрения нравственной, а не социологической. Как можно, рас-

суждали они, считать труженника-крестьянина, не разгибающего спины на своем поле, представителем мелкой буржуазии? Ремесленника, проливающего пот в своей мастерской? Тем более интеллигента, вышедшего из этой среды, учившегося на «медные деньги»? Буржуа для этих идеологов — только богач, эксплуататор, живущий за счет чужого труда.

Но констатация принадлежности крестьянства, ремесленников, части интеллигенции к мелкой буржуазии ни в коей мере не бросает тень на их трудовую жизнь. Это не негативное определение, оно не оскорбляет достоинства труженника. Это всего лишь точное определение принадлежности определенной группы людей к определенному классу.

Идеологи мелкой буржуазии, отмечал Ленин, «не хотят трезво оценить ни с экономической, ни с политической... точки зрения» реальное положение этого класса (33, 41). Конечно, сделать это нелегко, размежевание социальных групп нечетко, особенно в обществе, где капитализм выявлен далеко не в классически ясном виде, а переплетается с элементами докапиталистических формаций и укладов. Ведь и буржуазия, и пролетариат, и мелкая буржуазия имеют один общий корень в сословном делении общества. Они одна ветвь некогда единого, хотя и разнородного, третьего сословия. Как это ни звучит парадоксально, мелкая буржуазия рождается не вместе с капитализмом, а предшествует ему, во многом составляя массовую социально-экономическую базу для его формирования. Мелкий буржуа до поры до времени выступает как свободный мелкий производитель. Его часто называли и называют мещанином, имея в виду чисто сословное, социально-экономическое употребление термина, которому не придается еще оттенка нравственной характеристики.

Эта мещанская, в смысле мелкобуржуазная, масса была с самого начала неоднородна. Она непрерывно распадалась, выделяя на одном полюсе буржуазию, на другом пролетариат. Кроме того, сам состав мещанской массы весьма сложен, если рассматривать эту массу как целостное социальное образование. Здесь и полукрепостные крестьяне, и свободные мелкие земледельцы, и обитатели городов, посадов, и кустари, и ремесленники, объединенные в цехи, и мелкие торговцы, торговые посредники. Социальный состав мелкой буржуазии далеко не стабилен, в нем отражаются и фиксируются различные этапы развития в связи с меняющимися условиями.

В условиях феодализма и раннего капитализма мелкая буржуазия — социальное ядро мещанства — это лишь крестьянин, торговец, ремесленник, в условиях же развитого капитализма границы группы существенно расширяются и, в известной мере, размываются. Территориально мещанство все больше концентрируется именно в городах, особенно небольших. В них, а не в деревне особенно четко выявляются специфические черты мещанства.

«Мелкие города,— говорил В. И. Ленин,— главный оплот мещанства, преимущественно торгово-промышленного» (26, 341). В более детальной характеристике «к зажиточным мелким хозяевам необходимо отнести, если не хочешь разменять цельной экономической картины на мелочи, значительную часть торг[ово]-промышленной администрации, служащих, буржуазной интеллигенции, чиновничества и так далее» (13, 506).

Специфическая сложность и характернейшая особенность мелкой буржуазии как класса, мещанства как широкой социальной группы — в двойственности, глубокой внутренней противоречивости этого феномена. Здесь налицо подлинное единство противоположностей, где единство относительно, а противоречивость абсолютна. Перед нами и труженик, и собственник одновременно. Он обладает собственностью на средства производства (земельный участок, мастерская, орудия труда, лавка), которые используются самим собственником, участвующим в трудовом процессе. И если иногда мелкий собственник использует наемную рабочую силу (сезонный сельскохозяйственный рабочий, подмастерье) и тем самым выступает как эксплуататор, то это состояние не главное, не определяющее, ибо трудится он прежде всего сам, как правило, вместе с семьей. Аморфность — пожалуй, главная черта социальной природы и функций мелкобуржуазной массы. Здесь уместно употребить также термин *амбивалентность*, то есть двойственность, когда один и тот же объект выполняет противоположные функции, несет противоречивые свойства и вызывает противоположные чувства.

Вот эта социальная неоднозначность, как специфическая черта мелкой буржуазии, мещанской массы применительно к ее сельскому отряду, была точно определена К. Марксом. «Поскольку миллионы семей,— писал он,— живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и обра-

зованию других классов,— они образуют класс. Поскольку между parcelными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации,— они не образуют класса» (1, 208).

Социально-экономическая аморфность и амбивалентность мещанской массы служат объективной основой общественного сознания мещанства. Неустойчивость, готовность к отказу от вчерашних увлечений и пристрастий, вечное стремление быть как все, не отставать от людей и одновременно косность, консерватизм, слепая приверженность определенным идеям и оценкам, даже если они расходятся с фактами изменяющейся жизни,— таковы характерные черты, порожденные неустойчивостью этой социальной группы.

В составе мелкой буржуазии и, соответственно, в ее сознании происходят неизбежные перемены, отражающие глубокую перестройку самой социально-экономической жизни общества. Уменьшается доля сельского труда мелкой буржуазии, резко возрастает ее городской отряд, причем главным образом за счет роста числа служащих, интеллигенции. Все это ведет к изменению облика мелкой буржуазии, к появлению нового типа мещанства, практически почти не существовавшего в условиях классического капитализма. Этот качественно новый тип стал утверждаться как явление массового характера лишь в начале нашего столетия. Впервые эта особенность была отмечена В. И. Лениным, который писал: «А наряду с этим „утеснением” мелкой буржуазии в земледелии и промышленности идет зарождение и развитие „нового среднего сословия”... нового слоя мелкой буржуазии, интеллигенции, которой тоже все труднее становится жить в капиталистическом обществе...» (15, 213—214).

Говоря о мещанстве в социально-экономическом смысле, Ленин включил в него и мелкобуржуазную интеллигенцию, независимо от того, считает ли она продукты своей деятельности выражением интересов мелкой буржуазии или нет. Субъективно интеллигенция в классовом антагонистическом обществе склонна рассматривать свою роль в духе иллюзорной надклассовости, мнимой беспартийности, стремится изолироваться от классовых противоположностей и конфликтов. Реальное же место такой интеллигенции в социальной структуре об-

щества иначе как мещанским не назовешь — и по способу рассуждения, и по типу мышления.

Великий методологический принцип марксизма — рассматривать мелкобуржуазное сознание во всех его формах как отражение определенных социально-экономических интересов — наиболее полно и всесторонне реализован Лениным. Интеллигент «в массе своей смотрит на... общество с точки зрения мелкого производителя», — писал Ленин (15, 214). Теоретически он выражает реальную позицию этого производителя в экономике и политике. Подобная связь была отмечена еще К. Марксом. «Мелкий буржуа... — говорил он, — составлен из „с одной стороны“ и „с другой стороны“. Таков он в своих экономических интересах, а *потому*... в своих религиозных, научных и художественных воззрениях» (2, 31).

«Новое среднее сословие», то есть мелкобуржуазная интеллигенция, в новых формах воспроизводит все типовые черты мещанской двойственности, аморфности. С одной стороны, она примыкает к буржуазии по своим «связям и воззрениям», с другой стороны — к угнетенным трудящимся, поскольку постепенно теряет свое самостоятельное положение, превращаясь в слой наемных работников. Но, приближаясь к этому слою, мелкобуржуазная интеллигенция пытается сохранить свое лицо, стремится быть выше народа, иногда склонна учить его. В то же время она видит ограниченность и часто необразованность буржуазии, хотя инстинктивно тяготеет к ней.

В результате складывается особый род мещанской идеологии, характеризующейся не столько вещным, материальным потребительством, сколько потребительством духовным, часто псевдоинтеллектуальным. Теории, концепции, элементы последней ученой или эстетической моды, купленные на «рынке идей», используются для субъективного оправдания своей позиции прислужничества буржуазии.

Об этой социальной позиции мещанина двадцатого столетия недвусмысленно сказал известный американский социолог Райт Миллс, автор книги «Белый воротничок». Американские «средние слои «если... к чему-нибудь и стремятся, то это к среднему курсу, но средний курс недостижим, ибо это иллюзорный курс в воображаемом обществе. Внутренне они разобщены, фрагментарны; во внешнем мире зависят от более мощных сил». Социальная фрагментарность порождает и фрагментарность мещанского сознания.

Новое мещанство из числа средних слоев является своеобразной разновидностью мелкой буржуазии. Ее отличает утрата даже той небольшой по масштабу, узкоограниченной самостоятельности, которой обладал «классический» мелкий буржуа. Говоря словами Ленина, «новое среднее сословие» — это наемные работники, и двойственность их позиции и сознания выглядит уже по-иному, хотя главные черты мелкобуржуазности, мещанства сохраняются. И двойственность положения, и колебание между протестом и приспособлением, и стремление к обособлению, и конформистское тяготение к избранности, оригинальности, не органичной, а искусственной — при помощи суммы определенных стандартов. Мещанство, рождающееся в процессе усиления его городского и даже интеллигентского крыла — явление особого рода. При анализе его недопустимы какие-либо упрощения или шаблонные решения.

Для понимания этой проблемы методологически очень ценны выводы Маркса, которые содержатся в книге «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». «...Не следует думать, — прозорливо отмечал Маркс, — что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию или индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли» (1, 148). Представителями мелкой буржуазии, показывал К. Маркс, делает их то обстоятельство, что «их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа». Поэтому теоретически эти интеллигенты, идеологи мелкой буржуазии, мещанства, «приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и общественное положение».

Важно подчеркнуть, что в трудах Ленина выявлена реальная сущность мещанского сознания и мещанской политики во всех ее многообразных и сложных формах, особенно социальная неустойчивость, расплывчатость как в теоретических установках, так и в реальном поведении масс и, главное, политических партий и лидеров мелкой буржуазии.

В работах Ленина специально отмечена характерная для мещанского сознания аморфность на всех его уровнях (от обыденного и до теоретического), во всех его формах (политические, нравственные, эстетические идеи), отсутствие целостного мировоззрения. В целом, пишет Ленин, «мелкобуржуазная стихия не даром назы-

вается стихией, ибо это действительно нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное» (39, 241), «мещанина противоположных принципов и точек зрения... стремление подниматься на словах в превыс-превышение области и затушевывать фразами конфликты исторических групп населения...» (14, 209).

Эти характеристики фрагментарности, распыленности мещанского сознания методологически чрезвычайно ценны. Они дают возможность анализа и оценки проявлений мещанского сознания не только начала двадцатого века, но и его последующих форм, вплоть до современных. Именно в рамках мелкобуржуазного мещанского сознания с его дробностью, отсутствием единого идейного стержня получают широкое распространение внешне несовместимые точки зрения — от крайних форм эгоистического потребительства до столь же крайних проявлений аскетизма и апологии нищенства с отказом от всех материальных завоеваний цивилизации, от узколобого национализма до безудержного космополитизма.

В основе всех экстремальных, крайних позиций, колебаний идеологического маятника лежит не свобода мнений, не духовный плюрализм, как об этом любят говорить буржуазные идеологи, а отсутствие целостного мировоззрения, что отражает в конечном счете характер общественного положения мелкой буржуазии. Обостренная конкуренция индивидов, первоначально на почве экономической (в условиях хозяйственной распыленности), а затем и борьба за общественное и служебное положение, карьеру, источник доходов (по мере развития капитализма) приводят к тому, что мещанские слои бросаются из крайности в крайность, прибегают к самым различным, подчас внешне взаимоисключающим формам идейного камуфляжа.

При этом далеко не всегда речь идет о сознательном лицемерии, ибо идеологи мелкой буржуазии могут быть субъективно искренними в следовании тем или другим теориям. Прудон, например, искренне критиковал современных ему капиталистов и банкиров, предлагал разнообразные реформы социально-экономической жизни в интересах народа, но от этого не менялся мелкобуржуазный характер его идей, оставлявших в неприкосновенности главную опору капитализма — частную собственность.

Русские либеральные народники были убеждены в своей антибуржуазности и отвергали научный марксистский вывод о том, что в их теориях крестьянского социа-

лизма нет подлинного социализма, что они защищают лишь прогрессивный путь капиталистического развития. Анархизирующие ультрарадикалы из числа бунтующих студентов 60-х годов нашего века в США, ФРГ, Франции считали себя истинными революционерами, упрекая коммунистов... в консерватизме и нерешительности. Время все расставило по своим местам. Вчерашние крикливые низвергатели капитализма практически полностью вписались, интегрировались в капиталистическую систему, стали прилежными чиновниками буржуазного административного аппарата. И в этом проявились не особенности личных судеб и биографий, а социальная закономерность — крах мелкобуржуазных коллизий, свидетельствующих об иллюзорности мелкобуржуазного, мещанского сознания.

Чередование подъема и упадка, ультрареволюционности и ультраконсерватизма, вселенской открытости и узколобого национализма, приливы и отливы моды на вещи и идеи — прямое свидетельство дробности, фрагментарности, неустойчивости мещанского сознания.

Диалектика социальной позиции и идеологии мелкой буржуазии, раскрытая Марксом и Лениным, служит верным методологическим ориентиром для характеристики любых, подчас трудно различимых и почти непредсказуемых, поворотов в мещанском сознании. Ленинский классовый анализ позволяет, не утрачивая понимания своеобразия, свести индивидуальное к социальному, единичное к типичному и общезначимому. Без учёта этой объективной диалектики единства противоположностей научный анализ будет подменяться констатацией «странных» поворотов и «необъяснимых» переходов от космополитизма к национализму, от консерватизма к крайнему новаторству, от крикливого безбожия к столь же демонстративной религиозности. Подобные отклонения и произвольные изгибы в мещанском сознании выражают внутреннюю его природу, социально-духовную сущность. «Мелкая буржуазия, — подчеркивал В. И. Ленин, — двулична по самой своей природе, и, тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам, пытается задержать историю...» (12, 454).

Вполне естественно, что эта двойственность может по-разному, с разной степенью интенсивности проявляться в зависимости от этапов исторической жизни, национальных и региональных особенностей. Совершенно прав советский исследователь А. И. Левковский, показывая,

что «при разложении класса мелкой буржуазии возникают различные переходные слои (люмпен-крестьянство, люмпен-пролетариат, люмпен-интеллигенция и многие другие люмпен-категории), становящиеся разносчиками некоторых элементов мелкобуржуазности, нередко доведенных до крайности, как свехреволюционности, так и контрреволюционности. Мелкобуржуазность — пустоцвет, постоянно появляющийся и вянувший на живом дереве современной истории, хотя внешне он почти ничем не отличается от цветка с завязью» (79, 27).

Именно поэтому можно говорить о живучести мелкобуржуазного мещанского сознания. В условиях социализма, причем не только в период его строительства, но и в условиях зрелого социализма, приходится сталкиваться с проявлениями мещанской психологии и нравов.

* * *

Традиционным неотъемлемым качеством мещанства являлась и является аполитичность, подчеркнутое безразличие к тому, что выходит за рамки узко понятых личных интересов, комфорта, соображений карьеры. Приспосабливаясь к разным социальным условиям, используя различный идеологический камуфляж, мещанство, на первый взгляд, предстает массой совершенно аморфной, лишенной определенной идеологии. Но безыдейность мещанства — это лишь внешняя форма мелкобуржуазной идеологии. Зная о постоянной двойственности мелкой буржуазии, следует иметь в виду, что мещанство может выступать и как носитель буржуазной идеологии, часто упрощенной, опошленной, приспособленной к интересам и нуждам мелкого собственника, и выдвигать в тех же интересах революционные лозунги, понятия, использовать даже марксистские термины.

Проявления общественного эгоизма, пассивности мещанства нельзя абсолютизировать, рассматривать как неизменное и вечное качество. При всей устойчивости и традиционности пассивность мещанина в разные периоды может принимать разнообразные формы. В определенных условиях она может сменяться кратковременным бурным активизмом, в основе которого лежит в конечном счете то же неизменное стремление к личному покою, личному устройству, если им угрожают те или иные социальные перемены. Такова, к примеру, антинародная, подчас контрреволюционная активность мещанства, напуганного растущей активностью рабочего класса, его революционных организаций и вождей. Их бескорыстие,

стремление освободить не только себя, но и все классы общества, испытывающие гнет монархии или крупного капитала, в особенности их призывы к определенным жертвам ради общего дела, не раз встречали бурное сопротивление мещанства, вызывали в нем ненависть, готовность сотрудничать с крайней реакцией для подавления «ярости толпы».

Об этом свидетельствует история всех революций двух последних столетий. И опыт Парижской коммуны, где вместе с версальцами мелкая буржуазия, лавочники требовали репрессий по отношению к коммунарам и сами участвовали в этих репрессиях. И опыт истории русских революций 1905—1907-го и 1917 годов, в ходе которых российские мещане не раз оказывались в лагере черносотенцев, белогвардейцев. При этом такие мещане руководствовались не разумом, а инстинктом, не раскуском, а предрассудком, не рациональным началом, а эмоциями.

Однако идея мещанской аполитичности и беспартийности отнюдь не автоматически вырастает из мелкобуржуазного бытия. Ее, эту идею, если говорить об условиях современной идеологической борьбы, настойчиво пропагандируют буржуазные идеологи. Разветвленный пропагандистский аппарат капиталистических стран пытается наряду с формированием активного антикоммунистического авангарда утверждать состояние пассивности большей части населения, как внутри этих стран, так и во всем мире. В качестве альтернатив социальной активности предлагаются идеи частной жизни, потребительские стандарты.

Характерной чертой мещанского сознания, в которой наглядно видны его пассивность и аполитичность, является подчеркнутая беспартийность, то есть стремление занять положение «над схваткой», между борющимися классами, социальными силами, в лучшем случае прикнуть к победившей стороне. Объективная основа беспартийности — положение мелкой буржуазии в обществе, ее место в социальной структуре, промежуточное состояние между буржуазией и рабочим классом. Органическая двойственность мелкой буржуазии порождает стремление к промежуточной позиции в сфере политики и идеологии. Идеологи мелкой буржуазии формулируют эту позицию в терминах науки как отстранение от политики и идеологии, как тяготение к «извечным основам и истокам», иначе говоря, как сознательно выбранную беспартийность.

В. И. Ленин писал: «Равнодушие к борьбе отнюдь не является... на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует. <...> Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров» (19, 137—138).

Из нейтралитета и равнодушия вырастает эгоистическое понимание свободы. Мелкобуржуазное, мещанское понимание свободы личности весьма ограничено и иллюзорно, хотя и проявляется в разных формах. Здесь и идея частной жизни, будто бы абсолютно изолированной от общественной оценки и контроля. И мещанская вседозволенность, убеждение в том, что индивид полностью автономен в своих поступках, лишен какой-либо социальной ответственности (кроме правовой). И ложное убеждение, будто чувства, мысли, действия человека независимы от прошлого и настоящего, а подчинены лишь воле, желанию, выбору отдельной личности.

Однако ни в одном обществе не может быть личности, изолированной от жизни этого общества. Если отношения в обществе основаны на классовом, национальном, расовом неравенстве, то и отдельная личность не может быть свободной. Ее мысли и в особенности поступки целиком определяются системой существующих отношений. Ее свобода сугубо относительна, ограничена малыми пределами, где непосредственно не затрагиваются основы общества — собственность, государство и право, господствующая идеология. Эту детерминированность свободы четко сформулировал В. И. Ленин: «Свобода для кого? от кого? от чего? в чем?» (38, 264). Аполитичность и беспартийность мещанства порождают его постоянные колебания, «нытье и хныканье», желание приспособиться к любым условиям, обойдя сложные проблемы, пассивно плыть по течению, не обострять противоречий, более того — вообще не ставить остро и четко вопросы, в особенности мировоззренческого, политического и нравственного характера.

Характеризуя итоги выборов в третью Государственную думу, Ленин сделал вывод, что мелкие города — оплот мещанства, преимущественно торгово-промышленного, что мещанство всего более колеблется, не давая устойчивого большинства ни консерваторам, ни социалистам, ни мелкой буржуазии.

Из других отличительных особенностей мещанства

ему присущи пассивность в социальном смысле, трусливо прикрываемая ссылкой на обстоятельства, «причины, которые сильнее нас», и даже на объективные условия и законы. Эти ссылки могут носить самый наукообразный характер, но во всех случаях за ними скрываются отказ от социальной активности, борьбы, нежелание потревожить сложившиеся нормы жизни, спокойное существование.

Мещанство в политике совершенно не учитывает и не желает учитывать фактора человеческой активности, инициативы, преодолевающих кажущуюся невозможность. В рамках объективной закономерности социальная активность масс, руководимых подлинно революционной партией коммунистов, способна преодолевать, казалось бы, непреодолимые преграды. Мещанство же отступает перед объективными трудностями и приспосабливается к обстоятельствам. Так, в период первой русской революции и сразу после нее мелкобуржуазные элементы в российской социал-демократии, меньшевики и бундовцы, оправдывали свою пассивность ссылками на то, что «они не в силах вызвать восстание».

Ленин подчеркивал, что черты мещанского приспособления к обстоятельствам особенно рельефно проявляются в годы реакции, когда революционный подъем идет на спад. «...В период разгула контрреволюционных репрессий... мещанство трусливо приспособляется к новым владыкам жизни, пристраивается к новым калифам на час, отрекается от старого...» (22, 38).

В особенности эти настроения затронули неустойчивую, непролетарскую часть революционеров, в том числе и многих социал-демократов, вставших на путь ликвидаторства, прямого отказа от традиций революционной борьбы. Эти люди при первых же сложных поворотах истории начали отрекаться от революции, объявляя открытую борьбу масс «авантюрой».

Такую позицию Ленин назвал типично мещанской. «...В революционные марксисты,— пишет он,— записались... бесхарактерные и трусливые, неуверенные в себе и падающие духом при всяком повороте событий к реакции российские мещане, называемые, с позволения сказать, „интеллигенцией“» (20, 163).

Позиция отказа от принципов революционного марксизма и их претворения в социальной практике часто маскировалась в формы «защиты» марксизма от его извращений, от «анархизма». Это был типично мещанский разрыв слова и дела, попытка приспособить тео-

рию к своему бесхарактерному поведению. И Ленин резко выступал против подобных форм политического мещанства, к которым прибегали, в частности, публицисты кадетов — главной партии либерально-монархической буржуазии в России. «...Г. Бланк и ему подобные объявляют,— писал Ленин,— что в период „вихря“ были забыты все марксистские принципы и идеи. Г. Бланк, как и все мещане, признает марксизм *за вычетом* его революционной стороны...» (16, 325).

Такая позиция не случайно была названа «пошлым мещанским извращением марксизма».

Мещанская идейная неустойчивость как следствие социальной природы мелкобуржуазных слоев общества служила базой для возникновения и распространения разнообразных оппортунистических течений в рабочем движении. Рабочий класс не отгорожен от мелкой буржуазии. Более того, частично он формируется за счет разорившихся мелких буржуа. Кроме того, рабочий класс испытывал, например в России, непрерывное духовное воздействие мелкобуржуазного большинства. «...Россия,— писал В. И. Ленин в 1914 году,— наиболее мелкобуржуазная, наиболее мещанская из капиталистических стран» (30, 101). В том же году в заключении к сборнику «Марксизм и ликвидаторство» он вновь отмечает, что «Россия — *самая* мещанская из всех капиталистических стран. И поэтому, как только марксизм стал *массовым* общественным течением в России, в нем появился интеллигентский мелкобуржуазный оппортунизм...» (29, 122). Его разновидностями были и экономизм, и легальный марксизм, и меньшевизм, и ликвидаторство. Беспринципность и шаткость двух последних течений Ленин считал прямым выражением оппортунистической, мелкобуржуазной линии в рабочем движении.

Ленинские характеристики особенностей мещанского сознания применимы не только к тому периоду, когда они были написаны, они помогают и сегодня обнаруживать проявления мещанства в политике и идеологии, в сфере культуры и быта, позволяют раскрыть истинную сущность не только российского, но и международного оппортунизма.

Ленин оценивал ведущих деятелей Второго Интернационала, в том числе Каутского и Бернштейна, отвергнувших большевизм, осудивших Великую Октябрьскую социалистическую революцию, как политических мещан. По выражению Ленина, «эти тупоумные, но добренькие и сладенькие немецкие мещане» отрицали право

народа на решительную ломку устаревших социальных и политических структур. «...Мещане боятся пожара в Европе, боятся гражданской войны... Они руководились тем, чтобы во *всех* странах держался *мещанский* национализм...» (36, 108). Каутский, подчеркивал Ленин, прикрывается, «для обмана масс, понятием „демократия“, забывая о том, что „демократия“ выражает на деле иногда *диктатуру буржуазии*, иногда бессильный реформизм мещанства, подчиняющегося этой диктатуре, и т. д.» (37, 313).

Итак, национализм — еще одна характерная черта мещанского сознания. Националистическая узость вообще характерна для мелкой буржуазии с ее замкнутостью, ограниченностью социальных связей, жестокой конкуренцией с торговцами и ремесленниками, принадлежащими к другой нации или религиозной вере. Борьба за «место под солнцем», место на рынке — один из первых и главных факторов, дающих импульс национализму. Национализм многолик, иногда он выступает как консервативная приверженность национальным традициям — без разбора реакционным или прогрессивным. Иногда проявляется и в противопоставлении узко понятых интересов «своей» нации — другим нациям и народам, в органическом неприятии интернационализма. Националистические идеи, рожденные буржуазией и ее идеологами, легко усваиваются мелкой буржуазией и искусственно поддерживаются среди широких масс народа.

«Что такое широкие народные массы? — ставил вопрос Ленин. И отвечал: — Это — неразвитые пролетарии и мелкие буржуа, полные предрассудков мещанских, националистических, реакционных, клерикальных и проч. и проч.» (28, 199). Характерно, что в этом контексте мещанские предрассудки рассматриваются как однопорядковые с националистическими.

Типичным примером националистической узости явилась идея «культурно-национальной автономии», которую, вслед за австрийскими оппортунистами, проповедовали националистические течения в российской социал-демократии, в особенности бундовцы. Сторонники этой концепции замыкали всю духовную и политическую жизнь народов национальными рамками и границами, не признавали никаких взаимовлияний культур, никакой классовой, политической общности рабочих различных наций и народностей. Тем самым оправдывали

вались узколюбное местничество, национализм, отрицалась интернационализация общественной жизни.

Концепция «культурно-национальной автономии» была типичным мещанством в идеологии. Такой линии придерживались мещанские, оппортунистические элементы околomarксистских групп. «...Беря австрийский пример,— отмечал Ленин,— российские националистические мещане, т. е. бундовцы, ликвидаторы, левонародники и т. п., еще со своей стороны *особо* ухудшают его» (27, 177).

Борьбу против мещанства Ленин рассматривал не как эпизод, а как необходимый и длительный процесс преодоления идей и настроений, порожденных мелкой буржуазией. Он должен продолжаться и после победы социалистической революции. Ленин предупреждал, что «рабочий, став передовым вождем... не стал святым. Он вел вперед народ, но он и заражался болезнями мелкобуржуазного развала. <...> ...Бывали случаи победы мелкособственнической стихии прошлого над пролетарско-коммунистической сознательностью будущего» (34, 364).

В условиях начавшегося социалистического строительства опасность мещанской стихии была значительной, и она не могла быть преодолена даже после укрепления основ социализма, упрочения государственной власти пролетариата.

Мелкая буржуазия сочувствовала рабочему классу в его борьбе против помещиков и крупной буржуазии. В конечном счете поддержка мелкобуржуазной массы сыграла значительную роль в победоносном исходе гражданской войны. Мелкая буржуазия, прежде всего крестьянство, в своей массе противилась реставрации помещичье-монархического строя. Это понимали и вожди мелкой буржуазии, в том числе враждебно настроенные к Советской власти. Эсер Борис Савинков прямо писал: «Пока вооруженная борьба с большевиками не будет опираться на крестьянские массы... большевизм не может быть побежден в России». Главный просчет Деникина и Юденича Савинков видел в том, что они «идею (большевизма.— *Авт.*) не противопоставили идею, не вычитанную из книг и не возвращенную на традициях Ка-рамзина, а живую, жизненную, понятную каждому безграмотному солдату» (62, 479). Такой идеи, близкой крестьянской массе, у руководителей белого движения, естественно, не было. Надежды эсеров на антисоветское восстание полностью провалились.

Мелкобуржуазная стихия, в особенности после замены продовольственной разверстки продовольственным налогом, введения нэпа, стала существовать и развиваться под контролем пролетарского государства. В. И. Ленин считал, что в этих условиях особенно опасны навыки, традиции, психология, быт мещанства, мелкой буржуазии.

«...Наш главный враг,— писал Ленин,— это мелкая буржуазия, ее навыки, ее привычки...» (35, 255). Среди этих навыков были разгильдяйство, лень, реформизм, прикрытый добренькими и демократическими фразами и «революционаризм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле».

Мелкая буржуазия, мещанство, сопутствуя пролетариату в его борьбе против крупной буржуазии, противилась всему тому, что несет крупное производство,— учету, обобществлению, контролю, дисциплине. Формы этого сопротивления были многообразны. Пролетарской власти пришлось столкнуться, например, с бюрократизмом. Советские учреждения нуждались в служащих, которые в условиях неграмотности и малограмотности большинства населения нередко пополнялись за счет мещанской городской массы. Бюрократизм, приспособленчество, псевдореволюционная демагогия, пренебрежение мелкого чиновника к трудящемуся человеку, занятию физическим трудом,— во всем этом отчетливо проявилось сопротивление мещанской стихии. Сила этого сопротивления усиливалась из-за раздробленности, распыленности мелких производителей, из-за низкого уровня их культуры и бездорожья в стране.

Способность мещанства к камуфляжу, к социальной мимикрии проявилась здесь в полной мере. Поверхностно заучив революционные лозунги, пролетарскую фразеологию, мещанство не вникало в суть дела, стремилось приспособиться к правящей партии коммунистов, а иногда и вступить в ее ряды. Такие мещане были способны до абсурда любые верные идеи и призывы. Именно из мещанской среды выходили «неистовые ревнители», уничтожавшие церкви, сжигавшие предметы религиозного культа, подменявшие научную, убедительную критику религии крикливыми нападками на верующих, что, конечно, закрепляло позиции религии.

Именно в мещанской среде оплошались глубокие идеи борьбы за новую культуру, раздавались призывы к уничтожению «устаревшей классики». В этой же среде

дискредитировались идеи борьбы за новый быт, раскрепощение женщины. Они подменялись проповедью так называемой свободной любви, распушенности, уродливых форм коллективного быта.

В беседе с Кларой Цеткин Ленин решительно осудил все эти псевдореволюционные крайности, порожденные не пролетарским движением, а приспособленцами, мещанами, облачившимися в одежды революционеров. Ленинский анализ природы и корней мещанства позволяет оценить и современную социальную базу мелкобуржуазного сознания в условиях капитализма, и рецидивы мелкобуржуазной мещанской психологии, чем бы они ни маскировались, в условиях зрелого социализма.

Сферой своеобразного преломления мещанского сознания явилась и философия. Здесь многоликость мещанства находит свое выражение и в предрассудках против материализма, и в попытках низвести сложные теоретические проблемы до уровня обыденного сознания, и в сентиментальных иллюзиях вследствие самообмана и самоуспокоения, боязни бескомпромиссного анализа противоречий. Мещанство в сфере философии может проявляться и как абсолютизация субъективного, личного, используемая для оправдания эгоизма, узко понятых интересов личности, обособленной, оторванной от каких-либо общественных потребностей и тем более обязанностей.

Классическую характеристику мещанского обывательского понимания философии дал Ф. Энгельс: «Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения и тщеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне. Идеализм же означает у него веру в добродетель, любовь ко всему человечеству и вообще веру в „лучший мир“...» (7, 290).

Материализм и идеализм в мещанском истолковании выступают здесь не как научные понятия для обозначения двух различных типов философского мышления, двух различных подходов к объяснению соотношения идеального и материального, двух противоположных партий в философии, а выражают лишь совокупность обывательских представлений, шаблонных прямолинейных суждений. При таком подходе априорно и неизменно материализм — это собирательное выражение всего отрицательного, идеализм — всего положительного. Недиа- лектичность, самоуверенная безапелляционность (харак-

терные черты мещанского мышления!) проявляются здесь со всей очевидностью.

Мещанство в сфере философии, таким образом, выступает как частная форма проявления общих черт мещанского сознания — его аморфности, боязни социальной и теоретической определенности, неискоренимого стремления к примиренчеству, уступкам идеализму и религии. В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин тоже говорит о мещанских предубеждениях против материализма. Характеристика эта очень показательна: речь идет не о теоретическом противоборстве с материализмом, не о попытках найти обоснование идеализму (как это было у Беркли, которого Ленин называет классиком философии, или у Гегеля). Это именно предубеждения, предрассудки, перенесенные из сферы мещанского обыденного, точнее обывательского, сознания в сферу философии.

В. И. Ленин показал, что идеологи мещанства выражают свою мировоззренческую позицию в виде философских концепций типа эмпириокритицизма, неокантианства. «Чтобы из того материализма, которому учили Маркс и Энгельс, можно было вывести мертвое мещанство, это неверно, неверно! — отмечал Ленин. — Все мещанские течения в социал-демократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии. Нет, та философия, которую обосновал Энгельс в «Анти-Дюринге», мещанства не допускает и на порог» (40, 138).

Мещанские оценки проявлялись также в сфере истории философии и этики, в других сферах философского знания.

Придавая принципиальное значение критике идеологии «веховцев», Ленин в 1912 году опубликовал в легальной рабочей газете «Невская звезда» большую статью «Еще один поход на демократию», в которой развил идеи знаменитой работы «О „Вехах“», в частности по вопросу о моральных ценностях, против кадетских, а по сути мещанских искажений этой проблемы (24, 82—93).

В. И. Ленин в своей статье считает необходимым воспроизвести, как имеющие принципиальное значение для разоблачения «веховцев», рассуждения претендующего на демократизм А. Щепетева об этике. Этот интеллигентский публицист утверждал, что у русских демократов «альтруистические чувства» подавляли запросы личности в ущерб общему прогрессу и развитию страны, что «стремление к благу всего народа заставляло слишком

уже забывать о себе». Как выразитель типичной буржуазно-мещанской тенденции, Щепетев высокомерно осуждал постоянное стремление подлинных демократов принести себя в жертву, пойти на помощь неимущим и обездоленным, пойти «в стан погибающих». Это откровенное выступление буржуазного либерала Ленин охарактеризовал как «проповедь решительного отречения от элементарнейших принципов всякой демократии» (24, 92).

Тем самым был вскрыт антинаучный и антидемократический характер рассуждений либералов об отношении русских революционеров к проблеме ценностей. Для сторонников индивидуализма и мещанства всякое общественное понимание ценностей, то есть ценностей не для обособленного индивида, а для социальной группы, для класса, неприемлемо. С их ограниченной точки зрения, примат общественных интересов над личными или даже единство личного и общественного есть умаление личности, индивидуальности и, следовательно, «отрицание духовных ценностей», которые отождествляются только с ценностями для личности.

Среди характерных особенностей мелкобуржуазного, мещанского сознания необходимо отметить иллюзионизм. Речь идет об искажающем мир субъективизме, нежелании или неспособности видеть явления и процессы в их истинном свете и значении. Мелкая буржуазия, как никто другой, подвержена иллюзиям. Не будучи в состоянии противостоять реальным социальным силам, угрожающим ее существованию, она переносит свой протест (против крупного капитала или против революционных изменений в обществе) и свои надежды в сферу мысли и, главным образом, в сферу чувства. Отсюда — идеализация старины, докапиталистических укладов, патриархальности, кустарного, ремесленного хозяйства. Отсюда постоянные усилия сохранить себя как социальный слой в любых условиях, будь то капитализм или социализм.

Одна из самых стойких иллюзий мещанства — идея надклассовости, идея переждать бурю, остаться над схваткой, вне политики, вне классовой борьбы. У идеологов мещанства — это в значительной степени сознательный обман, у массы мещанства — самообман, наивная вера.

Многочисленные концепции мелкобуржуазных идеологов были построены на иллюзорной, субъективно-идеалистической основе благих пожеланий, не соотнесенных

с объективной действительностью. Таковы идеи П.-Ж. Прудона, мечтавшего о том, чтобы, отказавшись от «дурных» сторон капитализма, сохранить его «хорошие» стороны. Таковы же и мечты российских народников. Иллюзорно их неприятие капитализма, стремление увековечить патриархальный строй в деревне, объективно и неумолимо разрушаемый прогрессом общественного производства.

«Наши рыцари мещанства,— писал Ленин,— хотя именно сохранения „связи“ крестьянина с землей, но не хотят крепостного права». Он показал, что это «ведет... к реакционной мечтательности, игнорирующей действительность, ведет к неумению понять и утилизировать действительно прогрессивные, революционные стороны новых порядков и к сочувствию мероприятиям, увековечивающим добрые старые порядки полукрепостного, полусвободного труда...» (10, 248—249).

Разрыв между теорией и практикой, идеалом и жизнью вел к пессимизму как форме оценки социальных явлений, а затем уже как мироощущению. Этот разрыв между ложными теориями, ложными идеалами и жизнью абсолютизировался, возводился в исходный принцип, что способствовало закреплению пессимизма.

В борьбе против мещанских иллюзий субъективного идеализма Ленин дал характеристику материалистического понимания идеала: «...,идеалы”, — писал он, — должны заключаться не в построении лучших и ближайших путей, а в формулировке задачи и целей той „суровой борьбы общественных классов”, которая идет перед нашими глазами... <...> ...самым высоким идеалам цена — медный грош, покуда вы не сумели слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе...» (9, 407—408).

Ленин показал, что осуждение мещанскими мелкобуржуазными идеологами капитализма, то есть ценностное отношение к нему как определенному социально-экономическому явлению, игнорирует реальные законы познания, характеристики его. При этом совершенно произвольно позиции мещанские, узкогрупповые выдаются за единственно возможные. Не учитывая реальную противоречивость капитализма, сторонники «экономического романтизма» противопоставляли ему отжившие формы — мелкое хозяйство, ремесло, цехи, исходили в своих оценках не из действительных потребностей общества, а из предвзятого ложного принципа.

Теоретическая иллюзорность мещанского сознания вполне определенно преломляется в буржуазной философии. Ее девиз — принимать категории буржуазного режима за вечные и естественные. «Поэтому и получается у них, — отмечал Ленин, — вместо анализа и изучения определенной системы производственных отношений, — ряд банальностей, приложимых ко всяким порядкам, вперемежку с сентиментальной водицей мещанской морали» (10, 222).

Среди иллюзорных антимарксистских концепций в России Ленин особо выделял идеи социалистического развития России вне капитализма, вне ведущей роли рабочего класса — на чисто крестьянской основе. Он называл эти иллюзии «наивными и мещанскими». В полемике с П. Струве, который с позиций апологетики капитализма критиковал народничество как «национальный социализм», то есть давал ему внеклассовую, внесоциальную оценку, Ленин подчеркивал классовый, социальный смысл народнических теорий, их сильных и слабых сторон. Он отмечал: «Вместо „национальный“ следовало бы сказать „крестьянский“ — по отношению к старому русскому народничеству и „мещанский“ — по отношению к современному», то есть либеральному (9, 413).

Никаких других общественно-экономических отношений, кроме буржуазных и отживающих крепостнических, в России конца прошлого века не было. Поэтому путь к социализму лежал только через рабочее движение. Поэтому теории идеологов мещанства, проповедующих внепролетарский, крестьянский социализм, были не просто ошибочны, а реакционны. Они шли вразрез с объективным ходом истории, и Ленин настаивал на том, чтобы социалисты решительно и окончательно разорвали со всеми мещанскими идеями и теориями.

Буржуазные и мещанские концепции и прямо и косвенно формируют и закрепляют мещанское сознание. «...Есть люди, — говорил Ленин, — ...просто забитые не теорией, а предрассудком, обычаем, рутиной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в дракето, не влетело!)» (17, 321). И далее: «...нравственное уродство мещанина есть качество... совсем не личное, а социальное, обусловленное, может быть, крепко засевшими в голову предрассудками буржуазно-филистерской науки права» (17, 323).

Таким образом, мещанское сознание во всех его формах и проявлениях нельзя отделять от буржуазной идеологии. Прямо или косвенно оно попадает на благоприятную почву и дает всходы, ибо мещанское сознание по многим характеристикам однотипно с буржуазным, хотя и не совпадает с ним буквально. Поэтому борьба против мещанской идеологии, психологии и морали предполагает прежде всего решительную борьбу против буржуазной идеологии вообще.

**Принцип партийности:
против мещанства
в сфере духовной жизни**

Утверждение ленинского принципа партийности идеологии, всей духовной жизни общества было связано с последовательной борьбой против проявлений мещанских иллюзий и предрассудков во всех областях духовной культуры, искусства. В. И. Ленин считал принципиально важным, чтобы против мещанства активно и авторитетно выступали виднейшие деятели культуры. Так, он горячо поддерживал страстные выступления М. Горького (и как художника, и как публициста) против мещанских настроений в среде интеллигенции.

В. И. Ленин высоко ценил глубокую и острокритическую характеристику мещанства, которую дал М. Горький. Великий пролетарский писатель начиная с раннего периода своего творчества познал этих обитателей бесчисленных слобод, запечатленных в образе «городка Окурова». Диапазон горьковского художнического анализа непрерывно расширялся, представление о мещанстве углублялось. Черты мещанства с его врожденным консерватизмом, боязнью перемен, с его броней защитных фраз для оправдания и самоутверждения были обнаружены Горьким не только у людей типа Бессеменовых (пьеса «Мещане»), не только у торговцев, ремесленников, конторщиков. Они — и у образованных и полуобразованных «дачников» и интеллигентов, чуждых народу, творческому труду, прикрывающих свой индивидуализм красивыми фразами о свободе личности, прогрессе, гибельном влиянии среды.

Образование и внешние признаки цивилизации еще не гарантия от мещанской морали и жизненных установок. Более того, они позволяют маскировать и эту мо-

раль и эти установки завесой слов, хитроумными логическими ходами изощренного мышления. Таковы интеллигенты в пьесах «Варвары» и «Дачники» — все эти «дикари высшей культуры». Одна из героинь «Дачников», Варвара Михайловна, точно определяет суть интеллигентского мещанства: «Мы дачники в нашей стране... какие-то приезжие люди. Мы суедемся, ищем в жизни удобных мест... мы ничего не делаем и отвратительно много говорим». В «Дачниках» представлен широкий спектр мещанских позиций. «Все совершается постепенно, — рассуждает один из героев. — Благожелательный человек... не торопится... изменяет формы жизни незаметно, потихоньку...» Второй пользуется иной маской: «Я рядовой русский человек, русский обыватель. Я буду жить, как я хочу... наплевать мне на ваши... призывы, идеи!» А третий выступает уже в таком обличье: «Мы все люди сложные, именно эта сложность нашей психики и делает нас лучшими людьми страны...»

Здесь представлены как бы основные модели словесного камуфляжа, призванного скрыть истинную сущность мещанства. «Как вы дорого стоите своей стране! Что же вы делаете для нее?» — восклицает один из горьковских героев, и в этих словах слышится голос трудового народа — и рабочего, и крестьянина, и истинного интеллигента, чуждых мещанству во всех его формах и проявлениях.

Наблюдения в период поездки в Америку дали Горькому материал для выводов о международной сущности мещанства, о его врожденной буржуазности как родовой черте мещанского сознания. Горький подметил проявления мещанства в литературе — оправдание многочисленными беллетристами «малых дел», бытового самодовольства, мелочности интересов. Антимещанская направленность пронизывает творчество Горького и последующего периода. Концентрированным выражением оценки, которую дал Горький сущности мещанства, явились две его публицистические статьи.

В «Заметках о мещанстве» и в примыкающей к ним по многим идеям статье «Разрушение личности» Горький точно выявляет не только психологические механизмы самооправдания мещанства, но и его социальную позицию, его антинародный и антикультурный характер. «Мещанство хотело бы, — пишет он, — жить спокойно и красиво, не принимая активного участия в... борьбе, его любимая позиция — мирная жизнь в тылу наиболее сильной армии». Его основной настрой — «уродливо раз-

витое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя» (64, 341—342).

Горький раскрыл один из главных приемов идеологического камуфляжа мещанства — ссылки его на приверженность культуре. «Индивидуалист-мещанин оправдывает свою борьбу против народа обязанностью защищать культуру... Позволительно спросить: где же культура, о близкой гибели которой... все более часто и громко плачет мещанство? Как отражается в душе современного «героя» мещан всемирная работа человеческого духа, «наследство веков»? Горький убедительно показывает, что это наследство — вне духовного мира мещанина. На деле у мещан нет прочной идейной позиции, нет связей с духовными традициями истинной культуры. Мещанство «бросается от позитивизма в мистицизм, от материализма в идеализм», отказывается от нравственных функций литературы, ее «поле... ныне зарастает бурьяном беззаботного невежества, забрасывается клочками цветных бумажек — за обложки французских, английских и немецких книг, это обрывки идей западного мещанства» (65, 48—69).

Несмотря на несколько расширительное толкование мещанства, статьи Горького сильно и ярко выразили несовместимость этого явления с демократическими традициями русской культуры.

Отвратительный мещанский индивидуализм, писал М. Горький, «ставит „я” в центре мира — нечто удивительно противное, напыщенное и нищенское. Подумайте, как это красиво — в центре мира стоит жирный человек с брюшком, любитель устриц, женщин, хороших стихов, сигар, музыки, человек, поглощающий все блага жизни, как бездонный мешок. Всегда несытый, всегда трусливый, он способен возвести свою зубную боль на степень мирового события, „я” для этого паразита—все!»

В письмах В. И. Ленина к М. Горькому, увлекшемуся в определенный период идеями богостроительства, постоянно звучит призыв к борьбе против мещанских тенденций в области духовной культуры. В. И. Ленин стремился поддержать традиции горьковской критики мещанства, помочь великому писателю, опираясь на эти традиции, преодолеть увлечения чужеродными идеями. В одном из писем М. Горькому он замечает, что «*всякое богостроительство — любовное самосозерцание* тупого мещанства, хрупкой обывательщины... „самооплевывания” филистеров и мелких буржуа, „отчаявшихся и уставших”» (41, 228). При этом В. И. Ленин высоко оце-

нивал горьковские «Заметки о мещанстве», напечатанные в большевистской газете «Новая жизнь».

Удивительная судьба ждала газету «Новая жизнь», где 13 (26) ноября 1905 года была опубликована ленинская статья «Партийная организация и партийная литература» — одна из вершин ленинской публицистики. Всего лишь один месяц и одну неделю выходила эта первая легальная газета большевиков. Ее голос звучал не только в Петербурге, он был услышан всей революционной Россией (восемьдесят тысяч экземпляров — тираж по тем временам необычно большой). Газета объединила весь цвет марксистской мысли и пролетарского творчества, — В. И. Ленин, В. В. Воровский, М. С. Ольминский, Л. Б. Красин, А. М. Горький входили в ее редакционную коллегию.

Уже в первом номере газета объявила, что «ставит своей задачей быть выразительницей политических и экономических интересов рабочего класса», что в ней «большое внимание будет уделено научным, эстетическим и философским вопросам». Это обещание осуществилось.

Пять недель существования газеты «Новая жизнь» — период необычайной концентрации мысли. Газета ярко и свободно продолжила лучшие традиции русской литературы и публицистики. Марксизм в России, развитый и обогащенный Лениным, отвечал самым насущным, самым глубинным требованиям народной жизни. Вполне естественно, что среди ряда задач, которые решали марксисты в первой русской революции, была и задача последовательной борьбы против разнообразных форм мещанства в политике, идеологии, культуре. Она была органической частью борьбы партии большевиков за демократические и социалистические преобразования страны. Предстояло расчистить путь свободному развитию литературы, искусства, духовному подъему народа, убрать с пути не только пережитки крепостничества с его полицейскими, охранительными стеснениями, но и буржуазно-мещанские поползновения на литературу и искусство.

Эту задачу, конечно, нельзя было решить только журнальной критикой. Нужна была героическая борьба трудящихся во главе с рабочим классом, чтобы проложить путь к духовному расцвету народа, к подлинно свободной литературе.

Уже ленинская «Искра» разъясняла, что влияние литературы на жизнь и степень ее относительной свободы

в условиях царизма напрямую зависят от размаха общественной борьбы. «И если порой — в кои веки — ей (литературе. — *Авт.*) легче становилось жить и вольготней дышать, то лишь потому, что где-то раздавалось властно и страстно — революционное „слово и дело“» — так писала «Искра».

Итак, в статье «Партийная организация и партийная литература» Ленин подчеркнул великую культурную миссию российского рабочего класса, определил место литературного дела, партийной печати в системе организаций партии. Речь шла не о партийной литературе в узком смысле слова, посвященной лишь организационным и тактическим вопросам. В статье были поставлены вопросы о партийности литературы, художественного творчества, духовной культуры вообще, об иллюзорности свободы в буржуазном мире. Освобождение печати от крепостной цензуры — это еще не свобода. Буржуазное предпринимательство, торгашеский подход к литературе, бесплодный анархизм «что хочу, то и пишу» — это не подлинная свобода, а ее суррогат, мещанское извращение, которому поддавались представители индивидуалистически настроенной мелкобуржуазной интеллигенции.

Истинная свобода творчества неотделима, показал Ленин, от борьбы за социалистическое переустройство мира, от интересов рабочего класса.

Свобода была ключевым словом, выражавшим сущность не только политических битв первого десятилетия нашего века, но и битв литературных, журнальных. Среди части российской буржуазной и мелкобуржуазной, мещанской по духу, интеллигенции было распространено иллюзорное убеждение, будто истинная свобода предполагает свободу от всех обязанностей, от общественного контроля, от сложившихся традиций.

Задача искусства, писал в те годы модный философ-иррационалист Лев Шестов, — бороться против регламентаций и нормативизации, порвать «цепи, тяготеющие над рвущимся к свободе человеческим умом», исключить человека из «железной необходимости». В книге «Апофеоз беспочвенности» он кликушествовал: «Пусть история заклеит наши имена, как изменников общечеловеческому делу — мы все-таки будем слагать гимны уродству, разрушению, безобразию, хаосу, тьме. А там „хоть трава не расти“».

И эту позицию поддерживали многие представители искусства. «Быть с людьми — какое бремя!» — воскли-

цал Ф. Сологуб. «Я не умею жить с людьми»,— признавалась З. Гиппиус. «Я людям чужд»,— повторял Д. Мережковский. Вслед за этими вождями декадентской литературы идею полной свободы от каких-либо общественных обязанностей повторяли тысячи представителей мещанства, третьеразрядные писатели, мелкая журнальная братия, провинциальные поэты и художники, влияние которых было немалым в условиях неграмотности большинства населения (88, 130—140, 154).

Александр Блок, тяготившийся всеми формами субъективизма, индивидуализма, изоляции от народа, писал, что это чувство, имевшее оправдание в творчестве Эдгара По, Шарля Бодлера, Оскара Уайльда, «перекинулось за недозволенную черту». «Русские денди» — так называл Блок литераторов, стремившихся освободиться от всех обязанностей перед обществом. «Дендизм», как жизненная позиция, как иллюзорная, пустая свобода, получал довольно широкое распространение. Всякий, кто пытался говорить художнику о его долге не только перед вечностью, но и перед народом, перед обществом, был заранее обречен на проклятия как «гонитель духа», «противник свободы», «узкий педант». Среди части интеллигенции, многих литераторов и критиков, в многочисленных журналах, среди буржуазной и мещанской читающей публики прочно держался предрассудок о полной независимости художника.

Ленин совершил настоящий научный и общественный подвиг, смело, открыто, впрямую сказав о сущности свободы при капитализме: «...господа буржуазные индивидуалисты... ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие». И далее следовал вывод, звучащий из далекого девятисот пятого года как набат, как предупреждение, звучащий так, будто высказан сегодня: «В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть „свободы“ реальной и действительной» (18, 103).

Если свобода в буржуазном мире иллюзорна, как показал Ленин, то это в полной мере относится и к такой области, как литература, художественное творчество вообще. Если не свободен любой наемный работник, который полностью отгорожен от средств производства, находящихся в частных руках, в руках отдельных лиц, то как же может быть свободен писатель, зависимый от буржуазного издателя, художник, зависимый от владельцев выставочных залов, от частных заказчиков, актриса,

играющая в театре, принадлежащем не народу, а частному предпринимателю?

Такая свобода — самообман, она подобна иллюзии свободного выбора внутри железного обруча, в тесном пространстве, ограниченном прочным ободом.

Истинная свобода творчества возможна, пророчески заявил Ленин, лишь там, где и материальная база искусства, и цели творчества, и его восприятие, и оценка будут независимы от корыстных интересов меньшинства, от своеволия мещанской публики, будут целиком связаны с народом, с трудящимися, «которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».

Однако и в новом мире, в мире социализма, свобода не может быть абсолютной. Художник, как и любой человек, живет не в разреженном пространстве, не в вакууме, он живет в обществе с его традициями, укладом, интересами. Иначе жить нельзя. Но уже не по принуждению, а добровольно, по собственному осмысленному выбору художник обращается к народу, живет его интересами, вместе с ним создает новые общественные отношения. Новое положение художника обязывает его сознательно встать на позиции социализма, опираться на научное мировоззрение. Одного «нутра» или «чутья» здесь недостаточно. Без научного понимания сущности окружающего мира, в том числе и самого человека, немислимо подлинно свободное художественное творчество, свободное от ложных идей, от предрассудков, от косности и отсталости.

И об этом ясно и определенно говорил Ленин: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды».

Само собой понятно, что необходимым условием художественного творчества является талант, умение образно воспринимать мир. Предвидя буржуазно-мещанские упреки в излишнем рационализме, в недооценке индивидуальности и таланта, Ленин прозорливо подчеркивал: «...литературное дело всего менее поддается механическому равнению», «...в этом безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию». Однако никакой учет специфики искусства не в силах оправдать полного авторского произвола или, наоборот, приспособления к отсталым вкусам. В. И. Ленин был непримирим к формалистическим деформациям в искусстве, к проявлениям

мещанства в архитектуре, кино, театре. Об этом свидетельствуют его оценки сентиментального спектакля «Сверчок на печи», салонных мелодрам в кинематографии, пустого украшения в архитектуре — об этом вспоминал академик И. В. Жолтовский.

Подлинная свобода творчества, конечно, не отменяет ни социальной ответственности художника, ни его служения народу. (Этот традиционный термин русской литературы с ее совестью и скромностью Ленин употребил в своей статье, отмечая преемственность демократических традиций.) Ленинская постановка вопроса о необходимости всегда выявлять «кому выгодно» имеет самое непосредственное отношение к проблемам художественной культуры, эстетики, литературы. В этих областях, как и в политике, не менее важно трезвое и ясное осознание классового, социального смысла тех или иных явлений и событий, о которых говорит искусствовед или писатель. Никакие, к примеру, внешне привлекательные рассуждения об «изначальных традициях» или «духовности» не могут и не должны оправдывать социальную инертность, консерватизм, отсутствие активной жизненной позиции, что характерно для «интеллектуального мещанства».

Ленин глубоко поставил вопрос о том, как соотносятся субъективный и объективный аспекты идеологии и культуры, индивидуальное и социальное, в том числе и в художественном творчестве.

Есть личная позиция художника и ученого, их цели, намерения, нравственные установки, и есть объективная логика истории. Каким бы ни был лично честным тот или иной автор исторического трактата, литературно-критической статьи, романа или драмы, какими бы лучшими намерениями он ни руководствовался — все это еще недостаточно для оценки его творчества. Есть неуловимая внутренняя логика, закономерность истории. Идти вопреки этой логике — значит противоречить действительности, что бессмысленно, подчас опасно и вредно.

Для Ленина не было сомнений в том, что мировоззрение, умение художника осмыслить окружающий мир, а не только его прочувствовать и описать является совершенно необходимым условием художественного творчества. Изъяны в мировоззрении, теоретические заблуждения, идейные деформации неизбежно в той или иной форме сказываются и в произведениях искусства. Эта мысль составляет один из главных компонентов марк-

систской концепции художественной культуры. Ленинский принцип партийности как теоретическая и методологическая основа борьбы против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, в том числе и против мещанства, доказал свою истинность и жизненность.

Опираясь на этот принцип, марксисты-ленинцы, большевистская печать через газеты, брошюры, беллетристику вели систематическую и последовательную борьбу против всех форм мещанского сознания, утверждавшегося среди интеллигенции и широких слоев мелкой буржуазии — лавочников, чиновников, мелких служащих. Марксисты показали реакционный характер массовых изданий бульварного типа, например газеты «Новое время», которая, особенно в начале XX века, ориентировалась на консервативное мещанство.

Из среды российского мещанства выдвинулся, например, реакционный философ и публицист В. В. Розанов, автор многих книг и статей, которые пронизывают откровенная ненависть к любым социальным преобразованиям, страх перед промышленным и демократическим прогрессом, крайний шовинизм. Справедливая оценка идей В. В. Розанова, как «метафизика мещанского духа, обывательщины, бытовщины», содержится в монографии В. А. Кувакина «Религиозная философия в России». Автор ее пишет, что в «религиозно-философской и „художественно-порнографической“ форме Розанов зафиксировал состояние потревоженного и обеспокоенного обывателя, явил миру его психологию, идеалы, его „мудрость“, мысли служебные и семейные» (75, 68).

Ленинский критический анализ многомерности мещанства, необходимости учета специфики его проявлений в разных социальных группах явился точным ориентиром для многих марксистских писателей и публицистов.

Проблема мещанства глубоко разрабатывалась одним из талантливых организаторов советской системы образования и строителей социалистической культуры Анатолием Васильевичем Луначарским. В 1923 году вышел сборник его статей, объединенных одним названием «Мещанство и индивидуализм» (80). Уже в первые годы Советской власти А. В. Луначарский говорил о недостаточности борьбы против традиционного мещанства, для которого характерны ограниченность, скопидомство, невежество. Черты мещанства Луначарский пронизательно разглядел (и его опыт сохраняет свою безусловную ценность) и в среде интеллигенции. Сле-

дую ленинской методологии, Луначарский показал, что индивидуализм, социальный эгоизм, обособленность от всех общественных дел, замкнутость в узколичных интересах — характерные признаки мещанского сознания. И не столь уж существенно, где они проявляются: в мелочной лавке или в профессорском кабинете.

Всякий индивидуализм — явление противосоциальное, чуждое борьбе рабочего класса и других прогрессивных сил за переустройство общества. Проще всего замкнуться в мир своего «я» и проявить полное безразличие к судьбам других людей, общества, Родины, мира. Не спасает положения и бунтарство в идеальной сфере, низвержение авторитетов и утверждение новых рубежей в сфере чистого духа. Отгороженность от реального мира и реальной общественной борьбы неизбежно ведет к эгоизму, перерастающему в филистерство, в мещанство.

Многие из буржуазных и мелкобуржуазных идеологов стремились направить русскую интеллигенцию именно на этот путь, путь внутренней эмиграции, неучастия в делах молодой Советской республики. Это был опасный, более того, гибельный путь, противоречивший лучшим русским демократическим традициям и практике, опыту передовых представителей российской интеллигенции, которые не колеблясь с первых же дней Октября отдали свой талант и труд, свою подлинную культуру делу социального и духовного преобразования России. Среди них были А. А. Блок и В. Я. Брюсов, К. А. Тимирязев и А. Ф. Иоффе, И. М. Губкин и Г. О. Графтио, А. А. Брусилов и М. Д. Бонч-Бруевич, и сотни других ученых, писателей, художников, военных деятелей.

Однако идеи отстраненности, избранности, кастовости оказывали влияние на многих интеллигентов, и А. В. Луначарский прямо говорил об этой опасности. Резкой критике он подверг книгу Иванова-Разумника «История русской общественной мысли», переизданную в Петрограде в 1918 году. Значительный фактический материал, многие содержательные наблюдения, имевшиеся в книге, отступали на второй план из-за ложной идеи исключительности интеллигенции как единственной силы исторического прогресса и единственной альтернативы мещанству в России. Концепция обособления интеллигенции, ее избранничества полностью противоречила задачам социального и культурного развития страны, в том числе и задачам борьбы против мещанства во всех его формах.

Луначарский проявил значительную принципиаль-

ность, тонкость анализа, когда увидел мещанские тенденции в концепциях, которые внешне носили подчеркнuto антимещанский характер. Речь идет об идеях, которые выдвигались энтузиастами научной организации труда, группировавшимися вокруг ЦИТ (Центрального института труда). Руководитель института, талантливый ученый и поэт А. К. Гастев и другие энтузиасты НОТ утверждали необходимые качества деловитости, умения экономить ресурсы и рабочее время. Их вера в роль технического прогресса, решительное отрицание расхлябанности, лени, неорганизованности безусловно играли положительную роль в начавшейся перестройке страны на индустриальных основах. Подобные идеи привлекали к себе и многих литераторов и художников того времени. В полемических выступлениях, в творческих установках «лефовцев» и «конструктивистов» нетрудно увидеть увлеченность рациональным порядком, преклонение перед техникой и организацией. Но техницистский оптимизм, утверждавший безграничные возможности техники и науки, имел и свою обратную, негативную сторону. Человек освобождался от эмоций, более того, не только эмоциональная, но и идеологическая сфера жизни человеческого общества объявлялась либо излишней, либо второстепенной по сравнению с точностью, сноровкой, деловитостью. Поклонники машины и организации громко обличали «обломовщину» и «мещанство». На деле отрицались идеалы духовной жизни человека, объективно стирались грани между обществом социалистическим и любым другим промышленно развитым обществом.

Вывод А. В. Луначарского о том, что «обольщение машинопоклонничеством», увлечение «американизмом» может вылиться в разумное мещанство, был глубоким и своевременным. Он сохраняет свое значение и для настоящего времени. Действительно, каков же идеал техников? Царство бездуховности, расчета, пользы. Но отсюда недалеко до мещанской ограниченности, узко понятой полезности, отвергающей все, что не имеет непосредственного практического смысла. Воинствующий антимещанский пафос оборачивается новой формой мещанства в ультрасовременном научно-техническом обличье. Бездуховный машинизм может, справедливо подчеркивал Луначарский, «привести молодежь к идеалу „крепкого и смышленного человека“, который умеет „здорово“ трудиться и хорошо жить на заработанные наличные и с улыбкой не менее „здорового“ скептицизма

слушать „бредни“ о каких-то там общечеловеческих целях» (82, 308).

Значительный вклад в дальнейшее укрепление и развитие ленинских традиций борьбы против мелкобуржуазной идеологии, против мещанства во всех его формах и разновидностях внес В. В. Воровский, один из первых литературных критиков-марксистов. Критически анализируя наиболее значительные, характерные для своего времени произведения художественной литературы и публицистики, он всегда раскрывал и реальные жизненные процессы и явления, нашедшие отражение в этих произведениях. Такой подлинно материалистический анализ позволял глубоко и всесторонне оценивать явления, о которых художественная литература образными средствами говорила подчас глубже, чем многие социологические и юридические сочинения.

Известная оценка Ф. Энгельсом творчества Бальзака, давшего своими романами больше для понимания французской действительности, чем многие труды историков и юристов, применима и к русской литературе в ее наиболее значительных проявлениях. Социальность, стремление говорить и думать о главных проблемах российской жизни всегда отличали русскую литературу. И чем значительнее и талантливее был писатель, тем глубже он вскрывал особенности и противоречия бесконечно сложной жизни России — в общественной сфере и в психологии людей, населявших ее. При этом, конечно, глубина отображения действительности зависела не только от личного таланта писателя, но и от его мировоззрения. Современниками Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского, В. Г. Короленко, М. Е. Салтыкова-Щедрина были сотни авторов, представлявших русскую жизнь в свете умиленно-сентиментальном, приглаженном. Они не замечали и не желали замечать той глубинной жизни, которая зримо и рельефно воплотилась в творчестве наиболее честных и талантливых художников. Но даже эти авторы, создававшие узкую или деформированную картину русской жизни, не могли полностью обойти в своих произведениях социальные и идеологические процессы, совершавшиеся в стране.

Рассматривая мещанство сквозь призму литературы, Воровский выявил различные грани этого социального, нравственного и психологического явления. Вслед за Лениным он четко разграничил политико-экономический, сословно-юридический и нравственно-психологический аспекты мещанства и соответственно выявил различные

оттенки употребления одного и того же термина. Во всех случаях понятие мещанства носит у Воровского не абстрактно-всепоглощающий характер, а служит точным определением характерных черт психологии, идеологии и практического поведения тех или иных социальных групп.

В статье «Лишние люди» (52) Воровский показал, как постепенно в процессе распада традиционной феодальной структуры с ее сословным облачением (дворяне, купцы, мещане, крестьяне) складывается буржуазный социально-экономический уклад с присущей ему идеологической и нравственно-психологической надстройкой. И уже вчерашний крестьянин «жаждал устроить новую жизнь хозяйственного мужичка, жадал материального благополучия мелкого буржуа». На этой почве взрастало мещанство. Критик далек от сентиментально-иллюзорных (хотя и субъективно честных, искренних) представлений о народе как о стихийном носителе чуть ли не социалистических начал, что было характерно для идеологов народнического склада. Далек он и от других форм идеализации народа, от воспевания «прелести онуча» и «силы лаптя». Рассматривая реальные потребности жизни и экономические законы, отразившиеся в сочинениях Г. И. Успенского, Д. Л. Мордовцева, Воровский видел, что Россия отнюдь не была неким особым, обетованным островом, где нет почвы для собственнической, в будущем мещанской идеологии и психологии, что мещанство как социально-психологическое явление мелкобуржуазного характера в полной мере сформировалось в России уже к 80-м годам прошлого века.

Мещанская стихия постепенно поглотила часть интеллигенции, разочаровавшейся в прежних идеалах, увидевшей бесперспективность «хождения в народ» и открытой борьбы с самодержавием. Но и буржуазный мир открыто она не могла признать, во всяком случае теоретически. И вот уже, писал Воровский, герой чеховской пьесы Иванов призывает: «Выбирайте себе что-нибудь заурядное, серенькое... Вообще всю жизнь стройте по шаблону... Голубчик, не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами... Запритесь себе в свою раковину и делайте свое маленькое, богом данное дело». В. Воровский раскрыл социальный смысл этих проповедей: «Стройте жизнь по мещанскому шаблону... Анафема принципам буржуазного общества и да здравствует мещанское благополучие в личной жизни!»

Иначе говоря, классовый инстинкт диктовал те правила жизненного поведения, которые отвергались теоретически. Таким образом, Воровский верно подметил и зафиксировал характерную черту проявления мещанства среди интеллигенции — разрыв между словом и делом, стремление прикрыть свои эгоистические и собственнические влечения завесой слов, лишенных реальной основы. Подавляя в себе лучшие устремления, связанные с единством личного и общественного, индивидуального и коллективного, такой интеллигент пытался маскировать внутреннюю пропасть между сознанием и волей, теорией и практикой. Так рождается, по формуле Воровского, человек-раб, у которого «отвлеченные моральные формулы не могут заглушить голос больной совести, но они прекрасно могут оправдать пошлое мещанское существование».

Это была ранняя форма эпидемии мещанского духа среди интеллигенции. В ней еще не было воинствующего цинизма, наглой агрессивности. Но к началу двадцатого века эти новые черты проявились в полной мере. Анализируя произведения русской литературы начала века, Воровский глубоко раскрыл эволюцию форм мещанского сознания. В статье «Базаров и Санин (два нигилизма)» (53, 76—97) он убедительно показал основные этапы этой эволюции.

Опираясь на суждения Д. И. Писарева, В. Воровский отметил жизненность людей базаровского склада — интеллигента в первом поколении, выходца из мещанской (в сословном смысле) среды, из среды низшего духовенства, а иногда и крестьянства. Такие люди всем обязаны только себе: ученье, знания, опыт — все приобреталось в суровой школе жизни. Эта школа приучила их не склоняться перед авторитетами, не быть рабами традиций и освященных «принципов». Таковы реалисты, по характеристике Писарева, «мыслящие работники, с любовью занимающиеся трудом». При некоторой ограниченности и прямолинейности они были честными, цельными, непримиримыми к любой позе и фальши людьми. Их известный индивидуализм начисто был лишен эгоизма, безразличия к судьбам народа. «Общая польза», по словам Писарева, определяла их жизнедеятельность.

Этому типу людей, свободных от каких-либо признаков мещанства, В. Воровский противопоставляет других «нигилистов», интеллигентов, выросших уже в рамках буржуазной России и воплотивших в себе все характерные черты мещанства. Санин, герой нашумевшего и по-

пулярного в обывательской среде одноименного романа М. П. Арцыбашева, подобрал все черты мещанина из интеллигентов новой формации. Здесь и недоверие к науке, знанию, культуре, и циничное отношение к ним лишь как к средствам для жизни, и отрицание возможности прогрессивного переустройства общества, каких-либо «общих целей» вообще, то есть нигилизм в чистом виде. «При таком мировоззрении,— справедливо замечал Воровский,— Санин естественно не может обладать социальными инстинктами. Он — индивидуалист... чисто эгоистического характера, его кредо: «Моя жизнь — это мои ощущения приятного и неприятного, а что за пределами — черт с ним». Это настоящее воинствующее мещанство. Подобные идеи и настроения явились формой реакции на революцию 1905 года, реакцией «против „крайностей“, против революционизма», против партийности вообще, против политики (53, 96—97).

Таким образом, черты мелкобуржуазной философии жизни мещанства широко распространялись среди интеллигенции: вместо альтруизма — «естественный» эгоизм, вместо идей социализма — индивидуализм, вместо понятия долга — узко понятая «свобода личности», вместо идеи общественного блага — личная польза. Развивая и углубляя анализ типов российского мещанства, В. Воровский в работе «Раскол в „темном царстве“» показал чисто буржуазную, модернизированную по сравнению с докапиталистическими укладами ориентацию мещанства: в его современно-мещанской голове, пишет он о герое пьесы С. А. Найденова «Дети Ванюшина», рисуется другой тип домостроя: отделение работника от нанимателя, освобождение бюджета от «лишних ртов», улучшение культурных условий своей личной жизни (54, 166).

Наряду с «интеллигентным» мещанством, мещанством буржуазно-предпринимательской ориентации, Воровский выявил еще одну разновидность — служилое мещанство: низшие чиновники, служащие, тянущиеся за «высшими», подражающие в своих суждениях и замашках прежнему дворянству, барству. «Комичнее всего,— замечает Воровский,— что настоящего барства — независимого, культурного, дорожающего своим достоинством,— у нас нет. Зато каждая чернильница, получающая оклад, позволяющий держать „черную“ кухарку, считает себя уже барином, каждая салопница — барыня».

Итак, намеченное А. В. Луначарским и В. В. Воров-

ским исследование конкретных типов мещанского сознания является в высшей степени плодотворным. Оно представляет собой пример творческого применения ленинской методологии конкретно-исторического исследования социальных процессов. Такое исследование продолжается и в наши дни.

«Своеобразие мещанской морали,— справедливо замечает советский исследователь социологии морали В. А. Бачинин,— состояло в причудливом сочетании остатков патриархально-общинных, а в России домостроевских нравов с буржуазным индивидуализмом. Общинная и цеховая психология связывала мещанина с народом, с массами трудящихся классов, а подверженность влиянию буржуазного эгоизма заставляла его возносить свое драгоценное „я“ над окружающими, над обществом» (49, 16).

Общая закономерность формирования мелкобуржуазного, мещанского сознания проявлялась в России весьма своеобразно. Накладываясь друг на друга, остатки консервативно-патриархальных представлений и ценностей, добуржуазных отношений постепенно срастались с чисто буржуазной по своему происхождению индивидуалистической собственнической моралью. Отсюда на редкость широкий диапазон проявлений мещанского сознания. Мелкобуржуазные по своему происхождению и сущности мещанские идеалы и стереотипы поведения охватили не только представителей собственно мелкой буржуазии (ремесленников, мелких торговцев), но и определенные слои интеллигенции и рабочих.

Анализ современных модификаций мещанства, пожалуй, успешнее осуществляется художественной литературой и публицистикой, чем социологией, которой еще предстоит конкретно, критически рассмотреть это сложное, многоликое явление, приспособляющееся к различным условиям существования. Необходимость такого исследования на основе ленинской методологии диктуется потребностями идейно-политического, нравственного и трудового воспитания советских людей в духе непримиримости ко всем проявлениям мещанства — этой мелкобуржуазной философии жизни.

Мелкобуржуазная философия жизни

О философии можно говорить в узком и широком смысле слова. Это понятие обозначает особую область духовной жизни общества, соединяющую научно-теоретическое отражение мира и его идеологическую оценку. Философия как учение об отношении идеального к материальному, о наиболее общих законах бытия и сознания имеет свои категории, законы, свою четкую логику и историю.

Вполне правомерно, однако, говорить о философии и в более широком и свободном, быть может менее строгом, смысле слова. Философия поступков, действий отдельного человека и целого класса, «философия эпохи», «философия войны», «философия мира», «философия оптимизма»... Во всех этих, нестрогих, казалось бы, выражениях есть свой реальный смысл. Когда рассматривается определенная система воззрений непрофессионального характера, дается оценка жизненных процессов, смысла жизни, цели людей, приводятся размышления о судьбах народов и их истории, то такая философия, даже не сведенная в рационально организованные системы, отнюдь не относится к обыденному сознанию. Она может опираться и на народный опыт, и на обыденное сознание, и на логически организованные философские учения. Свое выражение такая жизненная философия находит в самых разнообразных формах — в политических трактатах, в дневниках и письмах, в речах общественных деятелей и, конечно, в искусстве, особенно в литературе.

В широком понимании с полным правом можно говорить о философском смысле сочинений Никколо Макиавелли и Мартина Лютера, рескриптов Петра Первого

и размышлений А. В. Суворова, стихотворений Ф. И. Тютчева и А. А. Блока. Современные литераторы давно уже пользуются термином философии в таком понимании. Например, критик Лев Аннинский с некоторой категоричностью, но в принципе верно говорит, что писатель Василий Шукшин по нравственному отношению к вещам был настоящим прирожденным философом, но не в западноевропейской ученой традиции, когда философ обязательно профессионал и создает учение, а в русской традиции, когда система воззрений растворена в творчестве и изнутри насыщает, пропитывает его. Все крупные русские писатели были такими философами (109, 7—8).

Свою жизненную философию вырабатывают различные группы людей, различные слои. Выработало ее и мещанство. Речь идет не о стройной системе, хотя здесь использованы и некоторые профессиональные системы буржуазных и мелкобуржуазных философов, а о конгломерате идей, оценок, житейских принципов, ценностей, идеалов. К ним относятся представления о полезности или бесполезности вещей и людей, о стиле жизни, о престижности, о том, к чему следует стремиться и чем пренебрегать. Далеко не все это содержание выкристаллизовалось в четкие понятия, формулы, тем более теории. Но определенная жизненная философия мещанства существует как опасная и чуждая нам мелкобуржуазная философия жизни. Ее рецидивы могут проявляться и в условиях социализма, и объяснять их только ссылкой на пережитки представляется недостаточным.

Марксистско-ленинская общественная мысль стремится выявить типологические черты мелкобуржуазного сознания. Так, в монографии А. И. Титаренко подчеркивается, что в основе структуры мелкобуржуазного нравственного сознания лежат «эквивалентность взаимного воздаяния как моральный шаблон оценки поведения... и, самое главное, ценностная ориентация на богатство» (101, 89).

Венгерский социолог Эндре Фаркаш в статье «Мещанский образ жизни и социалистическая мораль» (100, 145) исследует природу мелкобуржуазности в условиях социализма, ее источники и виды.

В основе подхода Фаркаша лежит разграничение понятий мелкой буржуазии как социологической категории и мелкобуржуазности как нормативной категории. В первом случае характеризуется социальный слой, во втором — определенный тип жизненной философии, сис-

тема моральных и политических взглядов, определенная форма поведения и образа жизни. На ряде примеров ученый показывает несовпадение субъектов-носителей этих двух социальных характеристик. К слою мелкой буржуазии в этой стране относится всего 3,5% самодеятельного населения, носителей же мелкобуржуазности как особой философии и образа жизни — значительно больше. Венгерский автор выделяет три разновидности мещанства. Первый — мещанство «классического» мелкобуржуазного слоя, то есть мещанство собственническое. Именно оно вырабатывает идеалы богатства, модели потребления, влияющие на круги, социально далекие от мелкой буржуазии.

Другой вид — потребительское мещанство. Его порождает деятельность отдельных групп и индивидов, принимающих участие в товарно-денежных отношениях. Выступая как посредники, они используют эти отношения в сфере торговли, обслуживания в своих корыстных интересах. На первый план у носителей этого вида мещанства выступает не характер производственной деятельности, не накопление, не мелочное скопидомство, а бездумная трата, потребление как смысл бытия.

Третий вид Фаркаш называет квазимещанством. Порождается оно стихийными процессами жизни, отсутствием у части людей прочных идейных убеждений, а также недостатками воспитания. Среди людей такого рода могут быть и рабочие, и интеллигенты, восприимчивые к чуждым социализму моделям потребления, к пропаганде собственнических идеалов и индивидуализма. А такую пропаганду Запад ведет по различным каналам информации.

Вот почему анализ природы и сущности мещанства как мелкобуржуазной философии жизни необходим. Без него не может быть действенной, целенаправленной борьбы против этого явления.

Грани полезности

Мещанское сознание имеет своих классиков и идеологов. Один из виднейших среди них — английский философ и социолог Иеремия Бентам. Строго говоря, И. Бентам — буржуазный философ. Однако мелкая буржуазия не только в экономическом и социальном отношениях, но и духовно тяготеет к буржуазии, она во всех

случаях приспособливает взгляды этого класса к своим интересам и понятиям. А ведь именно Бентам создал своеобразное учение о полезности, об удовольствиях человека, попытался поднять весь комплекс чувств собственника, в том числе и мелкого буржуа, до уровня теоретического осмысления. Классики марксизма-ленинизма неоднократно обращались к характеристике идей и места Бентама в общественной мысли, подвергали его взгляды глубокой критике. Маркс дал точнейший анализ не только идей английского философа-моралиста, но и самой сущности буржуазно-мещанского мировоззрения. Марксова оценка Бентама имеет первостепенное методологическое значение для толкования и критического анализа природы мещанского сознания.

«Если мы хотим... по принципу полезности оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т. д., — писал Маркс, — то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху. Но для Бентама этих вопросов не существует. С самой наивной тупостью он отождествляет современного филистера — и притом, в частности, английского филистера — с нормальным человеком вообще. Все то, что полезно этой разновидности нормального человека и его миру, принимается за полезное само по себе. Этим масштабом он измеряет затем прошедшее, настоящее и будущее» (3, 623). В приведенном суждении К. Маркса особенно важен диалектический подход — требование конкретности и историзма. Говорить о полезности вообще, одинаковой на все времена, — значит навязывать всему человечеству узкие мерки филистерского, буржуазно-мещанского взгляда на действительность.

Бентам полностью подчинял поведение человека миру вещей, власти денег. Деньги — подлинный бог Бентама, они диктуют, по его мнению, каждый шаг в поведении человека. В теоретической форме Бентам зафиксировал то, что складывалось в реальной практике буржуазно-мещанских кругов современной ему Англии. Его утилитаризм в свою очередь формировал новые поколения мещан — собственников с их откровенной торгашеской моралью. Как говорил один из диккенсовских героев в романе «Тяжелые времена», «все на свете должно быть оплачено...», «никто, ни под каким видом не должен ничего давать и оказывать никакой помощи бесплатно». Этот кодекс мещанства напрямую вытекал из принципов этики Бентама.

В отличие, например, от французских материалистов XVIII века, которые подчеркивали необходимость пользы для всего общества, верили в торжество добра, справедливости, счастья народа, для Бентама единственным мерилom морали выступает польза, иными словами то, что приносит «благодеяние, выгоду, удовольствие, добро и счастье». Значит, если принять за основной мотив всех поступков человека стремление к удовольствиям, то главным критерием оценки всех событий в мире будет личный интерес, эгоизм. Думать только о себе, о своей выгоде, пользе, о своих удовольствиях. «Что же такое... интерес общества? — спрашивает Бентам. — Сумма интересов отдельных членов, составляющих его».

Фактически общества как целостного организма нет, понятия общих целей, общих интересов, взаимной поддержки объявляются попросту бессмысленными, пустыми словами. Есть только отдельный человек, стремящийся к удовольствию, к собственности, к обладанию вещами. Как отмечал К. Маркс, по Бентаму, единственная сила, связывающая всех вместе, это стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес.

В полном соответствии с торгашеской буржуазно-мещанской практикой Бентам создал каталоги простых удовольствий, которые у него расписаны, как в бухгалтерских книгах, и сведены к четырнадцати группам. Человек нравственный, добропорядочный у него тот, кто умеет точно рассчитывать свой интерес, и, наоборот, безнравственный поступок — это попросту неверно высчитанный «собственный интерес». Во всех случаях «мое» — в центре мира, то есть буржуазно-мещанские принципы практической морали выражены с предельной откровенностью.

Английский философ Дж. С. Милль, последователь Бентама, как и многие другие теоретики морали, пытался несколько сгладить излишнюю откровенность своего предшественника. Но никакие общие рассуждения о «благе всех» не могли скрыть ядра этих идей — стремления оправдать эгоизм во имя торжества своей пользы, своего удовольствия при полном безразличии к другим людям. При всей узости и односторонности Бентам тем не менее дал пищу для размышлений.

Отвергая своекорыстный утилитаризм в духе Бентама, марксисты отнюдь не исключают понятие пользы и полезности. Но в понимании этих явлений они противостоят двум в равной мере односторонним и ложным

тенденциям. Во-первых, делячеству, узкому бездуховному практицизму, который все оценивает лишь с точки зрения непосредственно ощутимой полезности. Во-вторых, игнорированию полезности как фактора низменного, грубо материального, якобы недостойного «аристократов духа». Окаменелость, прямолинейность мещанского мышления проявляются среди сторонников этих тенденций в полной мере.

В первом случае понятия добра, красоты, ценности исторических традиций, лишенные стоимостного, денежного воплощения, выгоды, представляются как нечто пустое и бессодержательное. Неспособный сам выйти за рамки утилитарной полезности, либо меркантильно-вещной, либо служебно-должностной, престижной, мещанин не может видеть духовного начала и в других людях. Проявления бескорыстной привязанности к своему делу, будь то изобретательство или собирание и сохранение реликвий, памятных знаков прошлого, увлеченность живописью, литературой, музыкой не ради денег или престижа воспринимаются мещанином как чудачества, бессмысленная трата времени, или, еще хуже, как тайный умысел, в основе которого лежит скрытый коммерческий интерес. Более всего обыватель боится быть обманутым, «оказаться в дураках».

Именно в мещанской среде непрерывно циркулируют слухи о баснословных гонорах ученых, певиц, авторов пьес и романов, актеров, художников и реставраторов. Не о труде, не о творчестве, не о радости зрителей и читателей, не о художественных достоинствах или недостатках печется мещанин. Он органически не может поверить, что могут быть иные интересы и мотивы, помимо денежных. Узкоделяческий подход распространяется не только на сферу художественного творчества, но и на творчество техническое, на область производства. «В карман норови» — так язвительно писал об этой особенности мещанской оценки людей и событий Г. В. Плеханов.

Деляческое, утилитарное понимание полезности может принимать масштабы общественно опасные, если люди с таким подходом к явлениям культуры наделяются административными функциями. Разрушение исторических памятников — будь то старинные церкви, свидетельствующие об искусстве русских мастеров-строителей и живописцев, или дом, напоминающий о творчестве выдающихся деятелей прошлого, запущенная братская могила героев войны, вырубленные реликтовые рощи и об-

мелевшие, загрязненные реки — все это реальные следы бездумного и самодовольного практицизма. Никакая временная мелкая выгода (превращение храма в склад, дорога, проведенная через заповедный парк, дрова, полученные после рубки старинной роши) никогда не может восполнить духовного урона, нравственного ущерба, нанесенных нынешнему и последующим поколениям.

Нельзя жить сегодняшним днем, все, что не дает сиюминутной отдачи, обречь на слом...

Совершенно неизбежно коммерчески-потребительское отношение к вещам, разрастаясь, переносится и в сферу отношения к существам одушевленным, животным и, что особенно опасно, в крайних своих проявлениях распространяется и на людей. Извращенные, духовно-патологические формы такой оценки могут проявляться в жестоком и бездушном отношении к детям, больным, старым людям, ко всем проявлениям беспомощности, нарушающей комфорт, безмятежность, стремление к покою любой ценой. В основе подобных форм поведения лежат характерные черты мещанского сознания — крайний утилитаризм («полезно — бесполезно»), голый расчет («выгодно — невыгодно») и безбрежный эгоизм. Отношения между людьми здесь рассматриваются почти исключительно как функциональные. Этот вид отношений переносится и на сферу производства, управления («начальник — подчиненный», «управляющие — управляемые»).

В современных условиях функциональные отношения между людьми действительно расширяются по мере расширения и углубления связей в сфере науки и производства. Но это лишь один срез человеческих отношений, имеющий важное, но весьма ограниченное значение. Если его преувеличить, абсолютизировать, соединить с принципом делячески понятой полезности, то складывается совершенно определенный тип человеческих отношений, особенно характерный для современного буржуазного общества с его эгоистической замкнутостью, ослаблением родственных и дружеских связей. Некритическое заимствование некоторых черт образа жизни современного капитализма, а также присущих ему теорий (например, социальных ролей) приводит к тому, что и в нашем обществе подчас проявляется как форма мещанства этакий холодный, расчетливый взгляд на людей. На этой почве и возникают такие опасные качества, как бездушие и эгоизм, происходит обесценивание всех чувств и привязанностей, вплоть до патриотизма.

Объективный смысл дяляческого практицизма всегда один: обеднение духовного мира человека, обесценение его личности, превращение человека в простого исполнителя той или иной функции. Как бы ни отрешивались от мещанства носители этого дяляческого практицизма, как бы ни обличали его, смысл их деятельности внутренне родствен мещанству, служит питательной почвой для него. Формы же маскировки, подчас не осознанной по своей сущности, действительно разнообразны. Это могут быть ссылки на «революционную необходимость», «преодоление религиозного культа», «потребности текущего момента», «потребности научно-технической революции». Нежелание считаться ни с природной средой, ни с исторически сложившейся застройкой городов, ни с такими «невещественными», «эфемерными» понятиями, как традиции, привязанность к родному краю, родному заводу, во имя ложно понятой полезности, которая будто бы сметает все эти сентиментальные представления, неизбежно ведет к жесткому стилю управления и руководства, пренебрежению к человеческой личности.

Одним из извращенных проявлений мещанского, чисто прагматического, функционального подхода к людям с точки зрения их «полезности» и «бесполезности» является протекционизм, выступающий как форма связи нескольких людей, оказывающих друг другу определенные услуги. Протекционизм основан прежде всего на эгоистических интересах обеих сторон («Ты мне — я тебе») и представляет собой мнимый коллективизм. Люди здесь тянутся друг к другу не потому, что искренне уважают друг друга или интересны друг другу, близки духовно. Их связывает только расчет на выгоду («А что я буду иметь?»), холодный расчет эгоистов. По своей внутренней сущности протекционизм враждебен социализму. Действительно, принцип социализма — «от каждого по способностям, каждому по труду». Протекционизм же вопреки главному принципу социализма тяготеет к распределению материальных и духовных благ на основе родственных и дружеских связей. Вопреки ленинским партийным принципам подбора и расстановки кадров по политическим и деловым качествам наблюдается тенденция выдвигать «своих» людей исключительно по мотивам «нужности» и «полезности» в расчете на ответную благодарность. Протекционизм получает распространение среди безыдейных людей, в среде, где сильны и живучи проявления мещанской психологии и морали.

Опасность протекционизма состоит еще и в том, что он, проявившись в одном звене, порождает своеобразную цепную реакцию. Окружающие начинают считать нормой жизни несправедливое распределение материальных и духовных благ, неоправданное назначение на должность, прием в учебное заведение в обход существующих правил. Соответственно рождается циничное, пренебрежительное отношение к нормам жизни социалистического общества, ко всем формам их утверждения. Характерная для мещанского сознания двойственность воспроизводится здесь с особой силой: слова о честности, порядочности, социалистическом коллективизме — это, мол, только маскировка, приспособительное средство для массы «обычных» людей. А подлинная суть — в полезности тех или иных людей, в связях, которые будто бы решают все.

Партия ведет решительную борьбу против протекционизма, который, подобно бактериям в определенной питательной среде, неизбежно влечет за собой и другие чуждые социалистическому образу жизни формы поведения и оценки жизненных явлений, такие, как групповщина (корпоративизм), местничество, национальная ограниченность, угодничество.

Решительная критика протекционизма как чуждого социализму явления, фактов выдвижения работников по признакам личной преданности, родственных и приятельских отношений содержится в двух постановлениях ЦК КПСС 1972 и 1976 годов, посвященных организаторской и политической работе партийных организаций Грузинской ССР (45, 204, 344).

Рассмотрим теперь другую группу суждений о полезности. Казалось бы, она прямо противоположна первой, на деле же многими своими чертами и, главным результатом близка к ней. Она также служит питательной средой для мещанских идей, настроений, мещанского восприятия жизни. Сущность ее в отрицании самого фактора полезности, в показном, демонстративном исключении его. Все явления, процессы, планы рассматриваются здесь вне практического смысла, полезность обьявляется чем-то низменным, грубо материальным, недостойным «аристократов духа».

Такое пренебрежение к полезности первоначально родилось в среде сословной аристократии, которая свысока смотрела на купечество, рождавшуюся буржуазию, занятую торговлей, производством, считавшую деньги и утверждавшую мораль трудолюбия, бережливости, рас-

четливости, утилитарной полезности. Дворянство во всех странах, в том числе и в России, противопоставляло буржуазии расточительность, пренебрежение к «презренной пользе», ко всему вообще, что связано с понятиями выгоды, расчета. Вся сфера производства и распределения, промышленности и торговли третировалась людьми высшего сословия. Сферой их деятельности считалась военная, вообще государственная служба, в крайнем случае такая форма умственной деятельности, как занятие литературой, философией, причем не в профессиональном смысле, а лишь для души, для заполнения досуга. Нормы дворянской морали, в отличие от народившейся буржуазной, оправдывали бездеятельность, паразитическое существование за счет родового, главным образом земельного, богатства и крепостнического труда крестьян, за счет наследственных сословных привилегий. Понятия выгоды и пользы полностью исключались из кодекса этой морали.

Неумолимые законы истории, проявляющиеся в смене общественно-экономических формаций, привели к утверждению буржуазного строя с его принципами конкуренции, выгоды, расчета, полезности в откровенно выраженной денежной, стоимостной форме. Только некоторая часть обуржуазившегося дворянства смогла приспособиться к веку коммерции и промышленности, большая же его часть разорялась и неумолимо вытеснялась на обочину истории.

«Лишние люди», «умные ненужности», разочарованные плакальщики об утраченных привилегиях, запустевших усадьбах, вырубленных садах, вчерашние аристократы, ставшие мелкими чиновниками, учителями, «журнальной братией», были «главными бездействующими лицами» русской литературы начиная с 20-х годов прошлого века и до начала века нынешнего. То с сочувствием, то с сарказмом, испытывая лирическую ностальгию или опираясь на самый трезвый реализм, наши писатели — от Пушкина, Лермонтова, Тургенева до Чехова, Куприна, Алексея Толстого и Горького — запечатлели бесконечно многообразные обличья этого уходящего слоя людей, поглощенного в конечном счете другими социальными группами.

Но (парадокс истории идей) мироощущение ушедшего социального слоя, его вполне объяснимое в свое время презрение к торговле и коммерции, к пользе и выгоде подхватило мещанство, главным образом, его духовный выразитель — мелкобуржуазная интеллигенция.

Именно ее представители — уже не на антибуржуазной, как у дворянства, а на антипролетарской основе встретили враждебно марксистско-ленинские идеи партии большевиков после победы Октябрьской революции о необходимости преобразования капиталистической экономики в социалистическую.

Мещанская интеллигенция, стремившаяся играть в либерализм и даже в революционность, сочла низменным для себя заниматься проблемами будущего устройства экономики России. Революция в ее понятии ограничивалась туманной сферой духа, раскрепощения личности. Научный социализм с его идеями преобразования формы собственности, всеобщностью труда, утверждением принципа «от каждого по способностям, каждому по труду» представляется ей разновидностью буржуазно-меркантильного сознания, недостойного «аристократии духа» и рассчитанного лишь на низменные инстинкты толпы.

Заемствованное у дворянства мировосприятие становилось своего рода защитной броней идеалов мещанства, для которого характерна удивительная приспособляемость, способность к мимикрии, восприятию любых, подчас взаимоисключающих идеологических и психологических масок. Именно поэтому после победы социалистической революции планы партии, направленные на преобразование народного хозяйства, на применение таких экономических факторов, как торговля, денежное обращение, были встречены враждебно мещанской интеллигенцией. Это было классовое сопротивление мелкой буржуазии, перелицевавшей для идеологического камуфляжа черты барской психологии с ее органическим неприятием практической деятельности, соображений пользы и выгоды. Все это прикрывалось высокопарными фразами о «низменных интересах толпы» и о «высотах духа» избранных.

Должно было пройти определенное время, в течение которого осуществлялся подлинный духовный переворот в умах большинства представителей старой интеллигенции, убедившихся наконец в необходимости черновой, повседневной работы. Революция оказалась не только «праздником духа», но и «лихорадкой буден», заполненных нелегким трудом. Но это был труд во имя высоких идеалов, во имя превращения Родины в современное индустриальное и просвещенное социалистическое общество. Тот, кто этого не понял, остался на обочине жизни, в маленьком мещанском мирке.

Длительная терпеливая работа партии по воспитанию старой интеллигенции в духе социализма, подготовка новых специалистов из рабочей и крестьянской среды привели к созданию новой народной интеллигенции, для которой характерно глубоко осознанное усвоение марксистско-ленинского мировоззрения, неприятие как узкодедяческого практицизма, так и барского высокомерного отношения к практике.

Однако и в современных условиях отдельные рецидивы мещанских настроений могут проявляться и в этих исторически изживших себя формах, в том числе и в пренебрежении к черновой работе, к труду в сфере обслуживания, к интересам экономики. Упрямое нежелание считаться с экономическими факторами, полезностью для общества, интересами хозяйства и бытовыми нуждами иногда прикрывается фразами о защите природной среды и памятников истории. В действительности же пренебрежение к технике и экономике ведет к идеализации патриархальщины, ибо благородное дело защиты природной и культурно-исторической среды нельзя превращать в некую самоцель, оторванную от повседневных интересов людей.

Таким образом, как бы ни были внешне противоположны, с одной стороны, дедачество, погоня за непосредственной пользой и, с другой стороны, отрицание полезности во имя «высот духа», обе эти установки родственны, близки друг другу по своей сущности. Их роднит отвлеченное, оторванное от социальной жизни, конкретных условий, интересов народа абстрактное понимание полезности.

Абстрактность всегда порождает метафизическую узость мышления. Человек теряет способность увидеть явления в их сложности и противоречивости. Явление как таковое рассматривается безотносительно ко времени и конкретным условиям. Узкое обывательское мышление игнорирует понятия общественной пользы, интересов народа. Или польза для меня, или вообще отрицание полезности как чего-то низменного, недостойного «истинной» интеллигентности. Внутри такой ложной антитезы и странствует мещанское сознание с его однобоким, пристрастным взглядом на мир.

Понятие пользы, рассматриваемое широко, как общественная польза, придает смысл и цель человеческой деятельности, практике, в том числе и производству. В. И. Ленин в конспекте «Науки логики» Гегеля заметил: «Почему от практики, действия переход только к

„благу“... Это узко, односторонне! А *полезное*? Несомненно полезное тоже входит» (31, 193). По Ленину, таким образом, из понятия «благо» ни в коем случае нельзя исключать *полезное*, то есть все, что отвечает определенным потребностям, запросам общества.

Опираясь на ленинское понимание полезности, чуждое как бентамовскому утилитаризму, так и высокомерному пренебрежению пользой, А. В. Луначарский ввел даже понятие «социалистический утилитаризм», чтобы подчеркнуть противоположность научного понимания вопроса рассуждениям мещанской интеллигенции о «низменности» самого понятия «польза». Но, конечно, это утилитаризм особого рода, не имеющий ничего общего с мещанским эгоизмом. «Социалистический утилитаризм,— писал Луначарский,— следует отличать от мещанского, которому свойственны вершковые и грошовые черты. У нас каждая польза, даже самая маленькая, связана в конце концов с гигантской полезностью — именно с социалистическим строительством во всем его целом» (83, 486).

Безусловно, в понятии «полезность» есть и общечеловеческое содержание, отражающее единство человечества и существование проблем глобального характера: сохранение мира на земле, освоение новых видов энергии, сохранение природных ресурсов, борьба с болезнями и голодом, рост народонаселения. Но эти глобальные проблемы и оценка полезности или вреда тех или иных действий с точки зрения всего человечества никак не отменяет классового подхода к оценке полезности.

Не стирается грань между эгоизмом и коллективизмом, между полезностью только для себя и полезностью для себя и для общества. Такая противоположность мелкобуржуазной, мещанской и социалистической, коллективистской оценок полезности отчетливо проявляется в области отношений между вещами и людьми, за которыми стоят чисто человеческие отношения.

Вещи и люди: деформация потребления

Неприятие иссушающей душу, уродливой погони за вещами, призыв сохранить человеческое в человеке имеют давнюю историю, можно сказать античную традицию. Известны гневные обличения Сократа в его речи на суде, воспроизведенной Платоном в «Апологии Со-

крата». Великий мыслитель обвинял афинских граждан в том, что жажда денег и вещей вытеснила в их душах представления о нравственности и красоте. Эти же мотивы презрения к миру вещей звучали и в суждениях Диогена, всей школы киников.

В эпоху Возрождения флорентийский монах Савонарола призывал к равенству, требовал облечь людей в суровые однотонные одежды, вернуться к простой, не знающей соблазнов жизни, бросить в огонь картины и книги, изгнать с улиц карнавалы. Осуждение богатства и призыв к суровой аскетической бедности — все это привлекало народ к проповеднику. Его друзьями были великие художники Микеланджело и Боттичелли, которые также осуждали роскошь, суетное тщеславие, выставленное напоказ богатство.

Английский писатель XX века Честертон справедливо отмечал, что Савонарола первым выступил против «безбожной неблагодарной сытости», против тех, кто «пожертвует страной и вечностью ради минутных удовольствий», против «довольства», с которым кончаются и радость, и печаль. Однако религиозный аскетизм отвлекал людей от истинных причин их бедствий.

На ранних этапах развития капитализма незрелые выступления против буржуазной эксплуатации проявлялись в ненависти ко всем материальным формам этого строя, «вещам», начиная с машин и кончая утварью и одеждой.

Яростное уничтожение станков английскими луддитами и беспощадные отрицания предметов быта и искусства революционерами из ремесленников и мелких торговцев в германских городах — это явления одного порядка. Бунт против вещей свидетельствовал о непонимании социальной природы отношений между людьми, составляющих основу буржуазного, да и любого другого строя. Многие отождествляли революцию с уничтожением домов, дворцов, парков, мебели, стекла, а самих революционеров — с мрачными фанатиками в рубищах. Призывы различных проповедников, называвших себя революционерами, к бедности основывались на глубоко ошибочной предпосылке, будто бы бедность сама по себе революционна. Естественное стремление людей все полнее удовлетворять свои потребности и в конечном счете жить лучше считалось противоречащим идеям и целям революции, объявлялось буржуазным и мещанским.

Маркс решительно воевал с такими примитивными

попытками мелкобуржуазных идеологов отождествить бедность и аскетизм с революцией.

Так, например, французский анархист П.-Ж. Прудон писал, что «бедность есть благо, и мы должны рассматривать ее как принцип наших радостей». То же самое утверждали в России Сергей Нечаев, в Германии Вильгельм Вейтлинг, ненавидевшие современное им несправедливое устройство жизни. Но, осуждая порядки и отношения людей, они вместе с тем осуждали и сами вещи. Будущая жизнь рисовалась Прудону и Вейтлингу совместной жизнью одинаково не имеющих собственности, одинаково бедных, одинаково работающих и одинаково одетых людей. Ни искусству, ни разнообразным вкусам личности здесь места нет: всем все поровну, и все одинаково.

Такой принудительно аскетический образ жизни Маркс отвергал, называя его «казарменным коммунизмом». Он писал, что «это возврат к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека». Научный коммунизм ничего общего не имеет с грубой уравнительностью, призывами к нарочитой бедности и принципиальному аскетизму. По своему существу научный коммунизм — глубоко гуманистическое учение, направленное на непрерывное улучшение жизни людей.

Новое общество, говорил Владимир Ильич Ленин еще в начале нашего века, создается для удовлетворения человеческих потребностей, для всестороннего и свободного развития всех членов общества. И если в определенные периоды истории социалистических обществ приходится идти на сознательное и неизбежное ограничение своих потребностей, то это временное явление не следует идеализировать и считать нормой жизни, эталоном революционности.

Отсюда следует существенный для обоснованной борьбы против мещанской психологии вывод: нельзя осуждать те или иные вещи, рассматривать их как символы мещанства, с недоверием относиться к естественному стремлению людей жить лучше, призывать к уравнительности, принудительному самоограничению.

Важная, хотя и не единственная, сторона проблемы отношения к предметному миру, в котором живет человек, в том числе к вещам: цель они или средство? Конечный предел мечтаний, фетиш, предмет поклонения или только элемент быта, одежды, того, в чем проявляются склонности человека, его вкусы? Содержание жизни или ее преходящая форма? Таков пробный камень, отделяю-

ший мещанское отношение к вещам от нормального, естественного, истинно человеческого. Мещанство начинается тогда, когда потребление окружается ореолом поклонения, представляется в качестве смысла и цели жизни, довлеет над духом. Но в этом качестве естественный феномен потребления превращается в феномен потребительства. Если нормальное потребление служит интересам физического и интеллектуального развития человека, то потребительство подавляет и закабальет его.

Реальный рост потребления определяется не только новыми возможностями материального производства, зависимиыми от роста техники, но и закономерным ростом потребностей людей, который носит совершенно конкретный социально обусловленный характер.

«...Развитие капитализма,— писал В. И. Ленин,— неизбежно влечет за собой возрастание уровня потребностей всего населения и рабочего пролетариата. Это возрастание создается вообще учащением обменов продуктами, приводящим к более частым столкновениям между жителями города и деревни, различных географических местностей и т. п. К этому же приводит и сплоченность, скученность рабочего пролетариата, повышающаяся его сознательность и чувство человеческого достоинства и дающая ему возможность успешной борьбы против хищнических тенденций капиталистических порядков. Этот закон возвышения потребностей с полной силой сказался в истории Европы: сравнить, например, французского пролетария конца XVIII и конца XIX века или английского рабочего 1840-х годов и современного. Этот же закон проявляет свое действие и в России: быстрое развитие товарного хозяйства и капитализма в пореформенную эпоху вызвало и повышение уровня потребностей «крестьянства»: крестьяне стали жить «чище» (в отношении одежды, жилища и т. п.) (8, 101—102).

В соответствии с законом возвышения потребностей происходит непрерывное усовершенствование, усложнение, качественное улучшение быта людей. В сферу их предметного окружения включаются все новые и новые вещи, предметы быта, досуга, транспортные средства. И этот закономерный процесс неоднозначно воспринимается не только в разных социальных условиях, но и разными людьми в условиях одного и того же строя, в том числе и социалистического.

К одному из проявлений деформированного потребления может быть применено гегелевское выражение «дурная бесконечность». Этими словами немецкий фи-

лософ обозначал простое количественное приращение, типа ряда натуральных чисел. Вот такой поистине «дурной бесконечностью» является непрерывная, не знающая предела и разумного смысла погоня за вещами, характерная для людей, захваченных идеей потребительства. Непрерывно совершенствуется легкая промышленность, производящая одежду, предметы быта, ежегодно появляются все новые и новые марки, фасоны, разновидности этой продукции. Когда человек сосредоточивает все усилия, волю, настойчивость, мечты, планы, направляя их в одну сферу — материального потребления, то он неизбежно превращается в придаток вещей.

Превращение желаний и способов их удовлетворения в смысл и цель жизни неизбежно ведет к опустошению человека, к бездуховности, так как поглощает время, силы, умственную энергию. Казалось бы, цель достигнута — сверхмодная вещь приобретена, но победа эфемерна. Проходит несколько месяцев, один сезон — и все должно начинаться сначала. То, что было модно вчера, устаревает сегодня, и так бесконечно. Жизнь человека на какой-то короткий отрезок времени соотносится с непрерывным движением промышленности и торговли, не доставляя ни глубокой радости, ни подлинного удовлетворения, ибо всегда возникает новый вопрос: а что же завтра? В этом бездумном стремлении отчетливо проявляется одна из первых, определяющих и неотъемлемых (но далеко не единственных) черт мещанства — его внутренняя ограниченность, обращенность только к своим узко понятым, корыстным и мелочным интересам при полном безразличии к окружающему миру, к духовным ценностям, к другим людям.

Мелкий буржуа, мещанин, как правило, уверен в своей непогрешимости, правоте, но неуверен в прочности своего существования. И он компенсирует эту неуверенность лихорадочной активностью в каком-либо одном направлении. Например (частный случай), накапливая деньги. Бережливость — прекрасная черта, но накопительство, ставшее смыслом жизни, превращает человека в однобокое, одномерное существо.

Критика собственнической, в том числе и мелкособственнической, психологии и выражающего ее реального поведения была дана К. Марксом в его ранней работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Собственник экономит, собирает деньги, но, как точно подметил К. Маркс, «экономить ты должен не только на своих непосредственных чувственных потребностях, на

еде и прочем, но и на участии в общих интересах, на сострадании, доверии и т. д.; во всем этом ты должен проявлять максимальную бережливость». При такой установке бережливость оборачивается самоограничением в главном, максимальной «бережливостью» в человеческих чувствах, доверии к людям, участии в их делах, вообще во всем, что выходит за рамки единичного замкнутого существования.

Маркс конкретно и образно раскрыл сам механизм, процесс перерождения человека, зараженного мелко-собственнической, мещанской идеей накопления ради накопления. «... Чем меньше покупаешь книг,— писал он,— чем реже ходишь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, фехтуешь и т. д., тем больше ты *сберегаешь*, тем *больше* становится твоё сокровище, не подтачиваемое ни молью, ни червем,— твой *капитал*. Чем ничтожнее твоё *бытие*, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твоё *имущество*, тем больше твоя *отчужденная* жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности». (6, 131).

В этом развернутом образном определении выражена как бы общая модель деградации человека-накопителя. Она применима и к буржуазному и мелкобуржуазному накопительству, и к последствиям любых других форм отчужденной жизни, лишенной истинно человеческой сущности. Мещанин, к примеру, может не накапливать деньги, в отличие от скопидама-одиночки, покупать книги, ходить в театр, на балы, но при этом оставаться мещанином, чистым потребителем, замкнутым только в своем мирке, в своих удовольствиях, с прямой установкой — пользоваться всем, не давая людям ни участия, ни сострадания, ни доверия.

Во всех многообразных формах потребительской ориентации, характерной для мещанского сознания, исчезает подлинно человеческая сущность. В роли заменителя выступает капитал или его эквиваленты — вещи, книги, как объект вложения денег и накопления. Потребительская ориентация может проявляться и в усложненных формах так называемого престижного потребления, когда стремление быть не хуже других опирается на мещанские эталоны, становится самоцелью. Тогда и книги, и посещение премьер, вернисажей не является внутренней духовной потребностью, а лишь погоней за признаками престижности (86).

На этой основе складывается еще одна из особенно-

стей мещанства как социального и психологического явления (и соответственно особенность мироощущения и поведения людей) — парадоксальное сочетание необычайной подвижности оценок, вечной погони за модой в вещах и идеях с внутренней тяжеловесной приверженностью к определенным устоям, канонам, устаревшим жизненным установкам и обычаям.

На всех стадиях своего развития мещанское сознание характеризуется крайне ограниченным жизненным миром человека. Носитель мещанского сознания как бы замкнут в железном обруче, скован в своих целях, идеалах, поступках. Это может быть погоня за вещами, за должностями и званиями, престижными знаками культуры, либо чисто внешний вызов «городской цивилизации», подчеркнутая близость к «почве» и «истокам». Но во всех случаях — это эгоистический порыв, обращенный только к себе при полном безразличии к тому, чем живут другие люди. Мещанин находится в плену созданных им фетишей, предметов поклонения, которые закрывают ему мир, сужают до предела горизонт его видения.

Очень точную и глубокую характеристику этого аспекта мещанского мироощущения дал выдающийся советский режиссер Г. А. Товстоногов в поставленном им по пьесе М. Горького спектакле «Мещане», а также в теоретическом осмыслении своего замысла. В статье «О „Мещанах”» Товстоногов совершенно справедливо замечает, что опасная сущность мещанства состоит в том, что «люди придумывают себе фетиши и слепо верят в их незыблемость, не видя за частоколом понятий подлинной реальности жизни. А добровольное рабство делает человека ограниченным, лишает его способности вырваться из-под власти мертвых схем и канонов, глухой стеной замкнувших, замурававших его в рамки собственной закостенелости...» Такое «добровольное рабство» и превращает жизнь людей мещанского типа в «полнейший абсурд и бессмысленность», «они — в круговороте мертвых понятий... уцененных ценностей, иллюзорных, придуманных отношений». Режиссер подчеркивает, что в постановке пьесы Горького главным для него было «найти круг наваждения, в который попали эти люди (герои пьесы. — Авт.) и который сделал абсурдным само их существование», раскрыть «эти замкнутые круги, по которым они мечутся вхолостую» (103, 131—132).

В спектакле Ленинградского Большого драматического театра нет традиционного нагромождения на сцене

предметов провинциального мещанского быта. Но один-два предмета в комнате Бессеменовы — это не просто служащие человеку вещи. Они, как объясняет сам Г. Товстоногов, «существуют... как демонстрация, символ могущества и незыблемости его домашнего царства». Часы, шкаф в этой квартире неудобны, бессмысленны, но они — «символ», к ним надо проявлять особое внимание, и люди прикованы к ним. Спектакль ярко и глубоко высветил обезличивающую силу и цепкость мещанства, противопоставил ему здравый смысл рабочего человека — машиниста Нила.

Мещанство невозможно понять, не выявив соотношения человека и мира вещей. Дело в том, что вещи, окружающие человека (одежда, обувь, мебель), живут как бы двойной жизнью. Они служат людям, укрывают их от холода, дождя, снега, помогают есть, спать, работать, отдыхать. Одновременно они являются знаками, при помощи которых люди узнают друзей и недругов, безошибочно определяют, кто откуда, чем занимаются, сколько получают денег, умные или глупые обладатели вещей, думающие или пустые, поверхностные...

Многие века каждый класс, каждое сословие имели свои определенные признаки в одежде. Если бы в дворянское собрание старой России вошел крестьянин в лаптях, в зипуне, в мятой нахлобученной шапке, это было бы воспринято как потрясение основ, землетрясение. Впрочем, такое же, как если бы барин во фраке или придворном мундире камергера стал убирать навоз на конюшне или молотить рожь. Чтобы стать неузнаваемой, молодая дворянка-барышня в прошлом веке переодевалась крестьянкой. И этого было вполне достаточно, чтобы скрыться от родных и знакомых, стать инкогнито даже без карнавальной маски. Порывая с людьми своего круга, человек прежде всего менял одежду.

Ученые-этнографы подробно описали историю быта старого русского села Вирятино Тамбовской области. «Приезжая из Донбасса,— пишут они,— шахтеры-сезонники выходили уже пахать не в лаптях, а в сапогах, несмотря на возражения стариков-родителей. Праздничный костюм вирятинцев-отходников напоминал одежду мастеровых, приказчиков и другого мелкого городского люда, с которым им приходилось сталкиваться и вкусы которого для них были образцом».

Разбогатевший крестьянин, чтобы быть похожим на купца, надевал жилетку, цеплял часы с цепочкой по всему животу, натягивал галоши на высокие русские сапо-

ги. Все это являлось признаком не только достатка, но и приобщения к городской жизни.

Современный капиталистический мир внешне далек от подобных конкретных примет быта и оценок людей по «одежде». Однако неправомерная власть вещей не только сохранилась, но и приобрела утонченные и часто гипертрофические формы. Поэтому борьба против мешанских взглядов и оценок, конечно, должна учитывать возросшую роль вещей, базироваться на четких основаниях. Необходимо полностью отказаться от ханжества, от показной благопристойности, фальшивого аскетизма. Нельзя критиковать крайности моды с позиции антимоды, нельзя отвергать «вещизм» с позиций отрицания естественного желания людей жить в более комфортабельных условиях, красиво одеваться, обладать теми или иными вещами, которые нравятся, привлекают внимание своей новизной, нарядностью, а не только функциональной полезностью.

«Вещизм» и «антивещизм» — явления одного порядка, несмотря на кажущуюся противоположность, они по существу одинаково оценивают роль вещей в жизни человека, отрывая их от нравственных, эстетических аспектов жизни.

Стремление строить лучшие дома, прокладывать благоустроенные улицы, шить красивую одежду всегда неотделимо от прогресса. Если непрерывно совершенствуется техника, один инструмент заменяется другим, нынешняя машина — новой, лучшей, то почему же дома, одежда, мебель должны ставаться неизменными? То, что они непрерывно изменяются и люди стремятся к их усовершенствованию, вполне естественно. В этом нет ничего заслуживающего осуждения.

Подчас слово «мода» употребляется одними в понимании высшего счастья в жизни, другими — для отрицательной оценки. «Модно одет» — значит, интересный, умный, современный человек. Или наоборот: «Модно одет» — нехорошо, значит, пустой человек. В таких случаях, не поддаваясь гипнозу слов, следует обратиться к науке. Только она дает возможность увидеть за внешним проявлением внутреннее содержание, самую суть.

Законы моды изучают разные науки — социальная психология, социология, эстетика, история искусств.

Еще в начале столетия немецкий социолог Г. Зиммель говорил о том, что следование моде, подражание моде определенным образом как бы освобождает человека от мучительного выбора. В моде, писал Зиммель,

Практические удобства соединяются с уверенностью во всеобщем одобрении. Конечно, мода закрепляет определенный стандарт, то есть все одеты примерно одинаково, примерно одинаковы мебель и другие вещи, окружающие нас.

Прав известный польский ученый Т. Котарбинский, который заметил, что подчинение системе в одной области освобождает время, усилия человека в другой области. «Можно смело сказать,— писал он,— что автоматизация поведения в одних отношениях является условием активизации в других». И это, безусловно, верно и применительно к современной моде, которая отличается простотой, удобством, ибо ее создают специалисты-художники, инженеры-конструкторы, врачи, режиссеры. Мода освобождает человека от необходимости ломать голову над решением в общем-то неглавных вопросов.

Таким образом, не вещи противостоят людям и не люди вещам. Между ними конфликта нет. Друг другу противостоят разные люди — рабы вещей и люди свободные. Свобода-то здесь как раз и состоит в том, что сам человек выбирает жизненную позицию, а не бездумно подчиняется односторонним суждениям. Обычная ошибка мышления — впадать в крайности, частные случаи, особые, чрезвычайные ситуации представлять как общие явления и рассуждать по схеме: или аскетизм, или мещанство, подчинение вещам.

Мода, весьма необходимая и, как правило, рациональная, становится препятствием нормальному и естественному развитию человеческой личности, если она превращается в основу стиля жизни, распространяется на сферу человеческих отношений, морали, эстетических оценок. Это прямой путь к опасной форме мещанства.

Тогда в разряд «немодных» попадают скромные, совестливые люди, будь то молодые, верящие в честный труд и справедливость, или старики, приверженные идеалам своей молодости. «Немодными» могут оказаться реликвии, что напоминают о скромности, готовности к самопожертвованию. «Немодными» иногда оказываются и традиционные формы досуга, простота быта, бесхитростные обычаи, которые складывались веками, книги и музыка без выкрутас и т. д.

В разряд модных, правда, могут попасть не только вещи и явления, отмеченные печатью самого новейшего времени, но и атрибуты ушедшего быта — иконы и прялки, стихи и гравюры прошлых веков. Но в таких случа-

ях эти вещи не одухотворены, не наполнены искренней человеческой привязанностью. Такая мода — всегда на показ, обращена к какой-то группе людей, для которых модная вещь или увлечение будут предметом восхищения и зависти.

Закономерным результатом такого поверхностного подхода к явлениям окружающей жизни становятся безразличие к людям, оценка их с позиций чисто утилитарных, пренебрежение к социальным ценностям и традициям народа.

Значительную роль в развенчании мещанских идеалов играет нравственно-философская проза, посвященная многим проблемам современной жизни. Известно, что за последние десятилетия коренным образом изменился весь уклад жизни многих миллионов людей, отправившихся из сельской местности в города. Сколько здесь возникло коллизий, как труден был переход от вековых, сложившихся традиций труда и быта к новому бытию; какие соблазны ожидали на этом трудном пути! Такие писатели, как Федор Абрамов и Виктор Астафьев, Василий Белов и Евгений Носов, Василий Шукшин и Валентин Распутин, сильно, художественно убедительно показали непримиримое противоречие настоящей народной нравственности, трудовой морали русского крестьянина и мещанской плесени убогих, но ловких людей, у которых нет ничего святого за душой, готовых ради золотой побрякушки или модной мебели забыть и родных, и отчий дом, и землю, где родились и выросли.

В произведениях советских писателей проходят десятки людей — мужчин и женщин, оторванных от сельского быта, но не нашедших места и в городе. Они восприняли в нем чисто внешнюю, вещную форму — развлечения, ресторан и заграничную одежду. В лучших произведениях этих авторов звучит, конечно, не осуждение города, а осуждение мещанского, потребительского начала, опустошающего человека, вовлекающего его в бессмысленную гонку за вещами, однообразными стандартными увеселениями. Мечется Алька, героиня одноименной повести Федора Абрамова. Тысячи духовных нитей связывают ее с родной деревней, с нелегким трудом людей, с памятью о матери, но соблазны мещанской «красивой жизни» цепко держат молодую и способную женщину. Найдет ли она в себе силы порвать эти цепи и вновь стать свободным уважаемым человеком?

Собственническая страсть вытравляет в человеке все доброе и человеческое. Герой яркой повести А. Скало-

на «Живые деньги» таежный охотник Аркенья в погоне за соболиными шкурками предает двух своих собак — четвероногих друзей, преданно служивших ему. Он бросает их в тайге на верную гибель и, сидя в кабине вертолета, смотрит вниз, немного жалеет оставленных животных, но впереди деньги... Читатель отчетливо может представить себе, что этот человек так же, не задумываясь, перешагнет и через другого человека, сперва далекого, а потом и близкого — ради денег.

Советская литература художественно отобразила все формы и приспособительные реакции мещанства в различных социальных условиях. Персонаж пьесы Михаила Рощина «Старый Новый год» интеллигент Полуорлов, отгородившийся от мира закрытыми шторами, зажженными свечами, безразличный ко всему, кроме убогого самолюбования, ничуть не лучше своего соседа по дому рабочего Себейкина, который превратил квартиру в склад ненужных вещей, но продолжает хватать все без разбора, гребет под себя.

В этом же ряду образованные мещане — действующие лица произведений Ю. Трифонова «Обмен», В. Липатова «И это все о нем» и «Игорь Саввович», С. Залыгина «Южноамериканский вариант». Всех их объединяет гипертрофия стяжательства, собственничества, полного общественного равнодушия, цинизма, прикрываемых красивыми словами. Этот коллективный портрет современного мещанства свидетельствует о том, что литература в обличении данного явления опередила социологию.

Братья Стругацкие, авторы известных социально-фантастических романов, удачно назвали мещанина, выросшего в сфере научно-технического прогресса, в условиях массового производства и бесконечного поглощения потребительских товаров, не регулируемого никакими идейными, нравственными регуляторами, «сытым невоспитанным человеком». Насущная общественная задача в том и состоит, чтобы ослабить рост этих «сытых невоспитанных людей», развенчать их мнимые ценности, предостеречь от мещанства, приспособляющегося к меняющимся условиям жизни.

Механизм распространения рецидивов мещанства в условиях социализма далеко не прост. Здесь не может быть названа какая-то одна причина, нет однозначного объяснения, ибо мещанство — явление сложное. В нем пересекаются и экономические, и социально-психологические, и нравственные факторы. В поддержании мещан-

ских тенденций заинтересован буржуазный мир. Сказываются и остатки чуждых традиций. Но ограничиваться констатацией этих фактов недостаточно. Глубина опасности мещанских настроений в том, что они проявляются подчас у совсем молодых людей.

Действительно, в условиях социализма непрерывно повышается материальное благосостояние народа за счет роста заработной платы, общественных фондов. Объективным показателем возрастающего благосостояния советских людей является непрерывно увеличивающийся спрос на различные товары и услуги. В этом находит отчетливое выражение сущность социализма, высшая цель Коммунистической партии — благо народа. Марксисты решительно отвергают нарочито аскетические опасения догматиков и левых ревизионистов о том, что рост материального благосостояния якобы неизбежно ведет к утрате революционности и к буржуазно-мещанскому перерождению. Сама действительность реального социализма опровергает эти необоснованные опасения и извращенные представления о социализме (85, 110—112).

Развитие и совершенствование материальной жизни общества, как процесс объективный, всегда совершаются в определенной духовной атмосфере. Поэтому изменения в материальной жизни общества воспринимаются неодинаково различными слоями общества, не говоря уже об отдельных индивидах. Особую роль здесь играют уровень культуры, традиции, принятый стиль жизни, степень влияния буржуазного мира, ценностные установки, ориентации личности. Наряду с верным восприятием этого процесса большинством общества могут быть и отклонения, главным образом из-за смещения интересов личности в плоскость потребительскую.

Иногда такое смещение интересов может проявляться в том, что обладание вещами и доступность определенных благ и услуг начинают восприниматься как цель и смысл жизни. Происходит деформация психологии личности, все стремления и цели вытесняются одной — потреблением вещей и услуг. Эта тенденция превращается в прямой рецидив мещанства, когда потребление становится престижным. Когда, например, та или другая вещь (мебель, одежда, автомашина) или возможность первоочередного посещения концертов знаменитостей, театральных премьер, вернисажей, поездок на известные курорты превращаются в социальный знак из-

бранности, в средство приобщения к определенному кругу и отдаления от других людей.

Росту мещанской, мелкобуржуазной психологии может способствовать, во-первых, временный дефицит некоторых товаров. Именно в условиях дефицита создается особо питательная среда для эгоистического, престижного потребления, когда стремление «достать», «заполучить» труднодоступную вещь или услугу превращается у отдельных людей в смысл существования. Здесь на первый план уже выступают не чисто материальные, денежные возможности, но связи, знакомства, подчас служебное положение. Дефицит, конечно, в не малой мере создает почву для роста потребительских мещанских настроений и идеалов, стимулирует приобретательскую активность, вовлекая людей в круговорот суеты, так как огромный внутренний рынок пока еще не насыщен в полной мере товарами, материальными ценностями в количествах, которые соответствовали бы растущим потребностям людей. Временный дефицит товаров может быть устранен и будет устранен по мере роста производительности труда, выполнения курса КПСС и Советского государства на максимальное удовлетворение материальных и культурных запросов народа.

Хотя дефицит и подогревает приобретательское рвение, создает для него благоприятную атмосферу, этот недуг поражает лишь сравнительно небольшую часть общества. Более того, основная масса рабочих, колхозников, интеллигенции совершенно независима от пресловутого дефицита, который лишь способствует рецидивам мещанства, но никак не порождает их. Совершенствуя систему распределения, торговли, работу сферы обслуживания, наше общество по справедливости уделяет главное внимание преодолению идейных истоков мещанства — безыдейности, мелкобуржуазных, собственнических взглядов и жизненных установок, вызывающих любые чуждые представления и нравы.

Во-вторых, рецидивам мещанства, распространению мещанской психологии, элементов мещанского, мелкобуржуазного образа жизни может способствовать появление и в условиях социализма некоторых людей, уровень жизни которых не зависит от размеров заработной платы. Открытая или скрытая спекуляция, злоупотребление служебным положением и нарушение социалистических принципов производства, торговли, работы предприятий бытового обслуживания нередко используются корыстолюбивыми людьми для своего обогаще-

ния. Помимо экономического урона государству при этом наносится ощутимый нравственный и политический урон обществу, ибо среди неустойчивых элементов возникают ложные представления о ценностях жизни, об отсутствии прямой связи между затраченным трудом и уровнем жизни.

Живучести мещанской психологии, мещанского стиля жизни способствует, в-третьих, и ослабление борьбы с ними и условиями, порождающими их. Если стяжательство, протекционизм, кумовство не встречают достаточного противодействия, они могут рассматриваться незрелыми людьми как заманчивая форма жизни, как пример для подражания, что ведет к активизации мещанской идеологии и психологии.

Чтобы преодолеть мещанскую психологию и мораль, нужно неуклонно проводить в жизнь основные принципы социализма в сфере труда, распределения, потребления, осуществления всех конституционных прав советских граждан в условиях развитого социализма (права на труд, образование, жилище, медицинское обслуживание). «Предметом особого внимания партии,— говорилось на XXVI съезде КПСС,— была и остается **сфера распределения**. <...> Главным критерием распределения при социализме может быть только труд — его количество и качество» (43, 58—59).

Для полноты анализа мелкобуржуазной философии жизни потребуется рассмотреть и такие понятия, как престижность и стиль жизни.

В плену ложной престижности

Стиль жизни: сущность и видимость

Для того чтобы постичь природу и сущность мещанства вообще, в том числе и его отдельные проявления в условиях социализма, представляется важным уточнить понятие «стиль жизни». Это понятие, привлекающее внимание исследователей, позволяет выявить некоторые стороны человеческих взаимоотношений, которые не зафиксированы в других понятиях.

Одна из содержательных книг, посвященных проблеме стиля жизни,— «Стиль и цивилизация» — принадлежит американскому социологу А. Л. Креберу. В ней дана обстоятельная, хотя несколько формальная и абстрактная, характеристика стиля жизни. Главной чертой, характеризующей стиль, здесь выступает специфическая функция, которая относится не к сущности, а к способу выражения, проявления чего-либо. Кребер показывает, что основные значения термина «стиль», во-первых, касаются формы как противоположности субстанции, способа как противоположности содержанию. Во-вторых, предполагается определенное постоянство форм. В-третьих, связанные друг с другом формы, образующие стиль, объединяются в серию родственных систем.

В работах исследователей социалистических стран на основе анализа значительного эмпирического материала, обобщающего наблюдения над особенностями жизненного поведения различных социальных групп, показано, что стиль жизни опирается прежде всего на объем и формы повседневной активности человека, присущие его общественному положению. В стиле жизни непосредственно проявляется именно повседневное поведение социальных групп, слоев общества и отдельных индивидов. Стиль жизни рассматривается как более узкое по-

нятие, чем образ жизни, который характерен для общества в целом или для его крупных частей, социальных групп.

Некоторые авторы справедливо рассматривают образ жизни как категорию, характеризующую объективные моменты человеческого существования, а стиль жизни — как субъективное человеческое поведение. Иначе говоря, в стиле проявляются особенности деятельности человека, затрагивающие сферу потребления, свободное время, отношение к культуре. Образ жизни всех социальных групп нашего общества в принципе является единым. Но различия в стиле жизни, как между классами, так и внутри классов, безусловно имеются. Достаточно сравнить стиль жизни рабочих крупного современного объединения и маленькой мастерской, совхоза и рыболовецкого траулера, агронома и артиста. Стиль жизни охватывает особенности общения, воспитания, манеру одеваться, разговаривать, вести себя в обществе.

Конечно, при таком подходе стиль жизни далеко не равнозначен образу жизни, охватывающему всю жизнедеятельность человека, ее проявления во всех сферах — от производства до духовной культуры. Существеннейшей сферой образа жизни выступают ценности политического, социального, духовного порядка, которыми руководствуются члены данного общества в процессе своей многогранной жизнедеятельности.

Несмотря на то что стиль жизни может в известной степени служить показателем социальной позиции индивидов и целых социальных групп, он никак и никогда не может определять лицо общества в целом, тем более не может быть критерием социального расслоения, деления общества на классы. Стиль жизни есть производное от классового деления, более широко — от всей социальной дифференциации. Не потому данный человек принадлежит к данному классу или социальной группе, что его стиль жизни соответствует нормам и стандартам этой группы с точки зрения костюма, досуга, культурных интересов и запросов, манеры говорить, а наоборот, в стиле жизни опосредствованно отражаются глубинные связи, классовая принадлежность, корни которой лежат в сфере социально-экономической, в отношении к средствам производства.

Марксистское понимание сущности социальной структуры, таким образом, принципиально отличается от тех, которые функционируют в буржуазной социологии и связаны с идеями теоретиков социальной стратифика-

ции. Так, например, М. Вебер, Т. Веблен, У. Уорнер рассматривали стиль жизни, по существу, как главный классовообразующий признак, как источник социальной неоднородности общества. Манера одеваться, проводить досуг, в особенности форма и размер потребления, по их мнению, служат основой различий между людьми, отличают «своих» от «чужих», сплачивают людей в определенные социальные группы, жесткие границы между которыми трудно преодолимы.

Стремясь скрыть коренную классовую противоположность в капиталистическом обществе, непримиримость классов, буржуазные идеологи в полной мере используют понятие стиля жизни. Они произвольно группируют людей по месту их проживания, уровню образования, манере одеваться, по характеру проведения досуга, в то время как главный признак, объективный показатель — отношение к собственности — замалчивается, не учитывается.

Конечно, влияние стиля жизни весьма существенно в условиях современного буржуазного Запада — в США, особенно в Англии. Там пользуются шкалой оценок чисто бытового характера, вплоть до мельчайших деталей одежды, фирменного знака того или иного магазина, характера досуга (посещение концертов или оперы, крикет или футбол, теннис или бокс), марки машины, размеров газона перед домом и т. п. По этим, часто неуловимым признакам судят о месте человека на социальной лестнице, в бюрократической машине, или о том, «сколько он стоит», каковы его доходы.

Подобная градация стилей жизни является питательной средой для мещанства, распространения его ценностей и критериев, искусственно построенных не на человеческой, а на вещной основе. На деле не эти признаки, образующие материальное облачение стилей жизни, разделяют или объединяют людей. Рабочий высокой квалификации, как бы он ни стремился усвоить в одежде, характере досуга, типе жилища все признаки стиля жизни инженера, служащего, даже бизнесмена «среднего класса», все равно остается пролетарием, эксплуатируемым работником. Он лишен собственности на средства производства, а следовательно, и возможности реально участвовать в организации труда, в управлении производством, не говоря уже о других сторонах общественной жизни. Но при поверхностном взгляде на мир кажется, что стиль жизни и выражает главное в человеческих отношениях.

Подмена сущности явлением, глубинных характеристик — чертами стиля жизни всегда служит почвой, на которой расцветает мещанское сознание. «Казаться, а не быть», усвоить черты стиля жизни той или иной группы, чтобы не выделяться из нее, но отличаться от «чужих», «не своих», «низших», — таковы принципы мещанства, присущие разным его носителям, в том числе и в социалистическом обществе.

В условиях социализма нет социальной базы для мещанства. Рабочий класс, колхозное крестьянство, народная интеллигенция чужды мелкобуржуазной идеологии, не могут быть ее носителями. Однако рецидивы мелкобуржуазной, мещанской психологии, мещанства как стиля жизни, могут здесь появляться и существовать как явление принципиально чужеродное социализму. В этом случае мещанство функционирует не как идеология (нет ее носителя, адекватной социальной группы), не как образ жизни (господствует образ жизни, характеризующийся коллективизмом, дружбой всех наций и народностей, нравственным здоровьем), а именно как стиль жизни, с его нестойкими, часто аморфными и преходящими характеристиками, с определенным отношением к вещам, услугам, развлечениям.

Отметим, что стиль жизни не может отождествляться не только с образом жизни, но и с уровнем жизни, который представляет собой конкретно-историческую характеристику возможности социальных групп общества пользоваться определенными благами, услугами. Уровень жизни советских людей непрерывно растет, и этот рост выражается качественными и количественными показателями — повышением средней заработной платы при сохранении стабильных цен на основные продукты питания и услуги, ежегодным вводом в строй новой жилой площади, более полным удовлетворением потребностей людей в развитии культуры, полноценном досуге. В этом объективном показателе выражен характерный для социализма непрерывный рост культуры и цивилизованности народа при отсутствии безработицы, растущих общественных затратах на образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение.

Между уровнем жизни и стилем жизни существует определенная связь. Один и тот же уровень жизни открывает возможности для существования разных стилей жизни. Деньги, которые остаются у людей после затрат на жизненно необходимые нужды, могут быть израсходованы по-разному — и на ненужные, необязатель-

ные, но престижные, по мещанским понятиям, вещи, и на алкоголь, и на книги, и на путешествия, и на посещение театров, концертов. Структура расходов, напрямую определяемых уровнем жизни, зависит от принятого, сложившегося в данной среде стиля жизни. Сам же стиль жизни, как мы выяснили, определяется принятой в данной среде системой и шкалой ценностей, а также характером воспитания, степенью связи с трудовыми коллективами, степенью включенности данного индивида (семьи, социального слоя) в коллективную, общественно полезную деятельность.

Таким образом, мещанский стиль жизни может иметь место при различных уровнях жизни. Было бы серьезной ошибкой полагать, что рост уровня жизни, материальных возможностей будто бы автоматически ведет к усилению мещанских тенденций. Здесь никакой постоянной, тем более автоматической связи нет. Усиление мещанских тенденций происходит в том случае, если рост материального благосостояния не сопровождается интенсивным духовным и культурным ростом, развитием духовного мира личности. Чтобы этого не случилось, нужны прочные защитные механизмы против мещанского сознания и поведения, которые могут быть выработаны только в процессе коммунистического воспитания всесторонне развитой личности, подготовки сознательно-го строителя социализма и коммунизма.

Социалистический стиль жизни не имеет и не может иметь ничего общего с каким-либо аскетизмом, насильственным регламентированием склонностей и интересов, бестактным вмешательством в личную жизнь человека, его семьи и дружеского круга. Этот стиль жизни предполагает сознательный выбор духовных ценностей, культурных интересов, определенной структуры потребления, направленности поведения. Не конформизм и стандарт, не стремление «тянуться» за кем-то и казаться «выше», а максимальное развитие индивидуальности, богатство связей с окружающим миром — вот в чем противовес мещанскому стилю жизни. Только на такой основе можно выработать разумное, осмысленное отношение к материальным благам, которые должны рассматриваться лишь как средство, а не как цель, тем более не самоцель. Такой подход не исключает бережного, подчас трепетного отношения к вещам, лишенным материальной ценности, но наполненным определенным духовным смыслом — памятью о людях, о событиях, об ушедших временах и культурах.

Для мещанского стиля жизни характерно инструментальное, прагматическое отношение к людям, которые выступают как средство для приобретения, получения вещей. А вещи уже выступают как цель. Причем вещь может быть целью не только как материальная, меновая стоимость, но и как знак престижа, показатель уровня достигнутых жизненных успехов. Всякое иное отношение к вещам рассматривается современными мещанами как старомодная сентиментальность.

Подход к вещам, утверждаемый социалистическим стилем жизни, предполагает развитие у человека широкого спектра подлинно человеческих целей, интересов, культурных запросов. Образование и культура, техническое творчество и различные формы любительских интересов, спорт и путешествия — бесконечно разнообразен спектр целей личности, ее интересов. Развитие их ломает узкие рамки мещанской шкалы ценностей с ее престижным потреблением.

Черты показной престижности, мещанского стиля жизни метко подметил С. Я. Маршак в стихотворении «Меры веса»: «Писательский вес по машинам они измеряли в беседе: гений — на «ЗИМе» длинном, просто талант — на «Победе». А кто не сумел достичь в искусстве особых успехов, покупает машину «Москвич» или ходит пешком. Как Чехов». Прошли годы. «ЗИМы» и «Победы» сменились «Волгами» и «Жигулями». Но не исчезли еще любители определять вес человека — будь он писатель, ученый или инженер — по маркам личных автомашин или мебельных гарнитуров.

Итак, неотъемлемая черта мещанского стиля жизни — превращение вещей, всех материальных элементов быта из средства в цель, в смысл существования, достижению которого подчинены время, энергия, жизненные усилия и ради которого люди готовы пожертвовать нравственными принципами, склонностями и интересами. Обладание той или иной вещью — от самой прозаичной части туалета до экзотического украшения или предмета старины — выступает здесь как знак, символ определенного положения, как признак принадлежности к определенному кругу избранных, возвышающихся над другими, обычными людьми. Грань, отделяющая естественное стремление человека к обладанию вещью от мещанского вожделения, достаточно тонка и вместе с тем вполне определена. Она проходит не в сфере вещей, совершенно нейтральных по отношению к лицам, а в сфере отношений людей друг к другу, опосредованных

отношением человека к вещи. Мещанский стиль жизни начинается не с обладания вещами, а с деформации духовного мира человека, когда он начинает оценивать других людей сквозь призму отношений к вещам: полезны или бесполезны люди с точки зрения возможности «достать» данную вещь; обладают они этой вещью или нет; относятся ли они к избранным, владеющим аналогичными вещами, или нет.

Молодой писатель А. Ким в повести «Соловьиное эхо» показал нынешних мещан, стремящихся приобрести к быстро меняющимся «современным» стилям: «...все они очень любят комфорт, благополучие, всегда стремятся ухватиться за что-нибудь, пока есть время, и прежде всего за плотные материальные вещи, ибо им не за что больше уцепиться. И, наблюдая за ними, я порою с грустью думаю, что все усилия художников мира, которых я знал, пошли прахом...»

Автор прав, отвергая бездуховных людей и их ничтожные идеалы. Однако усилия мастеров искусства не пропали и не пропадут.

Нетерпимость к мещанству, к бездуховным людям — коренная черта нашей литературы.

Лет двадцать тому назад на сценах многих театров нашей страны шла пьеса известного драматурга Виктора Розова «В поисках радости». Герой ее, мальчик Олег, потерявший отца, связан с семьей Савиных. В семье этой свои представления о жизни, совершенно чуждые Олегу, привыкшему ценить доброту, внимание, честность, верить людям. Вещи вытеснили из семьи Савиных людей. Все подчинено вещам — планы, разговоры, оценки людей. И однажды, потрясенный равнодушием и фальшью, Олег, схватив отцовскую шашку, набросился на эти вещи, как на диких зверей, ожесточенно пожиравших все, что было дорого ему. Он рубил полированный сервант, кресла, все эти декорации самодовольного, сытого дома.

И зал взрывался бурными аплодисментами. Много было в них, в этих волнах горячего сочувствия, идущих из зала на сцену. Острая неприязнь к людям типа Савиных. Вполне объяснимое недоверие к людям, которые отгородились от мира дорогими и красивыми вещами, в то время как подавляющее большинство населения жило еще в условиях довольно трудного послевоенного быта и считало такую жизнь единственно достойной для честного человека.

Прошли годы. Полированная мебель и отдельные

квартиры теперь перестали быть достоянием немногих, символом избранности. Наоборот, те, кто привык заслоняться вещами, считая себя (точнее вещи, которыми владеет) эталоном избранности, уже смотрят на полированные столы и серванты как на безвкусный ширпотреб. Так что же теперь — рубить пресловутые шкафы и вспарывать кресла? В том-то и дело, что не следует ни превращать вещи в цель жизни, предмет гордости, знак избранности, ни отрицать и ненавидеть, тем более уничтожать их. Они сделаны людьми, часто мастерами своего дела, в них овеществлены большой труд, чувства красоты, гордости за настоящую, честную работу. Так что суть не в вещах, а в отношении к ним.

В оценке мещанского сознания необходимо постоянно помнить о родовой черте мещанства — его неорганичности, искусственности. Даже формы досуга, материальные формы бытия являются для него, как правило, привнесенными, заимствованными, сформированными под влиянием различных источников. Это могут быть поверхностно усвоенная иностранная мода или (столь же поверхностно усвоенные) отечественные традиции, часто псевдонародные или вульгаризированные, опошленные до неузнаваемости. Это может быть продиктовано стремлением затмить соседей и знакомых, удовлетворить самое примитивное тщеславие («превзойти всех») или, наоборот, стремлением не выделяться, приспособиться («быть как все»). Традиционная мещанская мечта о том, чтобы сравняться с «вышестоящими», не может осуществиться в сфере интеллекта, духовной культуры и получает свою суррогатную замену в сфере потребления.

Для характеристики мещанского стиля жизни существенно выявить отношение мещанства к труду. Сразу скажем, что для мещанина труд лишен поэзии и несет на себе печать вынужденной необходимости в связи с получением определенной доли материальных благ. Такой труд лишен творческого начала, не увлекает, не захватывает человека целиком. В результате интересы человека, его внутренний потенциал, запас энергии обращены в иные сферы, а труду отводится место второстепенное, если не третьестепенное. Нередко утверждается циничное отношение ко всему, что связано со своей профессией, вплоть до фактически полного безделья на работе, проявляется безразличие к смыслу и общественному результату своего труда.

При этом мещанин отнюдь не синоним бездельника, тунеядца. Он может быть весьма деятельным. Однако активность и деловитость мещанина всегда эгоцентричны, направлены исключительно на поддержание определенного места на социальной лестнице, личного материального благополучия и начисто лишены какого-либо общественного смысла. Человек мещанского склада может точно выполнять свои обязанности, но его функциональная деятельность полностью изолирована от социального контекста. Любые суждения об интересах общества, народа, Родины представляются ему пустой болтовней, в лучшем случае формой камуфляжа, приспособительной мимикрией, обязательным, хотя и бессодержательным ритуалом. Неудивительно, что люди этого склада продолжают успешно функционировать при любых социальных переменах. Меняется власть в стране или сам человек оказывается в силу тех или иных причин за пределами своей бывшей Родины,— люди мещанского склада приспособляются к новым условиям с необычайной быстротой.

Показательны в этом смысле судьбы русской послевоенной эмиграции. Лучшая ее часть — люди типа Александра Куприна и Марины Цветаевой с болью переживали трагический отрыв от Родины. Мещанская же часть эмиграции, ярко сатирически воспроизведенная в «Беге» Михаила Булгакова, в «Ибикусе» Алексея Толстого, быстро приспособилась к условиям жизни в Париже и Праге, Белграде и Константинополе. Она нашла занятия и среду, полностью отвечавшие ее эгоцентричным идеалам.

Распространение мещанского, чисто функционального, безличного и подчас безразличного отношения к труду нельзя объяснить только просчетами в воспитании. Корни этого явления лежат значительно глубже, связаны с изменением самого характера труда. «Настоящая болезнь...— писал один из выдающихся физиков XX века Макс Борн,— состоит в разрушении этических принципов, которые создавались веками... Применение машины и автоматики принижает значение личного вклада человека в выполняемую работу и уничтожает чувство собственного достоинства. Такая девальвация этики объясняется длительностью и усложненностью пути от действий человека до конечного результата».

Следовательно, формирование любви к труду, стремление к личному вкладу человека в общее дело должны рассматриваться как одна из главных задач воспитания.

Тем более что в условиях капиталистического мира,— и буржуазная пропаганда это настойчиво подчеркивает,— труд занимает невысокое место среди главных человеческих ценностей. Ему противостоят престиж, достигнутый вне труда, деньги, развлечения. Иначе говоря, человеческий труд обесценивается. Он целиком отнесен к сфере материально оплачиваемой необходимости — не более. Моральная оценка труда сведена к нулю. Человек труда, в отличие от особ королевской фамилии, а также «королев красоты», преступников, авантюристов, никогда не становится объектом внимания средств массовой информации.

Подобная ситуация была еще в старой России. А. П. Чехов в рассказе «Пассажир первого класса» с горечью писал, что никто не знает в России крупных химиков и строителей мостов. Один из его героев возмущается: «Кто лучший педагог, архитектор? Все эти русские мореплаватели, химики, механики — популярны ли они? Публика знает карточных мошенников — шулеров, клоунов, плохих певичек...» «Корифеи же литературы,— продолжает он,— известны не раньше, чем прошла по земле слава, что он убит на дуэли, пошел в ссылку» (108, 386).

К сожалению, рецидивы такого мещанского смещения ценностей подчас проявляются у нас и в настоящее время. Об этом с горечью писал в журнале «Коммунист» Виталий Коротич: «Один серьезный, прошедший большую жизненную школу... человек как-то говорил мне: „Не кажется ли вам, что журналисты и очеркисты у нас стали чаще писать о том, что полегче, облегченнее, что ли, в идейном плане? Героями нашими то и дело становятся спортсмены, эстрадные „звезды“. Мы научились увлекательно писать, что они едят на обед и какие у них рождаются дети. Вполне светская хроника“. Мой собеседник был прав». И далее В. Коротич, говоря о необходимости критики пропаганды буржуазного образа жизни, справедливо подчеркивает, что, «пока мы не научимся интересно писать о людях труда, о социальных приметах нашей жизни, нам с этой задачей не справиться» (73, 54).

Сущность мещанского сознания и жизненное практическое поведение мещанина нередко скрыты из-за отсутствия четкого разграничения понятий внешней формы культуры и подлинной культуры. Это обстоятельство используется людьми мещанской ориентации для оправдания и самооправдания своих идеалов, целей, ценностей.

Речь идет о том, что обладание вещами, участие в тех или иных действиях, связанных со сферой культуры, отождествляется с культурой, с качеством культурности. Усваивается только стиль, вещная оболочка культуры при полном фактическом устранении из ее природы духовного, нравственного начала. Такова родовая черта мещанского сознания. В каких бы формах и на каких бы стадиях оно ни выступало, подмена культуры внешней «цивилизацией» проявляется постоянно, материализуется в тех или других вещах, специфических выражениях, свидетельствах о полученном образовании и т. п. Совершенно неважно, чем человек хочет удивить окружающих, выделиться — новыми галошами, патефоном или современным магнитофоном, миникомпьютером, само это стремление, сопровождаемое самолюбованием и пренебрежением к тем, кто не имеет этого предмета, свидетельствует о мещанской ограниченности, даже если она прикрывается любым аттестатом или дипломом.

Русская литература научила нас видеть людей, освоивших внешнюю форму культуры, типа конторщика Епиходова из чеховского «Вишневого сада», который с презрением смотрит на окружающих. Как же, он во фраке, в бильярд играет в отличие от деревенских мужиков... Горьковские инженеры из пьесы «Варвары» — «дикари высшей культуры», так как знание своего дела у них не дополняется чувством долга, уважением к другим людям. А без этого нет культуры.

Середина и вторая половина двадцатого столетия с их взлетом научно-технического прогресса превратили предметы быта, вещные фетиши, которые десятилетиями были недостижимой мечтой мелкого буржуа, в предметы массового поточного производства. Отдельные дома и квартиры, купленные в кредит, автомашины, приемники, цветные телевизоры, бытовая техника перестали быть достоянием «высших» слоев буржуазного мира, стали достоянием «средних». С этого времени буржуазная социологическая пропаганда весьма активно стремится распространить подмену культуры «цивилизацией вещей» и в пределах социалистического мира. Нельзя недооценивать опасности такой пропаганды, ибо блестящие витрины и ярко освещенные улицы городов могут полностью заслонить у людей с мещанскими ориентирами враждебную, антигуманную суть капиталистического мира. Усвоение поверхностного стиля жизни, как правило, сопровождается разрушительным воздействием на подлинную культуру с ее традициями.

Справедливо отстаивая традиции народной культуры, веками формировавшейся в деревне среди миллионов трудящихся крестьян, В. М. Шукшин полемически заостряет вопрос, утверждая: «В деревне нет мещанства». В комментариях к интересной книге статей и интервью В. Шукшина справедливо отмечено, что «это утверждение безусловно дискуссионное... Отдавая себе отчет в том, что от «мещанства» как бездуховности ни место жительства, ни профессия не страхуют, Шукшин тем не менее склонен в тот период (1966—1967 годы) к полемически крайним формулировкам» (109, 296).

В то же самое время Шукшин в статье «Вопросы самому себе» дал блестящую и злую характеристику современного мещанина, мнящего себя носителем культуры. «Мещанин,— писал В. Шукшин,— существо, лишенное беспокойства... беспрерывно судорожными движениями сокращающееся в сторону „сладкой жизни“. Производитель культурного суррогата. Существо крайне напыщенное и самодовольное. Взрастает это существо в стороне от Труда, Человечности и Мысли... Кто нарисовал лебедей на черном драпе и всучил мужику на базаре? Мещанин. Крестьянин до этого не додумается. Он купит лебедей, повесит на стенку и будет думать, что это красиво». Мещанин — «изготовитель „ковров-книг“, „ковров-фильмов“, „ковров-лекций“, „ковров-концертов“, то есть суррогатов настоящей культуры». «Надо бить его по рукам — этого изготовителя», — восклицает Шукшин (109, 28—29).

В рассказах Шукшина дана драма деревенского жителя, который, как подмечает критик Лев Аннинский, неудержимо стремясь в город, сначала попадает там «не в сферу великой культуры, а в сферу великого потребления». В результате система ценностей, представления о труде, порядочности человеческих отношений, которые складывались веками в деревенском мире, оказываются утерянными. Уже «неловко» здороваться со встречными, помогать соседям, не уходить с работы, пока не кончено дело, говорить правду в глаза людям. Новая же система ценностей, впитавшая в себя лучшие черты рабочей морали, традиции городской интеллигенции, еще не усвоена. Образуется некий духовный и нравственный вакуум, заполняемый мещанскими словечками, замашками, оценками. Одно из проявлений мещанской полуобразованности — это щеголяние терминологией, отказ от нормального, обычного языка и переход к языку искусственному, насыщенному специальными терминами,

употребляемыми часто нарочито, напоказ. Такой язык Герцен когда-то назвал «птичьим».

Герой шукшинского рассказа «Медик Володя», студент медицинского института, едет в родную деревню на каникулы. Очень ему хочется предстать перед земляками таким интеллигентом, цивилизованным современным молодым человеком. Но его «современность» сводится к двум-трем словечкам да к жеманным, показным жестам. Так под маской псевдоинтеллигента складывается завтрашний готовый мещанин.

Кстати, языковой камуфляж, щеголяние терминами — типичное явление среды псевдоинтеллектуального мещанства. В одном из своих интервью В. М. Шукшин точно подмечает, что в актерской среде больше всего говорят о «ракурсах», «мизансцене», «фотогеничности»... профессиональные участники массовых сцен (109, 207).

Механизм формирования мещанской псевдозначительности при помощи слов, жестов, форм поведения удачно раскрыт и в повести Виля Липатова «Лида Вараксина». Героиня, выпускница культпросветучилища, родом из села, решив показать свою «городскую образованность», демонстрирует свое мнимое возвышение над сверстниками-односельчанами с помощью расхожих, заученных ею «ученых» слов, казенных, штампованных выражений, книжных, неживых, которыми иногда пользуются малообразованные, но самоуверенные докладчики. В. Липатов убедительно показывает, как складывается этот поверхностный стиль поведения, чисто внешний поначалу, но затем захватывающий и личность человека, строй его мыслей, оценок, отношений к другим людям. Лида Вараксина с ее напускной серьезностью и внешней «культурностью» оказывается по существу одинокой. От вековой народной культуры она оторвалась, смотрит на нее свысока. Но и к настоящей городской культуре она не прибилась, для нее достижения отечественного искусства — за семью печатями.

Мещанская черта подмены содержания предмета готовым трафаретом, составленным из наукообразного набора слов и выражений, проникает и в среду молодых интеллигентов — студентов и начинающих научных работников. Им подчас кажется, что, усвоив полупрофессиональную смесь специфических выражений — своеобразную смесь «французского (английского тож) с нижегородским», они как бы приобщаются к клану физиков или биологов. Но это вредное заблуждение. Когда мы читаем или слышим в записи высказывания

подлинных ученых — Ландау, Вавилова и Курчатова, Эйнштейна и Винера, — мы чувствуем прежде всего необычайную глубину содержания, стремление передать научный и нравственный смысл своей работы. Конечно, они пользовались, как и все ученые, языком науки, специальной терминологией, но здесь начисто отсутствует внешнее щеголяние словечками, здесь стиль не является чем-то показным, каким-то маскарадным костюмом.

У людей разных профессий, возрастов, мест проживания могут складываться разные стили жизни. Немалую роль здесь играют и национальные традиции, диктующие своеобразие стиля жизни. Но признание многообразных стилей, вырастающих на базе общего образа жизни, не имеет ничего общего с мещанским усвоением чисто поверхностных форм поведения и словесных форм.

Мнимые ценности параллельного мира

Одна из характерных форм приспособления, мимикрии мещанства заключается в создании им почти сразу же после революции, особенно в годы нэпа, своеобразного, параллельного мира. В этом втором мире все опошлялось, упрощалось, измерялось в денежном выражении, духовные и социальные ценности абсолютно обесценивались.

В романах Ильфа и Петрова с большой зоркостью исследована мимикрия мещанства. В большом советском мире строили Турксиб и Кузнецкий металлургический комбинат, летали на Северный полюс, а в параллельном малом мещанском мире «людоедка» Эллочка стремилась усвоить повадки американской миллионерши, обитатели коммунальной квартиры Вороньей слободки воевали друг с другом из-за освободившейся комнаты, тихий Корейко собирал тайком деньги...

Есть попытки и в наше время оживить этот параллельный мир мещанства с его взглядами, целями и задачами. «Главный рубеж, — писал в «Правде» Феликс Кузнецов, — на котором этот мещанский мир дает нам сегодня бой, лежит в сфере психологии и морали» (77). Мир мещанства отвергает главные ценности социализма — коллективизм, единство общего и личного, интернационализм, труд как главное содержание человеческой жизни, он настойчиво, безапелляционно, самоуверенно стремится заменить их мнимыми ценностями.

Характерная черта мещанства во все времена — самонадеянность, неразрывно связанная с верхоглядством, поверхностными суждениями, дилетантизмом, идейной неразборчивостью. В прошлом, когда мещанство еще испытывало на себе стеснение сословных ограничений и стремилось во что бы то ни стало их преодолеть, оно особенно чувствовало свою образовательную, интеллектуальную уязвленность. Ремесленник, мелкий торговец, чиновник, служащий низшего ранга не мог соревноваться с представителями дворянства и буржуазии, с их университетской подготовкой, семейными традициями, домашним воспитанием, передачей духовных богатств от одного поколения к другому. Комплекс духовной неполноценности порождал у мещан двоякие чувства: с одной стороны, решительную неприязнь к интеллигенции, образованности вообще, с другой стороны — стремление усвоить чисто внешние формы науки, образования.

В период первой русской революции 1905—1907 годов направляемые властями, полицией толпы городского мещанства вместе с люмпен-пролетариями, городскими низами, «дном» громили «образованных», студентов, жгли книги и школы. Эта слепая ненависть была своеобразной формой выхода накопившейся зависти, чувства собственной недостаточности, неполноценности. Одной из форм мелкобуржуазной демагогической вражды к интеллигенции была так называемая «махавщина», решительно разоблаченная Лениным.

В неизмеримо более жестоких формах ненависть к «образованным» проявилась в гитлеровской Германии, где сама принадлежность к интеллигенции ставила человека под угрозу, как и всякое свободомыслие. Главные удары гитлеризм наносил по партии рабочего класса, сознательным рабочим, пролетарской интеллигенции. Хотя идеология национал-социализма отражала интересы монополий, впитала в себя милитаристские агрессивные амбиции крупного капитала, в массовом функционировании она опиралась на широкие круги мелкой буржуазии, переживавшей все последствия общего кризиса капитализма — разорение, инфляцию, безработицу. Страх мелких лавочников, владельцев мастерских, низших служащих перед будущим умело направлялся не против монополий, а против «врагов нации», против организованных рабочих, прогрессивной интеллигенции.

Именно масса «взбесившихся мелких буржуа» и по-

ставляла основные кадры для штурмовых отрядов, надзирателей и палачей третьего рейха. Звериная жестокость сочеталась у них с мещанскими добродетелями: законопослушанием, сентиментальностью, национальной ограниченностью. Гитлеровский фашизм в полной мере использовал традиционные черты немецкого филистера с его тупым самодовольством, национализмом, неумным тщеславием, стремлением «выйти в люди», утвердиться на служебной лестнице. Вполне естественно, что в этом массовом слое полуобразованных людей была широко распространена затаенная ненависть к разуму, сознательности, образованию, науке.

Заметим, что такое умонастроение — отнюдь не специфическая черта немецкой мелкой буржуазии. Аналогичные черты проявлялись и среди так называемых средних слоев, мелкой буржуазии, мещанства и в других национальных условиях. Таковы, к примеру, традиционные неуважение и неприязнь американского мещанства к интеллигенции, к носителям подлинной науки, серьезного образования. «Яйцеголовые» — презрительная кличка, применяемая к ученым, интеллигентам.

Культ здоровья, физической силы, постоянного оптимизма, вечной молодости и готовности бороться за выживание любыми средствами не включает в себя ни способности к анализу, размышлению, ни умения критически мыслить. Избыток ума чужд и ненавистен модели «стопроцентного американца», а также ее создателям. Эта искусственная модель все чаще терпит крах при столкновении с реальностями социальной действительности — инфляцией, преступностью, угрозой войны. Но тем не менее она активно поддерживается среди мещанских слоев, многочисленных представителей так называемого среднего класса.

Для мещанского сознания, как уже было сказано, характерен и другой вариант отношения к науке, к образованию — стремление усвоить его чисто внешние формы и атрибуты. В определенных условиях воинствующий антиинтеллектуализм мещанства может отойти на второй план, стушеваться. Извечное недоверие к разуму, к логике, к ясному и цельному мировоззрению, конечно, не исчезает вовсе, а только приспосабливается к новым обстоятельствам, оставаясь до поры до времени подспудным.

Именно такая ситуация сложилась с середины нашего века благодаря научно-технической революции. Отвергать науку, пренебрегать интеллигенцией, распи-

сываться в своем полужнании, трудно отличимом от невежества, стало несовременным и «немодным». И здесь в полной мере проявилась способность мещанского сознания к мимикрии, камуфляжу, к всяческому, в том числе и интеллектуальному, приспособлению, подражанию. Совершился очередной маскарад. Мещанин (который раз в истории!) напялил на себя словесные доспехи другого, более высокого слоя.

Герой известной комедии Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве» нанимал учителей, чтобы выучить приемы фехтования, танцы, несколько слов латинского языка и различие между поэзией и прозой. Мещанин второй половины двадцатого века спешно и в массовом порядке замаскировался под интеллектуала, чтобы хоть внешне приобщиться к интеллигенции, принадлежность к которой, по его мнению, стала наиболее престижной.

Подмена подлинной глубины знаний поверхностной, чисто внешней осведомленностью может проявляться в знании ряда названий книг, фильмов, музыкальных и драматических произведений, имен известных деятелей науки и культуры, определенных научных терминов. Но за всем этим — внутренняя пустота, отсутствие личной заинтересованности, разрыв между показной образованностью и подлинной культурой человеческих отношений, культурой труда, исполнения общественных обязанностей.

Именно в мещанской среде с ее полуобразованностью и идейной нестойкостью, расплывчатостью могут легко, как показывает современная действительность, распространяться мистические идеи, псевдонаучные и бездоказательные рассказы о чудесных исцелениях, прилете инопланетян и т. п. Мещанин легко отказывается от науки, от философского материализма, ибо всегда был нестоек в этих идеях и готов легковерно помянуть их на любое ложное построение, лишь бы оно было «новым», «современным», лишь бы не прослыть старомодным.

Такой тип человека складывался постепенно. Его увидели прозорливые наблюдатели еще в прошлом веке. Знаменитый русский историк Василий Осипович Ключевский одним из первых в социально-исторической литературе подметил новые черты городского мещанства в России, сложившиеся в конце XIX века. Это уже не заскорузлый представитель мещанского сословия, не ремесленник и не мелкий торговец, не забитый горо-

жанин из полутрущобных кварталов Петербурга. Для мещанина новой формации характерна полуобразованность, всезнайство, псевдоинтеллигентность. Это, по меткому выражению историка, «культурные нищие, одевающиеся в обноски чужой мысли; растерявшись в своих мелких ежедневных делишках, они побираются слухами, сплетнями, анекдотами, словцами, чтобы сохранить физиономию интеллигентов, стоящих в курсе высших интересов своего времени» (71, 336).

Вчитываясь сегодня в приведенную характеристику, мы видим, что она помогает понять многие черты современного мещанства и прежде всего стремление казаться, а не быть. Изменился убогий набор полужнаний и суждений «культурных нищих», но не исчезло их убожество; прибавилось самоуверенной воинственности в отрицании, к примеру, роли классической музыки и классической литературы, основных законов естествознания и материалистической философии. Однако и меняя свои обличья, «культурные нищие» приспособливаются к новой обстановке.

Известный советский журналист Михаил Кольцов посвятил десятки своих остросатирических фельетонов разоблачению мещанства во всех его разновидностях и проявлениях. В 1933 году «Правда» опубликовала его блестящий фельетон «Иван Вадимович — человек на уровне». Это внутренний монолог мещанина новой формации со всеми типическими чертами — приспособленчеством, собственничеством, самодовольным полужнанием, абсолютным безразличием к жизни общества. У Ивана Вадимовича, начальника средней руки, нет никаких идеалов, принципов, кроме одного — выжить любой ценой, удержаться на поверхности. Для этого нужно не выделяться, быть, как окружающие, хитрить, изворачиваться — казаться, а не быть. В фельетоне М. Кольцова хорошо представлена анатомия мещанина (72, 474—490).

Вот Иван Вадимович хоронит товарища. Ему безразличен ушедший человек, он рассуждает о «красивых похоронах». Какая музыка и сколько венков! «Давайте пойдем потише, — говорит он соседу, — немного отстанем. У меня там сзади идет машина. Отдохнем, а перед самым крематорием опять бодро зашагаем». Надо показать начальству и свое «горе» и свою бодрость.

Иван Вадимович поразительно невежествен. Его обращение к книгам завершилось с окончанием гимназии. «Шолохов? Конечно, читал. Не все, но читал. Что имен-

но — не помню, но читал. «Тихий Дон» — это разве его?» Но зато он рассуждает о писателях: «Слабо пишут...» И возмущается: «Гонорары, путевки, творческие отпуска!» Но зато он собирает дорогие издания: «Я их все подбираю — какая культура! Все сплошь в сатиновых переплетах, с золотом...» Это он, Иван Вадимович, насаждает кумовство, распределяет товары «нужным людям» и при этом с пафосом рассуждает о «проклятом прошлом», обличая тех, кто «зарос тиной повседневных текущих будней». Таков этот мещанин, за броней слов скрывающий свой куриный кругозор, эгоизм, мелочный собственнический интерес. «Человек на уровне»...

Современные мещане во многом непохожи на своих предшественников. Современный «человек на уровне» слышал гораздо больше, чем кольцовский Иван Вадимович, он перечислит вам сотни имен и названий произведений, но все понаслышке. Глубинная особенность псевдоинтеллектуального мещанства в том и состоит, что знания его не переросли в убеждения, а остались внешней формой, набором слов и сведений, которыми удобно оперировать в различных обстоятельствах.

Реальными для мещанина нового типа являются не подлинные, а мнимые ценности — то, что принято считать модным и современным в его кругу. При этом оказывается, что «стыдно» не видеть какой-нибудь нашумевший мюзикл — упрощенную переделку Шекспира, Толстого или Достоевского с песенками и современными танцами, эту облегченную классику. Но не стыдно не читать и не знать самих классиков: ведь они «безнадежно устарели». Такой человек не в силах понять, что подлинные духовные ценности человечества не подвержены моде, что они никогда не устаревают, как не устаревает сама природа.

Маски интеллектуального мещанства многообразны, они меняются часто. Появилась, например, и такая его разновидность, как поклонение «моде» на древнерусское искусство. Поклонение отнюдь не означает, что великая культура Древней Руси, представленная не меркнущими в веках иконами и фресками Киева и Новгорода, соборами и часовнями, памятниками литературы, такими, как «Слово о полку Игореве» или «Моление Даниила Заточника», творчески осваивается как ценнейшая часть мировой культуры, подлинная духовная ценность. Нет! Мещанство все упрощает, все приспособливает к своему уровню. Крупнейший знаток русского искусства академик М. Алпатов справедливо кри-

тикует, как проявление обывательского, мещанского вкуса, картины и рисунки некоторых современных художников, у которых Русь предстает в сусальном облике, населенная златокудрыми красавчиками и разряженными боярынями. Эти изображения подчас напоминают картинки из дореволюционного журнала «Нива» (48, 50—51).

Идейная неразборчивость, мировоззренческая неясность, аморфность, характерные для мещанства, проявляются иногда и в отношении к религии и церкви. Речь идет не о свободе совести, гарантированной Конституцией СССР, а о парадоксальном явлении, когда люди, практически не верящие в бога, незнакомые с содержанием религиозных книг и религиозных вероучений, называющие себя атеистами, вдруг начинают отдавать дань «моде» на религиозную символику и атрибутику. Можно понять позицию верующих людей или людей, серьезно увлекающихся историей русского искусства, в том числе иконописью, церковной архитектурой, культовой музыкой (ее писали и Бортнянский, и Чайковский, и Рахманинов). Однако для мещанина характерно другое — погоня за очередным поветрием со ссылкой на спасительную формулировку «так принято».

Возникает поверхностный интерес к внешним атрибутам религии. К иконам в доме, которые висят не в красном углу, а просто на стене — как эстамп или портрет. К нательным крестикам, которые выполняют функцию дешевого брелока, брошки, просто украшения. Неверующие участвуют в религиозных обрядах и праздниках, которые рассматриваются лишь как некая игра или имитация национальной традиции. Главное — «не отстать». Но это и есть типичное мещанство, когда форма, видимость подменяют содержание, сущность. Здесь господствует не личное убеждение, с которым — нравится оно или не нравится — следует считаться. Господствует мода в ее шаблонном обличье, мнимая ценность, которую властно диктует параллельный мир.

В повестях Юрия Трифонова зло и метко показаны эти поверхностные увлечения религией и религиозной философией, характерные для мещанских элементов в среде интеллигенции. «Мода» на религию ничуть не лучше моды на серванты или сапоги. Справедливая критика этих мнимых ценностей псевдоинтеллектуального мещанства содержится также в очерке Сергея Львова «На моду денег не жалея». Действительно, параллельно с наукой идет дилетантство, которое рьяно

отрицает все, что было известно раньше, в том числе фундаментальные законы науки, а завтра забывает о своих сегодняшних увлечениях. Нечто подобное происходит и в области искусства, литературы.

Первоначально сопряжение термина «мещанство» с теми или иными элементами художественной культуры носило строго определенный характер. «Мещанская драма» была синонимом демократичности, выступала против сословной ограниченности, против всех форм дворянского, аристократического искусства в его придворных и салонных вариантах. «Мещанская драма» утверждала простоту и естественность повседневной городской жизни, скромность, честность, трудолюбие, противопоставляя их фальши и бездушию высшего света. В эстетическом плане «мещанская драма» утверждала черты реализма, в противовес нормам классицизма с его мифологическим и героико-батальным антуражем, высокопарной фразеологией.

При всей своей ограниченности, приземленности «мещанская драма» все же прокладывала путь реализму на театральной сцене. История театра называет немало имен, смело утверждавших демократические идеи и реалистические вкусы третьего сословия: Дж. Лилло и Э. Мур в Англии, Д. Дидро и Л. Мерсье во Франции, Г. Лессинг в Германии, М. Херасков и М. Веревкин в России. «Мещанская драма» сыграла значительную роль в истории художественной культуры. Но изменились условия, и антисословный, антиаристократический пафос этой драмы ушел в прошлое.

По мере становления буржуазного общества мещанство перестало быть сословным и становилось духовным, интеллектуальным, нравственным, эстетическим эквивалентом мелкобуржуазности, что полностью проявилось и в сфере восприятия художественной культуры. Сложился широкий спектр форм мещанского эстетического сознания — мещанские вкусы, оценки произведений искусства, требования к художнику, представления о сущности труда художника и смысле создаваемых им духовных ценностей. Спектр проявлений параллельного мира, сопутствующего подлинной культуре, имеет различные уровни.

Владимир Маяковский в пьесе «Клоп» блестяще показал низший уровень духовной культуры мещан непоздних времен — мелких хозяйчиков, совслужащих, недоучившихся конторских работников, стремящихся выдать себя за образованных и культурных. Таковы гости на

свадьбе у Эльзевиры Ренессанс, выходящей замуж за настоящего «пролетария» — Петра Присыпкина. «Сделайте нам красиво», — говорит один гость, обращаясь к музыканту. «Бетховэна, Шакеспеара исполните», — кричит другой (84, 237—240). Из этой же породы низшего слоя мещанства ценители живописи, о которых писал Ю. Трифонов. «Лучшую вещь выставил господин Ван дер¹ Плюмп, — говорит один из них, — прекрасное паровое мясо, кувшин сметаны, крупные диетические яйца. Неудачен Снейдерс: две мелких тощих селедки, кусочек засохшего лимона — и все...» (104, 560).

С подобной «кочки» зрения «Едоки картофеля» В. Ван Гога или натюрморт К. С. Петрова-Водкина с лежащим на тарелке куском ржавой селедки — эстетически просто не существуют. Этому «ценителю» искусства невдомек, что за картофелинами, которые молча ест семья на картине Ван Гога, трагедия людей, придавленных изнурительным трудом, полуживотным существованием. Надо всмотреться в их каменные лица, застывшие деформированные фигуры; проникнуть в атмосферу горькой жизни. Кусок селедки у Петрова-Водкина — это часть петроградского быта восемнадцатого года, скудный паек людей героического города, жившего высоким духовным порывом. Конечно, мещане, спрятавшись за стенами квартир, издевались над этой ржавой селедкой, вздыхая, вспоминали «доброе старое время». То, что рухнули вековые устои империи, то, что в крови и муках рождался новый мир, им было безразлично...

В произведениях Маяковского и Трифонова даны сгущенные до гиперболы крайние черты мещанской псевдокультуры низшего пошиба, одна сторона спектра. Но есть и другое мещанство — с претензией на интеллектуальность, элитарность, — утонченность вкуса, о которых речь шла выше. Помимо крайних форм мещанского восприятия искусства существует целый спектр форм, иногда неявных, но тем не менее достаточно определенных в своих повторяющихся проявлениях.

Общей чертой мещанского восприятия художественной культуры является редукционизм, то есть снижение уровня, упрощение. Сложное и глубокое в искусстве подменяется легким и удобопонятным. Крайним выражением этой тенденции, отвечающей вкусам и запросам мещанской массы, выступает коммерческая издательская практика, распространенная в США, — вы-

пуск сокращенных до минимума заменителей произведений классической литературы. Мещанин «должен» познакомиться с «Гамлетом», «Анной Карениной» или «Фаустом». Но читать эти произведения у него нет желания, нет подлинного интереса. И вот вместо классических книг ему подсовывают суррогат, где на двадцати страницах разжевано, как датский принц мстил за отца, ревновал свою мать к ее новому мужу — королю, как русская аристократка оставила своего мужа, крупного чиновника, ради молодого красивого офицера. Пользуются успехом радио- и телевизионные варианты подобных редуций. При этом исчезает, конечно, глубочайший нравственный смысл творчества великих писателей, их человечность.

Формы редуции, упрощения подлинных художественных ценностей, свидетельствующие о духовном кризисе буржуазного мира под натиском «массовой» культуры, встречаются, к сожалению, и у нас. Об этом с тревогой пишут и специалисты в искусствоведческой периодике, и читатели, зрители в своих письмах. Тут и примитивные переделки народной песни и народного танца в чуждом им ухарском, кабацком или слащаво-сентиментальном, псевдонародном духе. Тут и переделки классических пьес, инсценировки классических романов в развлекательном, мюзик-холльном духе. Но всему свое место и время.

- Безусловно, известной уступкой мещанским, обывательским вкусам и запросам является подмена серьезного разговора о творчестве, к примеру, русских классиков особо пристальным вниманием к личной жизни, быту, окружению писателей. Появилось немало людей, которые в подробностях знают все «о Пушкине», «вокруг Пушкина», детали дуэли, имена светских знакомых, все альковные тайны и светские интриги, но не знают... Пушкина. Великий поэт, мыслитель, историк, критик для них за семью печатями. Конечно, понятен интерес к биографии творцов художественных ценностей, к местам, где они жили, но нужно иметь все-таки чувство меры.

«Я поэт. Этим и интересен», — писал В. Маяковский. Гораздо ценнее издавать писателей с умными комментариями, выпускать книги о творчестве, чем бесчисленные истории «вокруг» Пушкина, Достоевского, Есенина, Маяковского.

Параллельный большому миру подлинных ценностей труда, науки, искусства мир мнимых ценностей мещан-

ства стремится не отстать от века, приспособиться к новым веяниям.

Его, этот параллельный мир, нельзя запретить, он не исчезнет по приказу. Но он не любит света, гласности, ясности позиций. Продуманная система воспитания, превращение знаний в убеждение, развитие творческих начал и самостоятельного мышления в каждом человеке — только так можно противостоять этому параллельному миру, свести на нет распространение мещанских тенденций. В условиях развитого социализма, когда образование и воспитание осуществляется целенаправленно, для успешной борьбы с мещанством есть все возможности.

Параллельному миру должны быть противопоставлены реальные духовные ценности, которые являются реальной силой, когда прочно опираются на социальный фундамент, когда за ними жизненные потребности народа. Высокое нравственное начало пронизывает всю деятельность партии, государства, советского общества. Против зла, против мелких бесов мещанства выступают у нас не одинокие праведники, а вся идеология, наполненная подлинно социалистическим содержанием. Ведь сама идея коммунизма глубоко гуманистична, ибо «коммунизм — это реальный гуманизм», как говорил Маркс еще в сороковых годах прошлого столетия, в период формирования марксистского мировоззрения.

В условиях развитого социализма общечеловеческие моральные ценности — добра, справедливости, жизни «по совести», — сложившиеся в практике народной, в том числе и российской народной, жизни, наполняются действительным, реальным содержанием. Борьба с мещанскими проявлениями, эгоизмом, расчетливостью, циничной бездуховностью будет тем успешнее, чем полнее и решительнее мы направим всю деятельность, и социально-экономическую, и нравственно-воспитательную, на утверждение великих принципов социализма и коммунизма.

Мещанство в идейных битвах современности

В современных условиях буржуазная идеология и пропаганда стремятся противопоставить идеалам и ценностям социализма потребительские идеалы мещанства, преклонение перед деньгами и вещами. Социологическая пропаганда, занявшая в последние годы весьма значительное место в системе буржуазной пропаганды, как правило, не пользуется прямыми политическими призывами, избегает говорить о социальных и идейных конфликтах. Она ориентирована не на сознательную часть общества, а на те слои внутри разных классов, чьи идеалы и самооценки расплывчаты, аморфны. Это либо молодые люди, еще не определившие своего места в жизни, либо люди, не связанные прочно с промышленным производством в его коллективных общественных формах,— домохозяйки, неквалифицированные служащие, все те, кто не удовлетворен своим материальным и социальным положением.

Особым объектом буржуазной социологической пропаганды являются люди, стремящиеся перейти на более высокую ступень социальной лестницы, ибо они скорее всего способны усвоить чисто внешние атрибуты, присущие более высокому «этажу» служебной, административной иерархии.

Социологическая пропаганда практически почти целиком ориентирована на сферу потребления. Ее не привлекают ни производство, ни техника, ни подлинная культура, ни духовные интересы. Главное место занимают рассказ и показ различных сторон «идеального» быта. Загородные дома, коттеджи, ярко-зеленая стриженная трава квадратных газонов, гаражи и сверкающие машины, спортивная и деловая одежда, яхты, син-

тетические ковры и новые магнитофоны — вот лишь ничтожная часть в перечне объектов пропаганды. Все, что дают пищевая индустрия, текстильное, швейное, кожевенное производство, строительство и радиотехника, входит в орбиту этой пропаганды. В отличие от торговых каталогов, фирменных перечней, вполне естественных и необходимых при современном уровне развития легкой промышленности и радиотехники, социологическая пропаганда ставит своей целью не информацию, а формирование определенных эмоций, взглядов, оценок, даже идеалов.

Каждая вещь в рамках этой пропаганды умело связывается с определенным стилем жизни. Вещам, а не людям приписываются магические свойства: быть современными, традиционными, возбуждающими, успокаивающими, загадочными, чарующими, придающими уверенность. Владелец вещи именно от нее получает те или иные качества, характеристики. Владелец виллы или яхты, например, предстает как человек, принадлежащий к особому слою людей, как истинно современный, счастливый, достойный. При этом его взгляды или человеческие качества безразличны, никому не интересны. Социологическая пропаганда создает иллюзорный мир красивых вещей и красивых людей, далеких от житейских треволнений, от будничной серости, суеты и однообразия. В то же время этот мир окутан ореолом некой доступности, достижимости. Иначе говоря, налицо идеализированный буржуазный мир, представленный как модель, но не для самой буржуазии, а для мелкой буржуазии, средних слоев, служащих, молодежи, части рабочих.

Консолидируя мещанские элементы среди разных социальных слоев, социологическая пропаганда дает им своеобразный духовный эквивалент, объединяет их на потребительской основе, наделяет определенной «идеологией». Аморфные элементы как бы организуются на базе общей платформы, у них появляется объединяющее начало, связующая цепь — общие идеалы в мире вещей. Здесь мы сталкиваемся с новой формой товарного фетишизма, когда вещи и вещные отношения подменяют реальные человеческие общественные отношения. Вещи начинают жить несвойственной им жизнью, приобретая человеческие качества, становясь объектами радости, огорчения, даже горя, зависти, ожидания, причиной конфликтов. Весь спектр человеческих чувств переносится на вещи. Вполне естественно, что социаль-

но-политические, идеологические, нравственные аспекты человеческих отношений отодвигаются при этом на второй план, как бы теряют свое значение.

Юрий Бондарев в романе «Берег» очень правдиво характеризует стихию потребительства, захватившую миллионы людей в странах буржуазного мира, в частности в Федеративной Республике Германии. Оппонент советского писателя Никитина критик Дицман вынужден признать, что в его стране обыватели превратились в «бездушные машины потребления», что они живут в «одурманивающем мире товаров». Дицман придает своей характеристике всеобщее значение. «Прагматизм подчиняет все», — утверждает он, стремясь распространить этот вывод и на социалистический мир. Но разве для того сражался молодой Никитин, герой романа «Берег», и миллионы его соотечественников против фашизма, чтобы затем уступить воинствующей мещанской стихии, отказаться от своих духовных ценностей, традиций, оценки людей и явлений?

Сопоставляя два мира, две системы духовных ценностей, Ю. Бондарев образно раскрывает глубокое внутреннее превосходство идеалов социализма над потребительскими, торгашескими символами воинствующих мещан. Внутренняя чистота, душевный порыв Никитина, лейтенанта Княжко неизмеримо выше, чем заботы вещного мира обывателей. В романе Ю. Бондарева «Берег» отчетливо прозвучала мысль, что борьба против мещанской, обывательской стихии — это сейчас один из важных участков великого фронта борьбы против буржуазного мира в защиту истинных ценностей жизни и культуры (50).

Важно понять политический смысл пропаганды мещанских идеалов. Эта пропаганда, как и потребительское мещанское сознание, искусственно насаждаемое и культивируемое, служит средством превращения человека буржуазного общества в пассивный объект управления, манипулирования. Таким образом вырабатываются единые нормы мышления, единые идеалы и цели жизни, единые нормы поведения. Шаблонное уравнивание людей дает возможность подчинять массы людей.

Мещанские по своей сущности установки и ценности как бы теряют свой четкий социальный смысл и превращаются в доминирующие черты сознания и поведения самых различных социальных сил, в том числе и рабочего класса, и интеллигенции. Буржуазная пропа-

ганда пытается выдать потребительское мещанское сознание, неумное и неограниченное стремление к обладанию все новыми и новыми вещами и видами услуг за генеральное устремление всех людей независимо от их идеологии и классовой принадлежности.

Ограниченность, интеллектуальная узость, характерные для мещанства, не являются врожденными качествами. Они искусственно формируются идеологами буржуазного мира. Способствуют их складыванию и условия, обрекающие значительную часть рабочих, мелких собственников, служащих на нетворческий труд, монотонное существование, когда невозможно проявить личные способности, инициативу, энергию.

Неудовлетворенность масс частично компенсируется суррогатом деятельности в виде массовой коммерческой культуры. Для этого предназначены образы Фантомаса или Джеймса Бонда, с которыми каждый волен участвовать в невероятных приключениях, распоряжаться богатствами, повелевать людьми, сокрушать могущественных врагов. Тем самым, как точно замечала критик Л. Зонина в одной из статей о современной буржуазной массовой культуре, заполняется «эмоциональный голод иллюзией могущества, раскованности, едва ли не бессмертия», а читатель, зритель не подвергается ни малейшему риску.

Распространение коммерческой литературы выполняет еще одну функцию, о которой пишет известный болгарский исследователь Б. Райнов. Буржуазные идеологи, отмечает он, «ухватились за Флемминга (автора серии о шпионе Джеймсе Бонде. — Авт.), уверовав, что смогут вывести из состояния апатии и безверия обывателя, мобилизовать его психологически во имя... своих агрессивных планов» (97, 216).

Аналогичную функцию завлечения обывателя в мир иллюзий выполняют не только полицейские романы, но и псевдоисторическая беллетристика, а также сентиментальные истории — многочисленные варианты сказки о Золушке, которую известный американский драматург Теннесси Уильямс называет «национальным мифом Америки». Стенографистка, которая становится женой своего шефа, клерк, выбивающийся в президенты компании... Возможно, и тебе повезет. Надо лишь уметь ждать, приспособливаться, усваивать формы поведения, вкусы, оценки людей, стоящих на верхних ступенях социальной лестницы. Такова мораль общества «равных возможностей».

Индустрия развлечений, поставленная на широкую коммерческую основу, вносит буржуазную идеологию в массы, формирует обывателей, мещан, лишенных самостоятельных мнений, оценок, вкусов. Такие люди, превращенные назойливой рекламой в рабов вещей, пленников моды, люди со стандартными оценками и вкусами нужны буржуазному миру. Они аполитичны, легко поддаются внушению, послушно воспринимают любые ложные оценки сильных мира сего и могут быть использованы для любых политических авантур внутри страны и за ее рубежами.

Такое поглощение людей вещами, подчинение вещам человека вызывает тревогу среди многих мыслящих людей на Западе.

Интересен в этом плане роман известного западно-германского писателя Зигфрида Ленца «Пример». Герои произведения, три преподавателя, пишут главу для школьного учебника. В воспитательных целях им нужен какой-нибудь пример для подражания из окружающей жизни. Но людям, которые вокруг них, подражать опасно. Один думает только о мебели для своего нового дома, другая занята только нарядами и драгоценностями. Иных мыслей, стремлений, желаний у этих людей нет. Только вещи заполняют весь их убогий внутренний мир. И авторы учебника, не найдя современного примера для подражания, обращаются к прошлому. Они рассказывают о жизни и смерти женщины, боровшейся против фашизма. Тем самым как бы подчеркивается, что внутренние возможности и потребности выбора — главное отличие свободного человека от раба вещей.

Людей, совершенно подавленных напором вещей, рисует в своей повести «Вещи» французский писатель Жан Перек. Его герои, молодые муж и жена, дети небогатых родителей, получив высшее образование, уже как бы перемещаются в другой слой, отличительным признаком которого являются вещи. Доходы молодой семьи невелики, а вещи в витринах так заманчивы... И эти, казалось бы, симпатичные люди не могут ни о чем говорить, кроме как о шубах и хрустале, о новых винах и сырах. Чтобы прикоснуться к тому миру, который встает со страниц журналов и с экрана телевизора, надо копить, отказываться от книг, кино, театра, друзей. Так возникает страшная духовная нищета рабов вещей.

Полон тревоги за людей роман современных фран-

цузских писателей Веркора и Коронеля «Квота, или Общество потребления». В нем немного сгущены краски, но основа вполне жизненная. Один из героев романа говорит: «Да... Во что превратились люди в нашей стране? Пресыщенные автоматы, обожравшиеся до тошноты, словно гуси, которых откармливают всевозможными радиоприемниками, холодильниками, мотоциклами, лодками, пианино и, несмотря на это, погибающие от смертельной тоски».

Социологическая пропаганда гибко использует в своих целях торговлю, рекламу, культурный обмен, туризм. Она глубоко проникла в поры киноискусства, журнальных изданий, захватила часть литературы. Вполне естественно, что расширение контактов между социалистическими и капиталистическими странами, экономический, культурный, туристский обмен приводят к тому, что буржуазная социологическая пропаганда получает возможность воздействовать и на сознание людей в мире социализма. Более того, ее организаторы специально ставят перед собой такую задачу. Используются не только непосредственные контакты, но и радиовещание, чтобы манипулировать этими внешне далекими от политики и идеологии средствами.

Таким образом, борьба против мещанских идеалов и мнимых ценностей, осуществляемая в нашей стране, имеет глубокий идейно-политический смысл как сфера борьбы против идеологии и политики современного капитализма.

* * *

Коренной порок сочинений буржуазных идеологов, пишущих о мещанстве, о влиянии мещанских тенденций на различные слои населения, — это абстрактность. Внеисторический, внеклассовый подход превращает мещанство из реального явления (оно имеет общие черты, но проявляется своеобразно в разных условиях) в некую извечную силу. Главные усилия буржуазных авторов направлены на то, чтобы принизить роль рабочего класса, «растворить» его среди других социальных слоев, приписать ему чуждые мещанские, мелкобуржуазные черты.

Западногерманский историк социальной мысли В. Арендт в своем историко-социологическом очерке «Филистерство XIX столетия», опираясь на суждения Ницше о народе как безликой массе, отстаивает тезис

извечности мещанства, будто бы включающего в себя и рабочий класс. В данном случае обращение к истории философии призвано также подкрепить антикоммунистический тезис о «несамостоятельной роли» рабочего класса, который нуждается якобы во внепролетарских руководителях из числа технической интеллигенции, студенчества, «свободных» от мещанских настроений...

В действительности же не существует абстрактного, во все времена одинакового мещанства. Мещанская, мелкобуржуазная, собственническая идеология и психология порождаются определенной средой, средой лавочников, торговцев, ремесленников с их идеалами индивидуализма. Мещанские настроения могут проникать и в рабочий класс, и в интеллигенцию, поскольку они не изолированы от других социальных групп и часто пополняются за счет мелких собственников и разорившихся предпринимателей. Обобщения В. Арендта противоречат реальной истории. Именно в рабочем классе еще в прошлом веке формировались черты коллективизма и бескорыстия, чуждые миру мещанства. Арендт пренебрег и неопровержимыми свидетельствами своих же соотечественников, например Генриха Гейне, который беспощадно обличал филистерство немецких буржуа, классические черты мещанства, процветавшие в их среде.

Характеристика мещанских тенденций должна во всех случаях опираться на конкретную, социальную структуру общества в определенный период его развития.

Так, современную мелкую буржуазию нельзя рассматривать изолированно от так называемых средних слоев, занимающих значительное место в системе государственно-монополистического капитализма. Речь идет именно о средних слоях, а не о среднем классе, который искусственно конструируется американской буржуазной социологией. Ядро средних слоев составляет мелкая буржуазия, но сюда же относятся и лица свободных профессий, полупролетарии. В целом это неоднородный слой людей, выступающих и как собственники мелких торговых, ремесленных, ремонтных, сельскохозяйственных предприятий и как лица наемного труда, не входящие в ряды пролетариата. Последние, так же как пролетариат, подвергаются эксплуатации, не владеют средствами производства, но не могут быть отнесены и к рабочему классу (служащие и интеллигенция).

Будучи достаточно аморфной группой, средние слои не исключают признания самостоятельности входящих в нее социальных групп (крестьянство, владельцы торговых и промышленных заведений, служащие, интеллигенция). Внутри средних слоев существует заметная градация по уровням материального положения, политическим пристрастиям, образованию.

В социальной структуре даже самых развитых капиталистических стран мелкая буржуазия — и сельская и городская — занимает весьма значительное место.

Так, среди крестьян и фермеров ФРГ мелкобуржуазные хозяйства в отличие от полупролетарских и чисто капиталистических составляют 55% всех хозяйств, во Франции — 63%, в США — 27%. Внутри городской буржуазии США, Англии, Франции, ФРГ происходят существенные изменения. Сокращается количество ремесленных предприятий при быстром росте числа предприятий в сфере услуг. Во Франции 20% населения занято в сфере торговли и мелкого производства. В условиях современного капитализма доходы мелкой буржуазии часто не достигают уровня доходов квалифицированных рабочих на крупных предприятиях. Нерегулярный рабочий день, отсутствие социальных пособий создают именно в среде мелкой буржуазии атмосферу зыбкости существования, неустойчивости, неуверенности в будущем.

Атмосфера неустойчивости характерна и для другой структурной части средних слоев — интеллигенции.

Характерной чертой этого слоя при государственно-монополистическом капитализме является значительная социальная дифференциация. В частности, происходит сдвиг в сторону демократизации и даже пролетаризации. Расширилась социальная база тех классов и групп, из которых формируется интеллигенция. Возросли черты, сближающие интеллигенцию с рабочим классом, — работа по найму, рост исполнительских функций, безработица. И все же интеллигенция, как служащие и мелкие собственники, значительно сильнее, чем рабочий класс, поддается буржуазной идеологии, которая нередко трансформируется в идеологию мелкобуржуазную, мещанскую по своему существу.

Следовательно, ленинские идеи о необходимости борьбы с буржуазной идеологией, как условие преодоления мещанства, сохраняют и в наши дни непреходящее значение.

Среди современных буржуазных социологов широкое распространение получила концепция «обуржуазивания» рабочего класса. Рабочий класс якобы все более интегрируется, вписывается в капиталистическую систему, становится частью среднего класса, «технического класса», приближаясь к служащим, техникам, программистам (66, 4—12).

Такие буржуазные социологи, как Ф. Цвейг, Г. Мекензи, К. Мейер, ошибочно полагают, что по мере развития современного производства, роста индустриального общества, улучшения материального положения части рабочих в развитых капиталистических странах рабочий класс в целом будто бы перестает быть чуждой буржуазии массой. По мнению этих социологов, рабочий класс изменяет свой облик, в нем (речь идет об Англии, Франции, Швейцарии, частично о США) все более укрепляются, утверждаются мещанские черты, которые становятся как бы характерными чертами кадровых рабочих.

Отсюда делается вывод о том, что мещанские интересы вообще полностью вытеснили классовую сплоченность и революционный дух рабочего класса. Эта точка зрения поддерживается даже теми социологами, кто критикует тезис об «обуржуазивании» рабочего класса. Например, Д. Локвуд, произвольно разделив рабочих на «традиционный рабочий класс», «респектабельных» и «индивидуализированных» рабочих, явно указывает на мещанский облик двух последних групп. И внешняя «респектабельность», и «индивидуализация» (от «индивидуализм») характеризуют именно мещанское поведение и мироощущение.

История общественной мысли уже давно зафиксировала стремление части, к примеру, английских рабочих усваивать мещанские традиции, манеры, образ мышления, поведения правящих классов. Но это чисто внешние черты, так как по существу пропасть между английскими рабочими, даже наиболее квалифицированными и высокооплачиваемыми, с одной стороны, и буржуазией, собственниками средств производства, с другой, не только не уменьшается, а, наоборот, возрастает.

Напомним, что тяготение части рабочих к буржуазно-мещанским слоям в Англии имело место уже на ранних этапах развития капитализма и было подмечено еще в конце XVIII века шотландским политическим писателем Джоном Миллером. А в 40—50-х годах про-

шлого столетия об этом писал А. И. Герцен, которого поразило, казалось бы, противоестественное стремление работников походить на своих хозяев, подражать им в костюме, привычках, внешних чертах быта. Герцен отмечал господство мещанских привычек у английских рабочих.

К. Маркс и Ф. Энгельс констатировали, что «английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается», что правящий класс Англии хотел иметь рядом с буржуазией и «буржуазный пролетариат» (4, 293). Пресловутую «респектабельность» Энгельс характеризовал как одно из распространенных проявлений обуржуазивания (5, 270). Но в отличие от буржуазных идеологов классики марксизма-ленинизма подчеркивали, что обуржуазивание захватило меньшую часть рабочего класса. Маркс и Энгельс, как впоследствии и В. И. Ленин, глубоко раскрыли суть процесса — своеобразный подкуп части рабочего класса за счет прибылей, получаемых английской буржуазией от эксплуатации народов колоний и вследствие определенных успехов экономики. При этом буржуазия использует раздробленность рабочих, внутреннюю конкуренцию профессий и профсоюзов, чтобы, опираясь на привилегированную верхушку, ослабить рабочий класс в целом. Подобное происходит и в современных условиях, причем еще в более явных формах. Хотя колониальная система потерпела крах, осталось экономическое влияние бывших метрополий в развивающихся странах, появились миллионы иностранных рабочих в странах Западной Европы, готовых выполнять любую неквалифицированную работу.

При известных условиях у небольшой части квалифицированных рабочих из коренного населения действительно может возникнуть мещанское самодовольство, связанное со стремлением сохранить свое относительно привилегированное положение. Среди этого слоя трудящихся наблюдаются тяготение к мелкой буржуазии, служащим средней руки, подражание им в стиле жизни, усваиваются чисто внешние формы досуга, культурных интересов, одежды, манеры держаться. Буржуазия безусловно заинтересована в росте таких мещанских тенденций, выдавая их за «обуржуазивание» большинства рабочих данной страны.

Буржуазные идеологи стремятся укрепить свое влияние внутри рабочего класса и навязать ему мещанские устремления как противовес революционным задачам

пролетариата, как антитезу реальному социализму. Ведется тщательный подсчет процентов частного домовладения у рабочих, числа телевизоров, стиральных машин в рабочих семьях. Однако скрывается тот факт, что владение бытовой техникой отнюдь не означает еще буржуазно-мещанского перерождения. Большинство рабочих и в условиях современного капитализма активно участвует в классовой борьбе, стачечном движении, что отнюдь не способствует укреплению капитализма.

Концепция буржуазно-мещанской ориентации рабочих является ложной и потому, что учитывает лишь чисто поверхностные явления. Относительное, по сравнению с предыдущими периодами, усовершенствование жизни рабочих нельзя абсолютизировать. Рабочие, в отличие от буржуазии, сравнительно мало пользуются благами научно-технической революции. Некоторое улучшение внешних форм их материальной жизни отнюдь не соответствует богатству, которое производит рабочий класс, а социальное положение рабочих, их влияние на политическую жизнь буржуазного общества никак не соответствует той роли, которую они играют в материальном производстве.

Таким образом, хотя буржуазно-мещанские тенденции и получают некоторое распространение среди рабочих капиталистического мира, но они никак не могут определять лицо рабочего класса, тем более не могут оправдать спекулятивных построений об «утрате» этим классом своей революционной сущности.

Конечно, в ходе научно-технического прогресса, развития материальной цивилизации совершаются перемены в условиях быта и жизни трудящихся. Им становятся доступными многие вещи, предметы быта, транспортные средства, формы досуга, которые в предшествующие периоды были доступны только более высоким по социальному статусу классам, слоям общества. Речь идет о закономерном и вполне естественном усовершенствовании материальной стороны жизни людей, их орудий и средств труда, средств передвижения и связи, жилищ и предметов быта.

В докапиталистических формациях, на ранних стадиях развития капитализма процесс совершенствования орудий труда и всей материальной жизни общества происходил замедленно и в полной мере не осознавался современниками. Кроме того, промышленные перевороты, переход от традиционных форм хозяйства к индустриальным сочетались с обезземеливанием крестьян

в Западной Европе и массовым перемещением их в города.

Вследствие скопления вчерашних мелких собственников — крестьян, ремесленников, торговцев — в городских трущобах происходило видимое ухудшение бытовых условий. Последующая консолидация рабочего класса, организованные формы его борьбы за лучшие условия труда приводили к известному повышению заработной платы и совершенствованию быта. Все это, однако, сопровождалось опережающим усилением эксплуатации, интенсификацией производства, возрастающими затратами нервно-психологических напряжений.

Дорогой ценой давался внешний материальный прогресс. Лишь со второй половины пятидесятих годов нашего столетия он был резко ускорен, когда научно-техническая революция охватила почти все отрасли производства, средства связи, транспорт, строительство. Она не могла не включить в сферу своего влияния и материальные формы быта. Многие элементы быта, «вещного мира», считавшиеся традиционными атрибутами собственников, средних слоев, мелкой буржуазии переместились в «нижние этажи», стали доступными части рабочих и служащих развитых капиталистических стран. Капитализм был вынужден пойти на определенные уступки и под воздействием реального социализма, обеспечившего трудящимся невиданные ранее социальные права.

Однако это никак не поколебало основной расстановки сил в капиталистическом обществе. Социальная его структура, конечно, претерпевает определенные изменения, но сущность ее — коренная противоположность между буржуазией и рабочим классом — осталась.

Отдельные элементы в рабочем классе, особенно пришедшие из других слоев общества, могут быть поражены потребительским, мещанским влиянием и стремиться не к победе своего класса над капитализмом, а к достижению буржуазных стандартов жизни. Но это никак не меняет основной классовой противоположности капитализма. Утверждения буржуазных авторов об упадке революционности, о тотальной пассивности, политическом безразличии рабочего класса, всеобщем равнодушии к общественным интересам, метафизически подменяющие сущность внешней видимостью, представляют собой поверхностное, субъективистское суждение о современных процессах.

Отдельные авторы, например известный западногерманский социолог Р. Дарендорф, откровенно оправдывают мещанские тенденции общественной пассивности чуть ли не как высшее достоинство западного мира. По мнению Дарендорфа, политическая пассивность свидетельствует о «здоровых политических условиях». Мещанско-потребительская устранимость от политики выдается за нормальное, более того, положительное явление, присущее только государствам с рыночной системой хозяйства, где политическая жизнь является прерогативой специализированных организаций и групп. Гражданам же государства отводится лишь частная жизнь с ее узкослужебными функциями и полным устранением от политики.

Естественно, что участие самих граждан в политической жизни стран социализма, их общественную активность Дарендорф, следуя своей извращенной логике, рассматривает как проявление несовершенства этих стран, как форму низшей организации. Такие построения служат для теоретического оправдания государственно-монополистического капитализма, где большинство населения попросту отстранено от участия в делах государства, от обсуждения и принятия решений. Даже избирательные кампании и те подчас, особенно в США, игнорируются значительной частью граждан. Таким образом, один из главных пороков капитализма, обрекающий людей на односторонность, возводится в достоинство этого строя. Ограниченность и пассивность, действительно свойственные мещанству, преподносятся как высшая форма общественного устройства, как естественное и нормальное состояние.

Однако реальность самого капиталистического мира отвергает подобные построения. Ни о какой политической, общественной пассивности большинства населения говорить в современных условиях попросту не приходится. Растущее забастовочное движение, повсеместные выступления трудящихся против угрозы ядерной войны, против курса милитаризации, проводимого США и другими странами НАТО, рост сознательной активности молодежи — все это свидетельствует о том, что мещански-потребительские идеалы, несмотря на их распространение, не парализовали трудящихся. Социальная активность, порождаемая объективными факторами, всемерно поддерживается коммунистическими партиями, которые вносят в стихийные процессы сознательное начало, идеи научного социализма. Составной

частью деятельности коммунистов является критика буржуазных концепций о тотальном господстве мещанства в рабочем движении, используемых ревизионистами, ультрарадикалами для нападков на реальный социализм.

Значительный ущерб рабочему движению нанесли сочинения мелкобуржуазного философа и социолога Герберта Маркузе. В книге «Одномерный человек» он, например, показывает, что человек всегда подчинен вещам, включен в вечную гонку за деньгами, вещами, знаками престижа, гонку, в которой нет финиша. Мещански-потребительскому сознанию маркузианцы придают черты абстрактной всеобщности, извечного внеклассового состояния, приписывают черты этого сознания всякому современному промышленно развитому обществу, в том числе и социализму. Рабочий класс не выделяется ими из массы трудящихся. Складывается упрощенная схема — чем выше уровень материальной жизни, чем больше развиты производство и потребление, тем ниже уровень политического сознания, тем сильнее мещанско-потребительское влияние на умы людей.

По логике маркузианцев, научно-технический прогресс, улучшение и облегчение условий жизни, совершенствование быта якобы неизбежно ведут в тупик, к бездумному и бессмысленно сытому, тупому самодовольству, при котором люди ни к чему не стремятся. Из этой примитивной схемы вытекает и еще один ложный вывод (на нем особенно настаивают маркузианцы, а вслед за ними левые ревизионисты, различные «сверхреволюционеры»): истинная революционность, политическая активность, духовный подъем — все это достояние бедноты, порождение трущобной жизни. Самый низкий уровень потребления — самый высокий уровень революционности. Единственным противовесом мещанству и потребительству является у таких горе-революционеров не социальное переустройство, не внесение в массы революционного сознания, а ориентация только на городские низы, обитателей трущоб и гетто, будто бы сохраняющих революционный пыл.

Если же исходить из реальных фактов, то носителями подлинно сознательной революционности могут быть прежде всего представители квалифицированных рабочих, пролетарской интеллигенции, но отнюдь не городские низы, склонные к вспышкам протеста, анархическому бунту. В определенных ситуациях изгон обще-

ства используются самой черной реакцией для расправы с подлинными революционерами.

Марксизм-ленинизм отрицает фатальную неизбежность победы мещанского духа. Решительным противовесом ему служит лучшая, организованная и сознательная часть рабочего класса, близкой к народу интеллигенции, которая под руководством партии коммунистов борется за переустройство общества на началах истинной справедливости, человечности, несовместимых с мещанской ограниченностью.

Современные буржуазные и ревизионистские концепции искажают природу и перспективы развития реального социализма. Стирая качественную грань между социализмом и капитализмом, идеологи капитализма пытаются приписать новому общественному строю все черты старого, неуклонно деформирующегося под воздействием обывательского сознания, узкомещанских интересов и настроений.

Один из основоположников так называемой советологии, теоретик антикоммунизма И. Бохенский в книге «Введение в современную советскую философию», признавая, что Запад не может рассчитывать на успех военной интервенции против СССР, все надежды связывал с неизбежной, по его мнению, эволюцией социальной жизни в нашей стране. Эту эволюцию Бохенский представлял как неизбежный рост мещанства, как фатальное перерождение образованных людей, в том числе и из среды рабочих и крестьян, в преуспевающих обывателей западного типа, занятых любыми суетными проблемами, но безразличных к судьбе своего общества, государства, идеалов социализма. Ставка советологов делается на то, что автомобили и путешествия, западные танцы и собирание пластинок вытеснят у наших людей патриотические и социалистические идеи, и влияние партии и ее идеологии будет якобы неизбежно уменьшаться, сокращаться.

Желаемое здесь выдается за действительное, частные факты — за обобщения. Буржуазный теоретик прибегает к несостоятельным доводам, перечисляя отдельные элементы современной цивилизации, формы досуга, которые сами по себе нейтральны и не могут рассматриваться как свидетельства всемогущества обывательских, мещанских взглядов и нравов.

Столь же несостоятельна концепция известного американского социолога У. Ростоу, который в книге «Стадии экономического роста» утверждает, что «...комму-

низм — это любопытная форма современного общества, уместная лишь до тех пор, пока не решены проблемы снабжения, связанные с процессом развития... но в сущности коммунизм, вероятно, зачахнет в период высокого уровня массового потребления».

Не сбудутся и надежды американского футуролога Г. Кана о том, что к 2000 году мир социализма якобы перестанет оказывать революционизирующее влияние на окружающие его страны и народы, так как советские граждане будто бы потеряют свои революционные и патриотические устремления. Подобная искаженная перспектива характерна и для югославского философа из журнала «Праксис» С. Стояновича, который в книге «Между идеалом и реальностью. Критика социализма и его будущего», вышедшей в Нью-Йорке в 1973 году, пишет: «Аскетизм и самоотверженность суровых условий борьбы со старым миром под силу небольшому числу людей. Для всего народа невозможно вечно жить на революционном энтузиазме. Попытка революционной элиты сделать незрелый коммунизм вечным состоянием рано или поздно приходит в конфликт с самой жизнью, со стремлением человека к выделению, к проявлению личной инициативы, к потребности в материальной компенсации за труд и более нормальной, комфортабельной жизни... Именно в результате этого возникает олигархически-стейтистский термидор революции».

В этом типично ревизионистском рассуждении искажается существо дела в полном соответствии со стандартами буржуазной и троцкистской оценки социализма.

Во-первых, умалчивается о том, что еще в первые годы после победы революции Ленин, партия подчеркивали необходимость соединить революционный подъем, энтузиазм масс с принципом материальной заинтересованности.

Во-вторых, аскетизм никогда не утверждался как некая норма человеческого существования. Более того, даже в самые трудные годы войн и послевоенных восстановлений Советское государство стремилось удовлетворить основные потребности трудящихся.

В-третьих, смешно вопреки фактам противопоставлять социализм и коммунизм «проявлениям личной инициативы». На деле же именно в условиях социализма и смогла в полной мере проявиться личная инициатива не узкой группы собственников, не элиты, а громадного большинства трудящихся. Только социа-

лизм смог создать необходимые условия для того, чтобы многообразные таланты и способности, заложенные в народе и подавленные капитализмом, смогли в полной мере обнаружиться, раскрыться на пользу общества.

Наконец, не может не обратить на себя внимание и эпигонство современного ревизионизма с его повторением троцкистского жаргона, давно отвергнутых суждений о «термидоре революции». Во всех подобных рассуждениях звучит общая для буржуазных и ревизионистских теоретиков ложная антиисторическая идея извечности мещанства, которое якобы поглощает и социалистический строй.

Не случайно в последние годы буржуазные идеологи усилили внимание к мелкобуржуазным, мещанским кругам, рассматривая их как своеобразную опору своего строя. Распространение бездумного, мещанского, потребительского сознания, апология стабильности, неизменности бытия, неприязни ко всем формам революционных изменений — характерная черта идеологической ситуации, сложившейся в буржуазном мире в конце 70-х — начале 80-х годов нашего столетия. Произошли серьезные сдвиги в экономике, политике и в идеологии современного капитализма. Относительный подъем и устойчивость экономики, расцвет «потребительского общества» с его иллюзиями «всеобщего благоденствия» сменился нарастанием кризисных явлений, инфляции, безработицы, поразивших прежде всего главную страну капитализма — США.

В сфере идеологии на смену буржуазно-либеральным концепциям пришли крайне правые агрессивные и неоконсервативные идеи. Провалились теории конвергенции, идеи научно-технического оптимизма, радужные расчеты на то, что чистый прогресс науки и техники приведет к переходу буржуазного общества в постиндустриальное общество, где исчезнут социальные конфликты и будет достигнута некая социальная гармония. Социальные конфликты в буржуазном мире существенно обострились, мир социализма не проявил никакой готовности к постепенной эволюции в сторону буржуазного перерождения. Расчеты на «кризис социализма», тем более на его «гибель» потерпели крах.

В этих условиях часть буржуазных и мелкобуржуазных идеологов обратилась к консерватизму, стремясь не только сохранить существующий капиталистический порядок, ограничить растущие тенденции к переменам,

но и реконструировать многие элементы «добротного времени». Идеализируются прежде всего мелкое производство, мир патриархальных отношений, который характеризовался «бесконфликтностью» и «расовой чистотой». Возрождается религия как основа морали, устойчивости, незыблемости социального и духовного мира. Обостряется односторонний интерес к истории, чтобы вызвать неприятие современности, ностальгию по временам, когда не было ни расовых конфликтов, ни забастовок, ни инфляции, ни загрязнения среды.

Настроения пессимизма, растерянности перед настоящим и боязни будущего более всего затронули именно мелкую буржуазию в широком смысле слова — ремесленников, торговцев, крестьян, определенную часть служащих и интеллигенции, в том числе и людей свободных профессий. Тем самым современное мещанство в условиях буржуазного мира получает дополнительные импульсы. Его идейная неразборчивость, аморфность проявляются в том, что отрицаются не истинные причины кризисных явлений, а современность как таковая, идеализируется то, что безвозвратно кануло в прошлое.

Научно-технический прогресс, урбанизация, интернационализация общественной жизни — процессы необратимые. Попытки отвергнуть их бесплодны, в них выражается типичный, бесперспективный характер мелкобуржуазного сознания, бессилие этого социального слоя, представители которого выступают в отрыве от прогрессивных сил общества, обособленно от рабочего класса.

В основе исторической ностальгии по ушедшей «тишине» и «естественности», в основе обличений «пагубной роли» науки и техники лежит реакционная идея возврата к уже преодоленным формам хозяйства. Идеализация мелкого хозяйства, ремесла, семейной фермы, мелкой торговли лишь на первый взгляд кажется безобидной, хотя в условиях капитализма мелотоварный сектор, особенно во Франции и США, широко распространен. Попытки представить его как антитезу индустриальному развитию, крупнопромышленному производству не только утопичны, но и реакционны, как и всякое попятное движение общества. От монополистического капитализма есть только один путь — через социалистическую революцию к социализму. Возврат же к докапиталистическим формам хозяйства и жизни — это путь регресса.

Идея такого возврата с целью противодействия развитию капитализма была выдвинута идеологами мелкой буржуазии, прежде всего Сисмонди, еще в прошлом столетии. В работе «К характеристике экономического романтизма» В. И. Ленин показал несостоятельность этой идеи: «Непонимание исторической роли машин, как фактора прогресса, — писал он, — и составляет одну из причин, по которым новейшая теория признала учение Сисмонди *реакционным*» (11, 179).

Современное мещанство в капиталистическом мире не выступает открыто против машин как таковых, но по существу его идеи и новейшие формы маскировки регресса имеют тот же смысл. Не меняет дела и то, что иногда используются верные сами по себе понятия, суждения, отражающие тревожные настроения в обществе. Например, опасения за судьбу природы, загрязняемой промышленными отходами, страх перед неудержимым ростом городов с их трущобами и преступностью. Ведь выводы делаются не конкретно-исторические, не антикапиталистические, а антипрогрессивные. Ставится под сомнение благотворность социального прогресса вообще, безотносительно к его формам и результатам.

Нельзя не согласиться с советским исследователем Г. Хромушиным, который в статье о новых тенденциях в развитии мелкобуржуазной идеологии пишет: «Призыв назад в пещеры всячески приукрашивается рассуждениями о нетленных традициях человеческого бытия, единения человека и природы, обычаях человеческого общежития в рамках патриархальных ячеек. Тоска по застою, ностальгия по патриархальщине, облеченные в форму квазитеоретических раздумий, не несут в себе ничего, кроме ретроградства» (106, 96).

Эта мещанская тоска по безвозвратно ушедшему прошлому используется современной буржуазной идеологией в целях антикоммунизма. Рассуждения о благотворности неоконсерватизма, о защите традиционных ценностей нередко обращаются против реального социализма, которому приписывается отрицание традиций, морали, всех вечных ценностей человечества. Под тем же флагом ставится под сомнение необходимость общественной собственности, планового хозяйства, интернационализма.

Таким образом, мелкобуржуазные, мещанские иллюзии вполне целенаправленно используются реакционными силами для противодействия хотя и противоре-

чивому, но реальному и необратимому социальному прогрессу. Трудно переоценить огромное значение той критики, которой были подвергнуты идеализация патриархальности, неклассовый подход к истории на страницах нашей партийной печати, в выступлениях ряда ученых и публицистов. Опыт такой критики имеет международное значение.

* * *

Коммунистическая партия требует активной и ответственной борьбы против всех отрицательных явлений, разрушающих нравственность народа, чуждых чести и совести каждого труженика в нашем обществе. Мещанская психология, порождающая безудержное стремление любыми нечестными путями обогатиться за счет других людей, угрожает духовному здоровью народа, коренным основам жизни нашего общества. «...Нужно всеми организационными, финансовыми, юридическими средствами, — подчеркнуто в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, — накрепко закрыть всякие щели для тунеядства, взяточничества, спекуляции, для нетрудовых доходов, любых посягательств на социалистическую собственность» (43, 59).

Доказано на практике, что осуществление нравственного воспитания неотделимо от решения задач социально-экономического и политического развития нашего общества.

Значительный общественный резонанс вызвали опубликованные в «Правде» статьи Феликса Кузнецова «Наши критерии нравственности» (1981, 9 ноября) и «Жить по совести» (1982, 22 февраля). В них подчеркнуто, что борьба против мещанства — это борьба идеологическая, борьба против явления, чуждого социализму в принципе. «Как только тот или иной человек, — справедливо замечает Ф. Кузнецов, — превращает материальные блага из условия жизни в цель и смысл своего существования, он становится мещанином, человеком, живущим по извращенной системе ценностей». Он, этот человек, превращается в раба денег и вещей.

Главный рубеж, на котором мещанский мир дает нам сегодня бой, лежит в сфере психологии и морали. Борьба против мещанской, мелкобуржуазной психологии и морали, выступающих под маской ультрасовременной моды, — это борьба против идущих из-за рубежа точно рассчитанных влияний. Все средства бур-

жуазной пропаганды, в том числе массовая культура, радио, кино, реклама, направлены на то, чтобы утвердить в сознании самых широких масс психологию потребительства. Если люди будут думать только о вещах и деньгах, у них исчезнут и чувство справедливости, и представление о добре, и малейшие проблески социального протеста.

Своевременно напоминает Ф. Кузнецов о том, что в современных условиях сверхмассовых коммуникаций и связей нельзя игнорировать миф потребительства, разукрашенный всеми «фальшивыми красками «витринного» преуспеяния и успеха». Противоядие мещанскому эгоизму, обывательскому тупому самолюбованию следует вырабатывать с юных лет, пробуждая лучшие стороны человеческой души.

Писатель Виталий Коротич, активно и страстно выступающий против мещанства, рассказал читателю о школьнике, который написал на пятерку сочинение о темном царстве торгашества и других пережитках прошлого, увековеченных в художественной литературе, а затем перепродал своим знакомым разные модные тряпки. Чтобы бороться с подобными явлениями, надо с детства учить человека истинной цене людям, вещам, событиям, надо чаще напоминать о том, замечает Коротич, что вся советская история возводилась на подвигах и на крови лучших детей Революции. Здесь все поучительно. И нарком продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа, падающий в голодные обмороки, и парализованный, потерявший зрение Николай Островский, диктующий великую книгу. И подвиг ленинской жизни...

«Надо тревожить свою память» — так назвал В. Коротич беседу с читателями «Комсомольской правды», и это название точно выражает сущность дела. Память о прошлом, о достойных жизнях, об истинных ценностях, которыми гордятся и которых не стыдятся, может и должна создать существенные преграды на пути распространения бездумной психологии и морали мещанства.

Чингиз Айтматов в статье «Дефицит человечности» взволнованно пишет о реальных проявлениях мещанства, обывательщины в нашем обществе, подмечая его реальные черты, например «некоторый рост цинизма». Способность «достать, обладать, приобрести... начинает ставиться превыше душевных человеческих качеств». Некоторая часть работников сферы торговли, обслужи-

вания «может, глядя на вас свысока, заметитъ вам, что вы не умеете жить». Писатель точно характеризует псевдоинтеллигентность и псевдосовременность мещанина. «Если у него нет того, что есть у кого-то из знакомых, если он здесь не побывал, там не успел, это, по его мнению, может уронить его в глазах окружающих. И потому мается в очереди за редкой книгой, стремглав несется на популярную выставку... Потом «на публике» как бы невзначай уронит: «Я был там-то». Слушать его в общем-то неинтересно, ума и сердца такие поверхностные суждения не задевают, но он судит, рядит, так как усвоил, что иначе не прослывешь вполне современным человеком... Хотя искренне считает себя счастливее соседа, у которого один ковер, если у самого два».

Чингиз Айтматов с известной долей оправданного скептицизма замечает: «Я не очень-то верю, что людей такой породы можно остановить, перевоспитать. Нам бы постараться, чтобы в их плен не отдать новые жертвы» (47). Писатель и предлагает значительно усилить, углубить школьное воспитание — именно воспитание, а не только образование, с тем чтобы в зародыше распознать семена эгоизма, расчетливости и бороться с ними. В этом великая роль учителей, воспитателей, просветителей в лучшем смысле этого слова.

Выступления Ф. Кузнецова в «Правде», Ч. Айтматова в «Литературной газете» встретили горячую поддержку и одобрение читателей. Их взволнованные письма — свидетельство духовного здоровья нашего народа, широты его интересов, глубокой идейной убежденности и нетерпимости, непримиримости к убогим мещанским ценностям.

Читатели справедливо пишут о том, что зло бесчестного потребительства не столько в материальном ущербе, наносимом государству, но и, как указывает А. Синицын из Риги, «в подрыве нравственных устоев нашего общества, так как стяжатели так или иначе разлагают некоторую часть морально неустойчивых граждан». Это особенно опасно, если речь идет о подрастающих поколениях. Учительница Л. Дудина из Чимкента прямо пишет о том, что «дети иных сверхобеспеченных родителей начинают относиться к своим одноклассникам, а зачастую и к учителям, как бы свысока. Мол, для меня учеба — это нечто ненужное и необязательное, подойдет время, и родители устроят, куда понадобится». Гневно пишет рабочий Л. Быков из Томска: «Раньше говорили: „Терпенье и труд все

перетрут". Сейчас говорят: „Хочешь жить — умей вертеться"». Читатели горячо поддержали мнение Чингиза Айтматова: пора действовать, пора кончать с обывательщиной.

Широкое общественное осуждение мещанских тенденций полностью опровергает расчеты буржуазных идеологов на «вечность» мещанства, на неизбежность обывательского перерождения советских людей.

Коммунистическая партия ведет постоянную борьбу против чуждых социализму явлений. При этом марксисты исходят из того, что борьба с мещанством, конечно, не может ограничиваться ни чисто словесной критикой, ни мерами чисто административными. Чрезвычайно важны меры социально-экономического характера, подрывающие и устраняющие питательную среду мещанской психологии. Дальнейшее развитие промышленности и сельского хозяйства, совершенствование сферы распределения, с тем чтобы плата за труд была главным источником существования, расширение общественных фондов, гарантирующих доступ всех трудящихся к медицинскому обслуживанию, отдыху и социальному обеспечению, улучшение бытового обслуживания и торговли — вот главные условия, которые лишат мещанскую психологию ее социально-экономической почвы.

Борьба против мещанства в сфере сознания и поведения не терпит абстрактности и идеализма. Причина явлений мещанства — не в извечных изъянах души человеческой, не в испорченности и ограниченности отдельных индивидов. Только идеалисты руководствуются этой установкой, ищут корни мещанства лишь в сознании, а средства его преодоления — в нравственном самосовершенствовании.

Преодолеть какое-либо отрицательное явление в общественной жизни — это значит прежде всего вскрыть порождающие его материальные причины, реальные обстоятельства. Но обстоятельства не автоматически меняют людей, а лишь в той мере, в какой сами люди изменяют обстоятельства, то есть устраняют причины, порождающие негативные явления. Только революционная практика борьбы за преобразование общества, учил Ленин, а не «усладительные речи и правила о нравственности» могут привести к реальному результату в воспитании людей. Преодолеть проявления мещанства, выработать стойкий иммунитет к его отравляющему дыханию нельзя без осмысленной активности личности, ее собственной практической деятельности.

Не проклятие моде, не осуждение вещей, не заклина-
ния об извечности потребительского вожделения, а ре-
шение коренных социально-экономических задач, трудо-
вое воспитание, последовательное осуществление прин-
ципов социализма, начал коллективизма, создание ат-
мосферы общественной активности и нетерпимости
к эгоистической замкнутости — вот реальный путь борь-
бы против рецидивов мелкобуржуазной, мещанской пси-
хологии в нашем обществе.

Вся система воспитания должна носить подчеркнуто
активный антимещанский характер. Это воспитание —
прежде всего нравственное воспитание. Принципы
коммунистической морали, в том числе непримиримость
к мещанству, действены только тогда, когда органично
вплетаются во все формы общественной активности.
Каждое общественное действие, организуемое в нашем
обществе, начиная от первых лет жизни ребенка среди
людей, в коллективе, следует наполнять духом коллек-
тивизма, внимания к другим людям, чувством нетерпи-
мости к обособленности, самодовольству, стремлению
получить больше от других, ничего не давая взамен.
Только система глубоко продуманных акций, каждая из
которых наполнена нравственным смыслом, может дать
реальный воспитательный эффект, служить противо-
ядием против многоликого мещанства.

Об этом нужно говорить, писать, напоминать, созда-
вая атмосферу нетерпимости к носителям эгоизма, ду-
шевной черствости, воинствующего потребительства во
всех без исключения категориях населения. Социали-
стическое сознание генетически не передается от поко-
ления к поколению, тем более не закрепляется автома-
тически. Оно воспроизводится с каждым новым поколе-
нием путем освоения идей научного социализма. Здесь
особенно важно, как справедливо отмечалось в статье
«Социалистический образ жизни: ориентация на чело-
века», утверждение высоких идеалов и ценностей, ради
реализации которых и совершалась социалистическая
революция, поскольку в «обыденной жизни ценности
производства стали противопоставляться ценностям по-
требления, рабочее время — свободному, мнимые цен-
ности — реальным» (99, 87).

Только единство мер социально-экономического, ад-
министративно-правового и воспитательного характера
может до конца развенчать и, в конечном счете, пре-
одолеть влияние мещанства на души людей социали-
стического мира, в особенности новых поколений.

1. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8.
2. *Маркс К.* О Прудоне. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16.
3. *Маркс К.* Капитал, т. 1. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23.
4. *Энгельс Ф.* Марксу, 7 октября 1858. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29.
5. *Энгельс Ф.* Ф. А. Зорге, 7 декабря 1889 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37.
6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42.
7. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21.
8. *Ленин В. И.* По поводу так называемого вопроса о рынках. — Полн. собр. соч., т. 1.
9. *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Полн. собр. соч., т. 1.
10. *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1.
11. *Ленин В. И.* К характеристике экономического романтизма. — Полн. собр. соч., т. 2.
12. *Ленин В. И.* Задачи русских социал-демократов. — Полн. собр. соч., т. 2.
13. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3.
14. *Ленин В. И.* Рецензия на книгу К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа». — Полн. собр. соч., т. 4.
15. *Ленин В. И.* Les beaux esprits se rencontrent. — Полн. собр. соч., т. 7.
16. *Ленин В. И.* Победа кадетов и задачи рабочей партии. — Полн. собр. соч., т. 12.
17. *Ленин В. И.* Первая победа революции. — Полн. собр. соч., т. 12.
18. *Ленин В. И.* Партийная организация и партийная литература. — Полн. собр. соч., т. 12.
19. *Ленин В. И.* Социалистическая партия и беспартийная революционность. — Полн. собр. соч., т. 12.
20. *Ленин В. И.* Кризис меньшевизма. — Полн. собр. соч., т. 14.
21. *Ленин В. И.* Большевики и мелкая буржуазия. — Полн. собр. соч., т. 15.

22. Ленин В. И. К оценке русской революции. — Полн. собр. соч., т. 17.
23. Ленин В. И. Левонародники о борьбе среди марксистов. — Полн. собр. соч., т. 24.
24. Ленин В. И. Еще один поход на демократию. — Полн. собр. соч., т. 22.
25. Ленин В. И. Памяти Герцена. — Полн. собр. соч., т. 21.
26. Ленин В. И. Новейшие данные о партиях в Германии. — Полн. собр. соч., т. 23.
27. Ленин В. И. О культурно-национальной автономии. — Полн. собр. соч., т. 24.
28. Ленин В. И. Упорство в защите плохого дела. — Полн. собр. соч., т. 24.
29. Ленин В. И. Заключение к сборнику «Марксизм и ликвидаторство» — Полн. собр. соч., т. 25.
30. Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России. — Полн. собр. соч., т. 25.
31. Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29.
32. Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? — Полн. собр. соч., т. 34.
33. Ленин В. И. О конституционных иллюзиях. — Полн. собр. соч., т. 34.
34. Ленин В. И. О голоде (Письмо к питерским рабочим). — Полн. собр. соч., т. 36.
35. Ленин В. И. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. Доклад об очередных задачах Советской власти. — Полн. собр. соч., т. 36.
36. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Ст. в «Правде» 11 октября 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 37.
37. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. — Полн. собр. соч., т. 37.
38. Ленин В. И. О диктатуре пролетариата. — Полн. собр. соч., т. 39.
39. Ленин В. И. О продовольственном налоге. — Полн. собр. соч., т. 43.
40. Ленин В. И. А. М. Горькому. 13 февраля 1908. — Полн. собр. соч., т. 47.
41. Ленин В. И. А. М. Горькому. 13 или 14 ноября 1913. — Полн. собр. соч., т. 48.
42. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
43. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
44. Вопросы идеологической работы КПСС. Сб. документов. 1965—1973 гг. М., 1973.
45. Справочник партийного работника. Выпуск 12. М., 1972, с. 204; выпуск 17. М., 1977, с. 344.
46. Андропов Ю. В. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 года. — Коммунист, 1983, № 9.
47. Айтматов Ч. Дефицит человечности. — Литературная газета, 1981, 12 августа.
48. Алпатов М. Высокая миссия русского искусства. — Коммунист, 1982, № 8.
49. Бачинин В. А. Мещанство как социально-нравственная проблема. М., 1982.
50. Бондарев Ю. А. Берег. М., 1980.
51. Булгаков С. Христианство и социализм. М., 1917.
52. Воровский В. Лишние люди. — Соч. в 3-х т., т. 2. М., 1931.
53. Воровский В. Базаров и Санин (Два нигилизма). — Соч., т. 2.

54. *Воровский В.* Раскол в темном царстве. — Соч., т. 2.
55. *Герцен А. И.* С того берега. — Собр. соч. в 30-ти т., т. 6.
56. *Герцен А. И.* Письма из Франции и Италии. — Собр. соч., т. 5.
57. *Герцен А. И.* Дилетантизм в науке. — Собр. соч., т. 3.
58. *Герцен А. И.* Былое и думы, т. 2, ч. 4—5. М., 1967.
59. *Герцен А. И.* Концы и начала. — Собр. соч., т. 16.
60. *Герцен А. И.* Письма из Avenue Maigny. — Собр. соч., т. 5.
61. *Гейне Г.* К истории религии и философии в Германии. — Собр. соч., т. 6. М., 1958.
62. *Голиков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925). М., 1975.
63. *Гончаров И. А.* Обыкновенная история. — Собр. соч. в 8-ми т., т. 1. М., 1952.
64. *Горький А. М.* Заметки о мещанстве. — Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 23. М., 1953.
65. *Горький А. М.* Разрушение личности. — Полн. собр. соч., т. 24. М., 1953.
66. *Жеманов О. Н.* Критика концепции обуржуазивания рабочего класса. — Вопросы философии, 1976, № 3.
67. *Жуковская Т. Н.* О некоторых тенденциях мелкобуржуазного сознания. — В кн.: Некоторые вопросы критики современной буржуазной идеологии. М., 1977.
68. *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. Т. 1—2. СПб., 1907.
69. *Кейзеров Н. М.* Патология потребительства: критика буржуазного образа жизни. М., 1977.
70. *Кириллова Е. А.* Философско-социологические аспекты критики А. И. Герценом мещанства. — В кн.: История философии и современная идеологическая борьба. Новосибирск, 1981.
71. *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.
72. *Кольцов М. Е.* Иван Вадимович человек на уровне. — Избр. произв. в 3-х т., т. 1. М., 1957.
73. *Коротич В.* Сверяя координаты пути. — Коммунист, 1982, № 10.
74. *Кропоткин П.* Записки революционера. М., 1933.
75. *Кувакин В. А.* Религиозная философия в России. М., 1980.
76. *Кузнецов Ф. Ф.* Размышления о нравственности. М., 1979.
77. *Кузнецов Ф. Ф.* Наши критерии нравственности. — Правда, 1981, 9 ноября; Он же. Жить по совести. — Правда, 1982, 22 февраля.
78. *Лавров А. В.* Переписка с Р. В. Ивановым-Разумником. — В кн.: Литературное наследство, т. 92 в 4-х кн. — Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 2. М., 1981.
79. *Левковский А. И.* Мелкая буржуазия: облик и судьбы класса. М., 1978.
80. *Луначарский А. В.* Мещанство и индивидуализм. М.—Пг., 1923.
81. *Луначарский А. В.* История этики. М., 1969.
82. *Луначарский А. В.* Собр. соч. в 8-ми т., т. 7. М., 1964.
83. *Луначарский А. В.* Собр. соч., т. 6.
84. *Маяковский В. В.* Собр. соч. в 13-ти т., т. 11. М., 1958.
85. *Михайлов Н. Н.* Социализм и разумные потребности личности. М., 1982.
86. *Мотяшов В. П.* Потребляющий мир: за и против. Человек в океане вещей: материальное и духовное в жизни общества. М.,

1976; *Он же. Moda, престиж и собственное «я»*. — Политическое самообразование, 1981, № 10.

87. *Новиков А. И.* Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли. Л., 1965.

88. *Новиков А. И.* Нигилизм и нигилисты. Л., 1972.

89. *Новиков А. И.* Критика буржуазной фальсификации идейно-теоретического наследия Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Чернышевский и современность. М., 1980.

90. *Петрова М. Г.* Эстетика позднего народничества. — В кн.: Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М., 1975.

91. *Писарев Д. И.* Мотивы русской драмы. — Собр. соч. в 4-х т., т. 2. М., 1955.

92. *Писарев Д. И.* Стоячая вода. — Собр. соч., т. 1.

93. *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения в 5-ти т., т. 5. М., 1958.

94. *Помяловский Н. Г.* Избранное. М., 1980.

95. *Пушкин А. С.* Моя родословная. — Собр. соч. в 10-ти т., т. 3. М., 1977.

96. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956.

97. *Райнов Б.* Черный роман. М., 1975.

98. *Рыдзюнский Л. Г.* Городские граждане дореформенной России. М., 1958.

99. *Струков Э.* Социалистический образ жизни: ориентация на человека. — Коммунист, 1981, № 13.

100. Социалистический образ жизни. Сборник статей ученых социалистических стран. М., 1979.

101. *Титаренко А. И.* Структура нравственного сознания. М., 1974.

102. *Титов В. А.* Некоторые вопросы борьбы с проявлениями потребительской психологии. — В кн.: Комсомол и формирование коммунистической убежденности молодежи. М., 1977, с. 79—85.

103. *Товстоногов Г. А.* О «Мещанах». — В кн.: Зеркало сцены, т. 1. Л., Искусство, 1980.

104. *Трифонов Ю.* Избранные повести в 2-х т., т. 2. М., 1978.

105. *Успенский Г. И.* Заячья совесть. — Собр. соч. в 9-ти т., т. 8. М., 1957.

106. *Хромушин Г.* Антикоммунизм в поисках социального резерва. — Коммунист, 1981, № 8.

107. *Чехов А. П.* Собр. соч. в 12-ти т., т. 11. М., 1956.

108. *Чехов А. П.* Собр. соч., т. 4. М., 1955.

109. *Шукиш В. М.* Нравственность есть правда. М., 1979.

110. *Яковлев В. Г., Старостенко А. М.* Мещанство — идейный противник научного коммунизма. Алма-Ата, Казахстан, 1976.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Судьба слова, судьба явления	3
Глава II. Мещанство в зеркале русской общественной мысли	11
Глава III. В. И. Ленин о многоликом мещанстве	35
Классовая природа мещанства в политике и идеологии	35
Принцип партийности: против мещанства в сфере духовной жизни	57
Глава IV. Мелкобуржуазная философия жизни	73
Грани полезности	75
Вещи и люди: деформация потребления	85
Глава V. В плену ложной престижности	100
Стиль жизни: сущность и видимость	100
Мнимые ценности параллельного мира	113
Глава VI. Мещанство в идейных битвах современности	124
Литература	148

Авраам Израилевич Новиков

МЕЩАНСТВО И МЕЩАНЕ

Против мелкобуржуазной философии жизни

Редактор Н. А. БАТАГИН. Младший редактор М. В. ТОСКИНА. Художник А. В. СЕРГЕЕВ. Художественный редактор И. В. ЗАРУБИНА. Технический редактор В. И. ДЕМЬЯНЕНКО. Корректор Т. В. МЕЛЬНИКОВА

ИБ № 2050

Сдано в набор 29.03.83. Подписано к печати 05.08.83. М-36205. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. Литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,98. Усл. кр.-отт. 10,08. Уч.-изд. л. 8,59. Тираж 15 000 экз. Заказ № 91. Цена 60 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

В книге доктора фило-
софских наук
А. И. Новикова
на основе ленинских идей
раскрывается сущность
мелкобуржуазного,
мещанского сознания
и его различных проявле-
ний (потребительского
подхода к жизни,
индивидуализма
и эгоизма, пренебреже-
ния к социальным и
духовным ценностям
общества).

Книга рассчитана
на пропагандистов,
партийных активистов,
интересующихся
вопросами
идеологической борьбы.